

ЖЮЛЬ ВЕРН

Братья Кип

•

**Воздушная
деревня**

Annotation

На борту торгового брига "Джеймс Кук", плавающего под английским флагом, назревает мятеж...

- [Братья Кип](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)

Братья Кип

Жюль Верн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Таверна «Три сороки»

В 1885 году, через сорок два года после захвата англичанами и через тридцать три года после освобождения из-под власти британской короны,^[1] Новая Зеландия, получив самоуправление, продолжала оставаться страной, охваченной золотой лихорадкой. Это обстоятельство не имело столь разрушительных последствий, как на Австралийском континенте, хотя и отразилось некоторым образом на нравах и составе населения обоих островов.

Провинция Отаго, которая включает в себя Тауай-Пунаму, была буквально наводнена искателями золота. Залежи Клута привлекали огромное количество авантюристов. Да это и неудивительно, ведь добытый между 1864 и 1889 годами на месторождениях Новой Зеландии драгоценный металл оценивался в тысячу двести миллионов франков.^[2]

Австралийцы и китайцы набросились на золотоносные земли, как стаи хищных птиц. Не отставали от них американцы и европейцы.

Экипажи торговых судов, направлявшихся в Веллингтон, Крайстчерч, Окленд, Нейпир, Инверкаргилл, Данидин, не могли удержаться от тяги к наживе и потому сильно редели, как только корабли прибывали в какой-нибудь из этих портов. Напрасно капитаны старались удержать матросов; напрасно морское начальство обещало принять меры. Дезертирство росло, и на рейдах скопилось множество судов, которые не могли отплыть из-за неукомплектованности команды.

Среди них в Данидине стоял и английский бриг «Джеймс Кук». Из восьми его матросов лишь четверо остались на борту. Остальные покинули корабль с твердым намерением не возвращаться. Сойдя на берег, они через двенадцать часов были, вероятно, уже далеко от Данидина, «взяв курс» к золотым россыпям провинции Отаго. Корабль, загруженный товаром, уже дней пятнадцать стоял в порту, готовый к отплытию, но капитан все никак не мог заменить дезертиров. Ни обещание более высоких заработков, ни перспектива сравнительно недолгого плавания (всего несколько месяцев) не привлекали на борт желающих. И кроме того, капитан опасался, как бы оставшиеся матросы не соблазнились примером своих товарищей. Боцману

Флигу Балту не оставалось ничего другого, как попытаться пополнить экипаж за счет завсегдатаев пивных, таверн и меблированных комнат.

Данидин расположен на юго-востоке Южного острова, который отделен от Северного проливом Кука. На языке аборигенов острова эти называются Тауай-Пунаму и Ика-на-Мауи.^[3] Они и образуют Новую Зеландию. В 1839 году, там, где теперь раскинулся город, Дюмон Дюрвиль нашел лишь несколько хижин маори.^[4] Ныне здесь выросли дворцы, отели, площади, скверы, вокзалы, склады, рынки, банки, церкви, колледжи и больницы. Жизнь бьет ключом в городских кварталах, и город постоянно расширяется. Это индустриальный и торговый центр, поражающий богатством и роскошью. Отсюда во всех направлениях расходятся железнодорожные пути. Данидин насчитывает около пятидесяти тысяч жителей и уступает по населению Окленду, крупнейшему городу Северного острова, но превосходит Веллингтон, правительственную резиденцию новозеландской колонии.

У подножия города, на холме амфитеатром расположился порт. С той поры, как его фарватер^[5] углубили от Порт-Чалмерса, сюда могут заходить корабли любого тоннажа.

Среди таверн, которыми кишмя кишит этот простонародный квартал, самой бойкой и шумной считалась таверна Адама Фрея, хозяина «Трех сорок». Этот плотный темнокожий человек очень походил на своих клиентов, сплошь пьяниц и негодяев, да и напитки, которыми он торговал, были не лучше.

В тот вечер в углу за столом сидели двое за бутылкой джина,^[6] наполовину уже пустой, но которой явно предстояло быть допитой до последней капли. Это были моряки с «Джеймса Кука», боцман Флиг Балт в компании матроса по имени Вэн Мод.

— Ты все еще не набрался, Мод? — спросил Флиг Балт, наполняя стакан своего собеседника.

— Всегда пью, когда не ем, господин Балт, — ответил матрос. — Джин после виски, виски после джина. Это вовсе не мешает говорить, слушать и все замечать. Язык у меня оказывается прекрасно подвешен, глаза видят яснее, а уши лучше слышат.

В ужасающем шуме таверны органы зрения, слуха и обоняния Вэна Мода действительно работали прекрасно.

Это был человек небольшого роста, лет тридцати пяти, худой, мускулистый, гибкий, с физиономией проныры, острым носом и живыми глазами, в которых то и дело вспыхивал пьяный огонь. Заостренная

мордочка с крысиными зубами выражала ум и хитрость. Как и его приятель, который прекрасно это понимал, он был готов на любое злое дело. Они стояли друг друга и могли рассчитывать один на другого.

— Однако пора с этим кончать... — произнес Флиг Балт и стукнул кулаком по столу.

— Нужно только выбрать из кучи! — ответил Вэн Мод и показал на группы пьющих, поющих, ругающихся в табачном дыму и винных парах, которые делали воздух настолько плотным, что можно было опьянеть, только вдыхая его.

Среднего роста, широкоплечий Флиг Балт обладал большой головой и крепкими конечностями. Достаточно было один раз увидеть это лицо, чтобы уже никогда не забыть его: на левой щеке огромная бородавка, жесткие глаза, густые, кустистые брови, рыжеватая бородка на американский лад, без усов. В общем, физиономия человека завистливого и мстительного. На корабль «Джеймс Кук» он поступил боцманом всего несколько месяцев тому назад. По бумагам Флиг Балт значился ирландцем из Белфаста, но, так как плавал уже два десятка лет, похоже, он и сам уже не помнил, кто его родители. Сколько матросов не имеют другой семьи, кроме своей команды, и другой родины, кроме корабля, на борту которого они идут в плавание! Создается впечатление, что их национальность меняется вместе с флагом корабля. Что касается службы, то Флиг Балт исполнял ее строго, более того, будучи боцманом, выполнял функции помощника капитана. Капитан Джибсон полагался на него во всех мелочах корабельной жизни, оставляя за собой общее командование бригам.

— Повторяю, — сказал Вэн Мод, в таверне «Три сороки» можно брать не глядя... Здесь мы найдем нужных людей, готовых торговать для собственной выгоды...

— Хорошо бы еще знать, — заметил Флиг Балт, — откуда они...

— Абсолютно бесполезно, раз они пойдут куда нам надо, господин Балт! Если мы набираем их из клиентов Адама Фрея, им можно довериться!

Репутация этого местечка была и впрямь прекрасно известна. Полиция могла спокойно закидывать любую сеть, не рискуя напасть на честного человека, который ранее не имел с ней дел. И хотя капитан Джибсон во что бы то ни стало должен был укомплектовать экипаж, он сам никогда не обратился бы к клиентам «Трех сорок». Поэтому Флиг Балт не посмел сказать ему, что направился в таверну Адама Фрея.

Единственный зал со столами, скамьями, табуретками и стойкой в

глубине освещался двумя зарешеченными окнами, выходившими на узкую улицу, которая вела к набережной. За стойкой стоял хозяин, за его спиной выстроились полки с бутылками и флаконами. Над дверью с огромными засовами красовалась вывеска, на которой три грубо намалеванные сороки раздирали друг друга клювами — вывеска, достойная самого заведения.

В октябре месяце на сорок пятом градусе южной широты уже в половине девятого вечера бывает совсем темно. Несколько чадящих керосиновых ламп горели над стойкой и столами. И этого было достаточно. Когда здорово пьют, освещение необязательно. Стаканы легко находят дорогу ко рту. Десятка два матросов сидели на лавках и табуретах. Здесь собрались люди отовсюду: американцы, англичане, ирландцы, голландцы. В большинстве своем это были дезертиры. Одни направлялись к приискам, другие, вернувшись оттуда, спускали последние самородки. Они так вопили, орали и пели, что даже выстрел никто не услышал бы в этом оглушительном шуме. При этом их глотки машинально поглощали содержимое стаканов, не чувствуя ни вкуса, ни ожога. Время от времени некоторые вставали, спотыкались, падали вновь. Адам Фрей с помощью гарсона, [\[7\]](#) здорового аборигена, поднимал их, вытаскивал и бросал в угол «в кучу» — говоря матросским языком. Скрипели петли входной двери. Клиенты, выходя, тыкались в стены, спотыкались о загородку, падали в канаву. Другие входили, усаживались на свободные скамьи, грубо приветствовали знакомых, обменивались рукопожатиями до хруста в костях. Встречались товарищи после долгой вахты в залежах Отаго. Иногда слышались нецензурная брань, грубые шутки, подстрекательские реплики летели от стола к столу. По правде говоря, вечер никогда не кончался без какой-нибудь потасовки, которая иногда перерастала в общую драку.

Флиг Балт и Вэн Мод с большим вниманием наблюдали за публикой, прежде чем, смотря по обстоятельствам, вмешаться в разговор.

— Вообще говоря, о чем идет речь? — сказал матрос, облокотившись на стол и придвигаясь к боцману. — Речь идет о том, чтобы заменить четверых, сбежавших с корабля, четырьмя другими... Так вот, те, что сбежали, о них не стоит жалеть... они бы все равно были не с нами! Говорю вам, здесь мы обтяпаем это дело. И пусть меня повесят, если хоть один из этих лихих парней откажется завладеть хорошей посудиною и отправиться колесить по Тихому океану... и вернется, ведь все останется по-прежнему?

— Само собой, — ответил Флиг Балт.

— Итак, посчитаем, — продолжал Вэн Мод. — Четверо ребят,

завербованных нами, кок^[8] Коа, вы и я против капитана, трех остальных и юнги. Этого более чем достаточно, чтобы все получилось на славу... Представьте: однажды утром юнга входит в каюту капитана Джибсона... никого! Переключка экипажа — не хватает трех человек!.. Какая-то волна слизнула их во время ночной вахты. Такое случается даже в штиль. Потом «Джеймс Кук» исчезает в водах Тихого океана. О нем больше никогда не вспоминают, и под другим именем, гораздо более красивым, «Претти Герл»,^[9] например, он плавает, ведя свою честную торговлю. Капитаном корабля становится Флиг Балт, а боцманом — Вэн Мод. Они пополняют свой экипаж еще парой добрых молодцов, каких полно на стоянках Запада и Востока... И каждый получает свою выгоду, вместо тощей платы, которую пропиваешь раньше, чем получаешь!

Из-за шума Флиг Балт разбирал не все слова Вэна Мода, но это не имело значения. Ему и не надо было их слышать. Все, что говорил его компаньон, он говорил себе сам. Приняв решение, боцман хотел теперь быть уверенным в его осуществлении. Поэтому он сделал лишь одно замечание:

— Четыре новичка, ты и я — это шестеро против пятерых, включая юнгу — ладно! Но ты не забыл, что в Веллингтоне мы должны принять на борт судовладельца Хаукинса и сына капитана?

— Разумеется, если из Данидина мы идем в Веллингтон, но если мы туда не идем...

— При хорошем ветре пройти из Данидина в Веллингтон — дело сорока восьми часов, — возразил боцман Балт, — и нет уверенности, что мы успеем нанести удар...

— Наплевать! воскликнул Вэн Мод. — Не беспокойтесь, даже если господин Хаукинс и сын Джибсона окажутся на борту! Они окажутся за бортом раньше, чем успеют что-нибудь сообразить! Главное — набрать молодцов, оценивающих человеческую жизнь не дороже прогоревшей трубки. Смельчаков, которые не боятся петли. И здесь мы должны таких найти.

— Что ж, давайте поищем, — ответил боцман Балт.

Оба начали пристально разглядывать клиентов Адама Фрея, а те, в свою очередь, уже начали с подозрением поглядывать в их сторону.

— Поглядите, вон тот, боксерского телосложения, с огромной головой... Да он уж раз десять заслужил виселицу за свои дела.

— Да, — отозвался боцман, — он мне нравится.

— А тот, кривой! Будьте уверены, он потерял свой глаз не в честном бою.

— Господи, да если он согласится, Мод...

— Он согласится.

— Однако, — заметил Флиг Балт, — мы ведь ничего не можем им обещать заранее.

— Мы ничего и не будем обещать, но, когда придет время, они не останутся в обиде. А посмотрите-ка на того, кто входит! Только по тому, как он хлопает дверью, можно с уверенностью сказать, что полицейские идут следом.

— Предложим ему выпить... — сказал боцман.

— И я ставлю голову против бутылки джина, что он не откажется! А там, подалее, взгляните на того медведя в панаме набекрень, держу пари, что во время плавания он больше сидел в трюме, чем на полубаке,^[10] что чаще были спутаны его ноги, чем свободны руки!

Действительно, четверо, на которых указал Вэн Мод, относились к типу законченных негодяев. И тут возникал вопрос: если Флиг Балт наймет их, согласится ли капитан Джибсон взять на борт такого вида матросов? Да еще оставалось узнать, хотят ли эти люди наняться матросами или сами они тоже дезертиры, решившие сменить матросскую робу на тужурку золотоискателя. Но об этом можно было узнать, лишь обмыв беседу джином и виски по их выбору.

— Эй, друг, опрокинем стаканчик! — обратился Вэн Мод к первому из своих избранников.

— Два, если можно, — ответил матрос, прищелкнув языком.

— Три... четыре... полдюжины или даже дюжину, коль глотка пересохла!

Лэн Кэннон, как назвал себя бродяга, бесцеремонно уселся, всем своим видом показывая, что он легко дойдет до дюжины. И все же, понимая, что поить его будут не за красивые глаза, хрипло пробасил:

— В чем дело, кэп?^[11] Вэн Мод только этого и ждал.

— Бриг «Джеймс Кук» готов к отплытию... Хорошее жалованье, плавание на несколько месяцев... Простой каботаж^[12] между островами, хорошее питание. Много хорошего вина... Порт приписки — Хобарт-Таун, короче, все, что может соблазнить моряка, который любит развлечься во время отдыха... И ничего не надо предъявлять в комиссариат... Если удастся укомплектовать экипаж, отправимся завтра на рассвете... и если есть друг в затруднительном положении, достаточно указать на него...

Лэн Кэннон, нахмутив брови, посмотрел на боцмана и его компаньона, как будто желая понять: чего они хотят от него? Наконец он коротко бросил:

— Нет.

— Вот это зря... — сказал Вэн Мод.

— Возможно, но наняться не могу.

— Почему?

— Собираюсь жениться!

— Вот это убил!

— Да... Кейт Вердакс, вдова...

— Эх! Дружище, — возразил Вэн Мод, хлопнув его по плечу, если ты когда-нибудь и женишься, то не на вдове Кейт Вердакс, а на вдове Кейт Жиббе.^[13]

Бродяга довольно ослабился и залпом опрокинул стакан. Затем встал и присоединился к группе, где шумели, ругались и звенели стаканами его приятели.

— Найдем другого! — сказал Вэн Мод, которого первая неудача не обескуражила.

На сей раз, оставив Балта, он подошел к столику в углу зала, за которым одиноко сидел матрос. Ничуть не лучше Кэннона по виду и, очевидно, не склонный к разговорам ни с кем, кроме своей бутылки, он вел с ней нескончаемую беседу.

Вэн Мод сразу взял быка за рога:

— Тебя как зовут?

— Меня? — отозвался матрос после некоторого колебания.

— Ну да...

— А тебя?

— Вэн Мод.

— И кто ты?

— Я — моряк с брига «Джеймс Кук», что сейчас на стоянке в Данидине.

— А зачем Вэну Моду понадобилось мое имя?

— На случай, если понадобится записать его в список нашего экипажа...

— Мое имя Кейл, — ответил матрос, — но я поберегу его для лучшего случая...

— Это если он представится, дружище...

— Да он всегда представится!

И Кейл повернулся спиной к Вэну Моду. Этот второй отказ несколько

подорвал уверенность матроса. В таверне Адама Фрея как на бирже, где спрос превышает предложение, но только наоборот.

С двумя другими клиентами результат был тот же. Эти двое вступили в бесконечный спор по поводу того, кому платить последний шиллинг за последнюю пинту.^[14] Но оба они, и ирландец Сэкстон, и американец Брайс, скорее дошли бы пешком до Ирландии или до Америки, чем завербовались бы даже на яхту ее величества или на лучший американский крейсер...

Еще несколько попыток потерпели неудачу. Сконфуженный Вэн Мод вернулся к столику боцмана.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул мистер Балт.

— Нет ли по соседству других таверн, кроме «Трех сорок»? — спросил боцман.

— Есть, но раз уж мы здесь никого не нашли, в другом месте не найдем тем более!

Флиг Балт ударил кулаком по столу так, что стаканы и бутылки подпрыгнули, и крепко выругался. Неужели его план провалился? Неужели ему не удастся пополнить команду «Джеймса Кука» четырьмя нужными людьми? Не хватало еще, чтобы капитан сам доукомплектовал экипаж матросами, которые будут держать его сторону. Но, по правде говоря, не было пока ни плохих, ни хороших, и, видимо, пройдут еще недели, прежде чем бриг сможет выйти в море. Однако надо посмотреть и в других местах. Матросских таверн хватало вокруг, как говорил Вэн Мод, их было больше, чем церквей и банков. Пока так размышлял Балт, спор Сэкстона и Брайса по поводу платы за выпивку принимал уже угрожающий характер. Оба, конечно, выпили намного больше, чем позволяли их финансы, а Адам Фрей не относился к числу тех, кто дает кредит хоть в несколько пенсов. Надо заплатить два шиллинга, и они их заплатят либо вмешается полиция и они вновь окажутся там, где уже неоднократно бывали за драки, оскорбления и тому подобные подвиги.

Хозяин «Трех сорок» требовал свои деньги, а Сэкстон и Брайс не могли их заплатить, как ни выворачивали свои карманы, которые были настолько же пусты, насколько сами они были полны водкой и джином. Может быть, именно сейчас настало время Вэну Моду вмешаться и предложить матросам несколько пиастров в счет будущего заработка?.. Но его сразу послали к черту, как только он сунулся со своими деньгами. К матросской брани присоединил свою и Адам Фрей, которому жалко было терять клиентов, если они завербуются на «Джеймса Кука». Боцман Балт понял, что пора кончать с этим:

— Пошли, Мод!

— Да, — ответил Вэн Мод, — еще только девять часов.

— Пойдем в «Старых братьев» или в «Хорошего моряка»... Это в двух шагах, и пусть меня повесят, если мы вернемся с пустыми руками!

Заметим, что слово «повесить» очень часто встречается в речи почтенного Вэна Мода — то как сравнение, то как метафора. Скорее всего, он считал, что это естественный конец жизни в этом проклятом мире!

Тем временем Адам Фрей, разобравшись с Модом, повел новое наступление на своих «гостей» и от самых резких требований уплаты перешел к угрозам. Сэкстон и Брайс заплатят или будут ночевать в полиции. Гарсону уже давно было поручено вызвать полицейских, которых пруд пруди в этом портовом квартале. Флиг Балт и Вэн Мод уже собрались уйти вместе с гарсоном, когда трое здоровых молодцов встали в дверях. Дело принимало неприятный оборот, и вечер, как и многие другие, грозил кончиться дракой.

Адам Фрей и гарсон, увидев, что дверь заблокирована, попытались задним ходом пробраться на маленькую улочку, которая шла вдоль заднего двора. Но не успели. В дело вмешались Кейл, Сэкстон и Лэн Кэннон, а за ними все посетители кабачка. Безучастны остались только с полдюжины мертвецы пьяных, что лежали по углам и не могли держаться на ногах. Балту и Моду стало ясно, что им не так легко будет пробиться к выходу.

— Надо смываться, — сказал первый, — здесь, кроме тумачков, ничего не получишь...

— Кто его знает? — ответил второй. — Посмотрим... Может, и извлечем из этого какую выгоду!

И так как оба, желая извлечь выгоду, вовсе не желали никаких неприятностей, они спрятались за стойкой.

Между тем в ход были пущены кулаки. Ножи держали наготове, и кровь могла пролиться в любую минуту, как бывало не раз в «Трех сороках». Казалось, Адам Фрей и гарсон будут раздавлены и не смогут ничего сделать, но тут несколько клиентов встали на их сторону. Шесть ирландцев, думая обеспечить себе кредит в будущем, отогнали нападающих. Поднялся адский шум. Боцман Балт и Вэн Мод еле увертывались от бутылок и стаканов, летящих из разных концов зала. Удары, крики, вопли. Лампы падали и гасли, и вскоре зал освещался лишь светом уличного фонаря.

Теперь уже зачинщики Лэн Кэннон, Кейл, Сэкстон и Брайс не нападали, а защищались. К тому же трактирщик и гарсон не были новичками в боксе. Страшные удары в глаз и в челюсть опрокинули Кейла и Брайса, но они вновь поднялись и ринулись на помощь товарищам,

которых ирландцы загнали в угол. Успех переходил от одних к другим, и исход битвы мог быть решен лишь участием извне.

Из таверны на улицу долетали брань и крики о помощи, но соседей и прохожих, однако, нимало не беспокоили трудности, которые испытывали завсегдатаи «Трех сорок», где драки были делом привычным. Жизнь за стенами кабачка шла своим чередом.

Бой между тем становился все более ожесточенным, по мере того как злоба переходила в ярость. Столы были перевернуты. Дрались скамейками. Сверкали ножи, в диком шуме слышались выстрелы. Тем временем трактирщик упорно старался пробраться к выходу. Вдруг с заднего двора ворвалась дюжина полицейских.

Как только прохожие на улице сообщили стражам порядка, что в таверне Адама Фрея идет резня, те сразу направились туда, продолжая идти тем размеренным шагом и с той степенностью, которые отличают английских полицейских. Как правило, они ходят по улицам большими группами, обеспечивая общественный порядок, и никакое, малое или крупное, происшествие не способно вывести их из равновесия. К тому же у них не было необходимости разбирать, кто из дерущихся нападающий, а кто обороняющийся. Они прекрасно знали, что те и другие стоят друг друга. Арестовав всех, они могли быть уверены, что сделали доброе дело.

Войдя в зал, несмотря на то, что он был плохо освещен, полицейские сразу узнали самых неистовых: Лэна Кэннона, Сэкстона, Кейла и Брайса, которых следовало немедленно отправить в тюрьму. Естественно, эти четверо, не дожидаясь возмездия, в одну секунду оказались на маленьком дворе. Но куда могли они убежать, и не поймут ли их на следующий день?

Вэн Мод, как он и обещал боцману Балту, вмешался в самый подходящий момент. Пока остальные, пытаясь прикрыть бегство наиболее отличившихся, сражались с полицейскими, он подбежал к Лэну Кэннону и крикнул:

— Эй, все четверо на «Джеймса Кука»!

Сэкстон, Брайс и Кейл сразу услышали.

— Когда он отплывает? — спросил Лэн Кэннон.

— Завтра на рассвете!

И, несмотря на усилия полицейских, против которых теперь сражалась вся банда, несмотря на то, что Адам Фрей во что бы то ни стало хотел засадить Лэна Кэннона и его троих собутыльников в тюрьму, им в сопровождении Вэна Мода и Флига Балта удалось бежать. И еще четверть часа спустя шлюпка, спущенная с брига, увозила их на корабль.

Глава II

Бриг «Джеймс Кук»

Бриг «Джеймс Кук» водоизмещением двести пятьдесят тонн — надежное и устойчивое судно с широким днищем и крепкими парусами, благодаря широкой корме, высоко поднятому носу и небольшому наклону мачт. Легко маневрируя и избегая прямых ударов волн, он при хорошем ветре шел со скоростью одиннадцати узлов.^[15] Экипаж состоял из капитана, боцмана, восьми матросов, повара и юнги. Корабль плавал под английским флагом и имел порт приписки в Хобарте, столице Тасмании — одной из важнейших английских колоний.

Вот уже добрый десяток лет «Джеймс Кук» совершал каботажные плавания между Австралией, Новой Зеландией и Филиппинами, и благодаря мастерству капитана, отличного моряка и умелого коммерсанта, эти рейсы были всегда успешны и приносили изрядный доход.

Пятидесятилетний капитан Гарри Джибсон не покидал судно с того самого дня, как оно сошло со стапелей в Брисбене. На три четверти бриг принадлежал мистеру Хаукинсу, судовладельцу из Хобарта, а на четверть — самому капитану. Дела у них шли отлично и сулили немалые барыши. Компаньоны дружили семьями и жили в одном квартале. Не проходило и дня, чтобы миссис Джибсон и миссис Хаукинс не виделись, что бесспорно скрашивало обеим женщинам разлуку с мужьями. В семье судовладельца детей не было, неудивительно поэтому, что супруги очень привязались к двадцатилетнему сыну капитана, который готовился стать коммерсантом. В настоящее время мистер Хаукинс находился в Веллингтоне, где совместно с Натом Джибсоном основал торговый дом. Именно там «Джеймс Кук» намеревался забрать обоих на борт и доставить в Хобарт. Но прежде бриг должен был принять на борт груз в архипелаге Бисмарка, близ экватора, по соседству с Новой Гвинеей — к северу от Австралии.

Как уже говорилось, Флиг Балт пользовался полным доверием капитана Джибсона, которого покорили усердие боцмана и его неизменные уверения в преданности. Сумел он завоевать авторитет и у остальных членов экипажа. Правда, когда дело касалось навигации и торговли, тут Гарри Джибсон доверял лишь самому себе, и Балту все никак не представлялось случая доказать, что он и в самом деле бывалый моряк, не

раз ходивший на судах помощником капитана. Казалось, Джибсон испытывал по этому поводу некоторые сомнения, и тем не менее никаких претензий к боцману у него не было. Очередное плавание проходило вполне удачно, если не считать дезертирства четырех матросов, задержавшее бриг в Данидине на две недели. Зато матросы Хоббс, Виклей и Бернс, не последовавшие примеру беглецов, были из породы честных служаек, мужественных и верных долгу. Так что о дезертирах не стоило бы и жалеть, если бы вместо них не пришлось нанимать отъявленных мерзавцев, завсегдатаев таверны «Три сороки».

Экипаж дополнял юнга Джим, четырнадцатилетний мальчик из честной рабочей семьи Хобарта. Родители отдали его под попечительство капитана. Он был отличным малым, и в дальнейшем из ловкого и смелого парнишки мог получиться отличный моряк. Мистер Джибсон относился к нему по-отечески, но промашек не спускал. Мальчик же испытывал к своему наставнику чувство глубокого уважения, а вот боцмана Джим возненавидел с первого дня, и Балт, заметив это, стал к нему придирается, так что капитану не раз приходилось вступаться за юнгу.

Корабельный кок Коа, темнокожий, среднего роста, с мелко вьющимися волосами, мускулистый и гибкий, был из туземцев Новой Зеландии и являлся типичным представителем племени маори. Капитан намеревался списать его с корабля сразу по окончании рейса, ибо давно убедился, что Коа — человек неискренний, мстительный и злой, да к тому же еще не отличающийся чистоплотностью — качество, весьма нежелательное для кока. Ни замечания, ни наказания на него не действовали. Флиг Балт и Вэн Мод в своих замыслах не случайно рассчитывали на него.

Итак, Вэн Мод, повар Коа и четыре новичка составили «армию» Флига Балта — семь человек против трех матросов, юнги и капитана. Правда, в Веллингтоне, рассуждал боцман, на борт поднимутся судовладелец и Нат Джибсон, и тогда силы будут уравновешены. Поэтому он решил завладеть судном во время короткого перехода между Данидином и Веллингтоном, и Вэн Мод, разумеется, с ним согласился.

«Джеймс Кук» находился в каботажном плавании уже четыре месяца, множество товаров прошло через его трюмы за это время. Миновав острова Малекула, Мазво и Эроманга в архипелаге Новые Гебриды, а затем Вану-Леву, один из островов Фиджи, бриг направлялся в Веллингтон, где мистер Хаукинс и Нат Джибсон уже ждали его прибытия. После Веллингтона корабль зайдет на Новую Гвинею с дешевым товаром для индейцев, там возьмет груз копры^[16] и перламутра^[17] на сумму от десяти до двенадцати

тысяч пиастров^[18] и отправится обратным курсом с заходом в Брисбен или Сидней. Через два месяца корабль должен вернуться в порт приписки.

Нетрудно понять, насколько непредвиденная задержка в Данидине нарушала планы капитана Джибсона. Поэтому, как только четверо матросов благодаря усилиям Балта оказались на корабле, капитан приказал закрепить шлюпки, чтобы новички не сбежали в первую же ночь.

Вечером боцман рассказал капитану подробности: в таверне завязалась драка, и он воспользовался случаем, пообещав избавить Лэна Кэннона и его товарищей от ареста; чего стоят эти парни — будет видно... Когда корабль выйдет в море, горячие головы поневоле остынут, а такие буяны часто бывают хорошими моряками. Одним словом, боцман считал эту операцию по вербовке матросов своей большой удачей.

— Посмотрим на них завтра, — сказал капитан.

— Да, — согласился боцман, надо дать им хорошенько проспаться после пьянки.

— Договорились. К тому же шлюпки закреплены на таях.^[19] Если что, им придется перемахнуть через борт...

— Исключено, капитан. Я запер их в трюм, и они не выйдут, пока корабль не снимется с якоря.

— А потом?

— А потом боязнь попасть в руки полиции удержит их на борту.

— Итак, до завтра, Балт!

Наступила ночь. Запирать Лэна Кэннона и его товарищей в трюме было действительно излишней предосторожностью: они и не думали бежать, все четверо громко храпели, забывшись тяжелым пьяным сном.

На рассвете следующего дня Джибсон дал команду приготовиться к отплытию. Затем он вызвал на палубу новичков. Вэн Мод открыл люк, и четверо матросов поднялись наверх. Они уже вполне протрезвели и не испытывали ни малейшего желания бежать. Вид представших перед капитаном матросов любого мог повергнуть в тоску, но много повидавший мистер Джибсон умел сохранять спокойствие, даже когда на сердце скребли кошки. Матросы назвали свои имена, а заодно сообщили и национальность; двое англичан, ирландец и американец. Что же касается места жительства, то такового у них не оказалось, все они скитались по портовым тавернам, будучи их постоянными посетителями и одновременно постояльцами. Не было у них и вещей: не успели захватить, когда спасались от полиции. Но боцман позаботился о новичках, снабдив их одеждой, бельем и посудой дезертиров. Таким образом, не было

надобности посылать их на берег за вещами, да они на этом и не настаивали.

Отпустив Лэна Кэннона, Сэкстона, Кейла и Брайса, капитан покачал головой и заметил:

— Скверная публика, Балт, не думаю, что вы сделали удачный выбор.

— Посмотрим, капитан, посмотрим, как они в деле...

— Надо следить за ними в оба!

— Разумеется, мистер Джибсон. Но, как уверяет офицер с «Вест-Паунда», стоявшего здесь на якоре, они довольно ловкие ребята.

— Вы что же, следили за ними?

— Да... несколько дней.

— И этот офицер знает их?

— Они долго плавали вместе, и, если верить ему, все четверо — хорошие матросы.

— И все же их не следует ставить на вахту вместе, — предупредил капитан, — двоих англичан назначьте с Хоббсом и Виклеем, а ирландца и американца поставьте с Бернсом и Вэном Модом. Так будет вернее.

— Слушаюсь, капитан, уверяю вас, когда судно выйдет в море, они будут работать на совесть. Конечно, во время стоянок, и особенно в Веллингтоне, за ними надо хорошенько приглядывать...

— Ладно, Балт, они все равно не внушают мне доверия, в Веллингтоне, если я смогу их заменить...

— Постараемся, капитан, — согласился боцман. В конце концов, я ведь хотел как лучше, и потом у меня ведь не было выбора!

Мистер Джибсон направился к рулевому, а боцман на нос, чтобы поднять и закрепить якорь, как только будут поставлены паруса.

Капитан взглянул на компас, потом на флюгер на верхушке мачты и на британский флаг, развеваемый ветром на гафеле^[20] брига. Судно тихонько покачивалось на якоре посреди гавани. Наконец подул северо-западный ветер. Пора было сниматься с якоря. Спустившись по фарватеру до Порт-Чалмерса, корабль сможет при попутном ветре достичь восточного берега Новой Зеландии, а затем пролива, разъединяющего оба острова.

Мистер Джибсон отдал команду, и оба марсея,^[21] тринкет^[22] и фок^[23] были мгновенно установлены. Лэн Кэннон и его товарищи показали, что они не новички в этом деле. Когда нужно было добраться до брам-стенги,^[24] они сделали это быстро и четко, как люди, знающие толк в марсовой службе.^[25] Якорь поднялся в тот момент, когда натянулись шкоты,^[26] дававшие направление бригу.

Дождавшись, когда боцман направится в рубку,^[27] Вэн Мод остановил его и спросил, как отнесся капитан к четверым завсегдатаям «Трех сорок».

— Он почти доволен.

— Надо сказать, наши новобранцы выглядят неважно.

— Не удивлюсь, если капитан захочет высадить их в Веллингтоне, — заметил Балт.

— Чтобы высадить их в Веллингтоне, — заметил Мод, пожав плечами, — надо еще попасть в Веллингтон...

— Будь осторожней, Мод!

— Итак, Балт, капитан все же недоволен?

— Нет...

— Наплевать! Главное, что мы довольны!

Боцман вернулся на корму.

— Все готово? — спросил мистер Джибсон.

— Все, капитан.

«Джеймс Кук» приближался к причалу, который ему предстояло обойти на расстоянии меньше полукабельтова.^[28] На причале собралась толпа моряков и зевак, любивших посмотреть, как корабль под парусами выходит в море. Вот уже несколько недель, как корабли не выходили из гавани, и любопытные были долго лишены столь великолепного зрелища. Среди них можно было различить несколько полицейских, «Джеймс Кук» явно привлекал их внимание.

Ни Флиг Балт, ни Вэн Мод нисколько не сомневались, что это свидетели драки в таверне Адама Фрея. Бриг вынужден был пройти очень близко от причала, обходя американский корабль, оглашавший воздух пронзительными сигналами. С такого расстояния полицейские могли без труда оглядеть всех матросов на борту и узнать дебоширов, а тогда как бы не пришлось «Джеймсу Куку» остановиться по распоряжению портовой полиции, чтобы выдать четверых новичков блюстителям порядка. Капитан Джибсон, несмотря на свою обычную осторожность, был слишком заинтересован в том, чтобы выйти в плавание. Ему совсем не хотелось разбираться с полицией. Поэтому, обменявшись несколькими фразами с боцманом, он приказал Вэну Моду убрать новичков с вахты, пока полицейские не заметили их.

Едва взглянув на причал, матросы моментально смекнули и стремглав бросились к люку. Да в них больше и не нуждались на палубе: паруса поставлены, и рулевой мог спокойно идти по фарватеру.

Когда корабль вышел из порта, ни капитану, ни матросам уже нечего

было опасаться, и отчаянная четверка снова поднялась на палубу. К тому же теперь ее присутствие стало не лишним: фарватер, тянувшийся с северо-запада на юго-восток, был очень извилистым, и матросам приходилось то и дело подтягивать шкоты на поворотах. «Джеймс Кук», подгоняемый попутным ветром, скользил вдоль зеленых берегов, застроенных виллами и коттеджами, где проходили железнодорожные пути, связывающие Данидин с Порт-Чалмерсом. Около восьми часов бриг миновал Порт-Чалмерс и вышел в открытое море.

Глава III

Вэн Мод в деле

Расстояние между Данидином и Веллингтоном через пролив, который разделяет два острова, составляет меньше четырехсот миль. При северо-западном ветре «Джеймс Кук», делая десять миль в час, мог бы через два дня подойти к Веллингтону. Всего два дня было у Флига Балта, чтобы осуществить свой замысел — захватить бриг и увести судно подальше на просторы Тихого океана. Поэтому следовало как можно скорее включить в заговор Лэна Кэннона и его товарищей, которых, без сомнения, привлечет перспектива удачных грабежей в отдаленных районах Тихого океана. Это и рассчитывал сделать Вэн Мод в первый день плавания. Он знал, что нельзя терять ни минуты. Этой или следующей ночью судно должно оказаться в их руках. Иначе другого случая могло больше не представиться.

Южный остров Новой Зеландии (Тауай-Пунаму), по своим очертаниям напоминающий узкий прямоугольник, несколько расширенный книзу, вытянулся с юго-запада на юго-восток. Северный же остров (Ика-на-Мауи) имеет форму неправильного треугольника, который заканчивается узким языком, протянувшимся до Северного мыса. Бриг шел вдоль сильно изрезанной береговой линии, повсюду высились огромные скалы причудливых очертаний, издали похожие на гигантских мастодонтов, обрушившихся на песок. То там, то здесь каменные глыбы напоминали монастырские аркады.^[29] Здесь даже в ясную погоду волны бьются о них с диким ревом. Корабль, который попытается подойти к берегу полным ходом, неминуемо погибнет, ибо трех-четыре ударов волны достаточно, чтобы разнести его в щепки. Но, если разыграется буря, то, к счастью, корабль, откуда бы он ни шел — с запада или с востока, — может обогнуть эту скалистую оконечность Новой Зеландии. К тому же есть две удобные бухты, где можно укрыться, если нельзя войти в порт. Это пролив Кука, между двумя островами, и пролив Фово, между Тауай-Пунаму и берегом острова Стюарт. Но нужно опасаться Снэрских рифов, где сталкиваются волны Индийского и Тихого океанов.^[30] Участок этот известен морскими катастрофами.

Позади береговой линии мощная горная система изобилует кратерами и водопадами, питающими довольно большие реки, несмотря на их значительную протяженность. Склоны гор поросли лесами, где сосны

достигают иногда высоты ста футов,^[31] а в диаметре двадцати. Здесь встречаются сосны, смолистые «куди»^[32] или «каикатеа»^[33] с плотными листьями и красными ягодами, у которых от подножия до вершины нет ни единой веточки. Но если Ика-на-Мауи может гордиться плодородием своей почвы и богатством растительности, конкурирующей с самыми блистательными образцами тропической флоры, то этого никак нельзя сказать о Тауай-Пунаму. Здесь возделывается едва лишь десятая часть всей территории, правда, на некоторых плодородных участках аборигены могут собрать не только небольшой урожай зерновых, но и довольно много картофеля. Кроме того, они в изобилии собирают корень папоротника, «птерис эскулента», который является их основной пищей.

Так как Гарри Джибсон был прекрасным лоцманом, «Джеймс Кук» иногда подходил так близко к берегу, что на корабле даже слышали пение птиц. Среди других выделялся мелодичный голос «пой».^[34] Иногда к ним примешивались гортанные крики различных попугаев, желтоклювых уток с ярко-красными ногами и голоса других водоплавающих. Самые храбрые пролетали даже сквозь снасти судна. От птиц не отставали морские животные, проявлявшие не меньше любопытства к громадной посудине, вторгшейся в их владения, и не меньше дерзости. Но когда форштевень^[35] корабля нарушал их игры, надо было видеть, с какой скоростью рассеивались все эти китообразные, морские слоны и морские львы, многочисленные тюлени, что привлекают охотников своим жиром и густым мехом. Ведь двух сотен таких животных достаточно, чтобы получить до сотни баррелей^[36] жира!

Погода стояла прекрасная. Ветер дул в сторону суши, и поток воздуха, дойдя до острова, натыкался на горную цепь. Согретый горячим солнцем, он поднимался высоко вверх и быстро нес бриг с поднятыми бизанью^[37] и лиселями^[38] правого борта. Нужно было лишь чуть-чуть ослаблять шкоты и легко работать рулем. К одиннадцати часам гора Эрбер, что перед портом Оамару, показала свою вершину, возвышающуюся на тысячу футов над уровнем моря.

Все утро Вэн Мод искал случая поговорить с Лэном Кэнноном, которого он справедливо считал самым умным и влиятельным из четверых, набранных в Данидине. Наконец капитан, пока не было необходимости в маневрах, спустился в кабину и занялся бортовым журналом, оставив боцмана следить за порядком.

Хобб стоял за рулем. Бернс и Брайс молча прохаживались вдоль релингов,^[39] юнгу Джима боцман отправил чистить медные ручки

нактоуза.^[40] На палубе еще оставались друзья Лэна Кэннона, свободные от вахты: Сэкстон и Кейл предпочитали свежий морской воздух душевной атмосфере кубрика.^[41] Удобно расположившись на полуюте, они развлекались рассказами кока. Туземец демонстрировал им свою татуировку на лице, туловище и руках, выполненную новозеландским моко, проникающим глубоко в кожу, — черта, отличающая стиль новозеландцев от остальных племен Тихого океана. Эту операцию «моко», объяснял Коа делают далеко не всем. Нет. Куки, или рабы, ее не достойны, а также другие представители низших классов, кроме тех случаев, когда кто-то из них отличается подвигами на войне.

Коа гордился своей раскраской, он рассказывал, при каких обстоятельствах его грудь украсилась тем или иным рисунком, и просил иметь в виду, что на лбу у него нестирающимися буквами написано его собственное имя и что, если бы даже эту эмблему можно было стереть, он ни за что на свете не согласился бы. Надо заметить, что благодаря татуировке кожа у здешних островитян становится грубее. Отсюда и лучшая сопротивляемость укусам комаров и холодам, довольно значительным зимой. Европейцы, наверное, согласились бы даже такой ценой избавиться от проклятых насекомых!

В то время, как Као, явно испытывая симпатию к Сэкстону и его приятелю, завязывал с ними дружбу, Вэн Мод и Лэн Кэннон находились с подветренной стороны, и их никто не мог услышать.

— Эй, друг, — начал разговор Вэн Мод, — вот ты и на борту «Джеймса Кука». Хороший корабль, не правда ли? Идет себе со скоростью одиннадцать узлов, а тебе и пальцем не надо шевелить...

— Твоя правда, Мод.

— И с приличной загрузкой трюма, товар, который стоит дорого... Уж все лучше, чем оставаться на берегу... Где бы ты был сейчас, со своими дружками, если бы я вас не взял на борт?

— В «Трех сороках», Мод...

— Нет, Адам Фрей выгнал бы вас, и всех четверых схватила бы полиция, а так как, я думаю, вы там не впервые, суд наверняка наградил бы вас парой месяцев отдыха в тюрьме Данидина...

— Тюрьма на земле или судно в море — это одно и то же, — заметил Лэн Кэннон, который, по-видимому, еще не смирился с судьбой, внезапно перенесшей его на борт «Джеймса Кука».

— Как, — воскликнул Вэн Мод, — и это говорит моряк!

— Да мы и не собирались в плавание, — заявил Лэн Кэннон. — Если

бы не эта свалка вчера, мы были бы уже далеко, по дороге в Отаго...

— Вкалывать и подыхать от голода и жажды, послушай, друг, а для чего?

— Чтобы разбогатеть!

— Разбогатеть... на россыпях? Да там больше нечего ловить! Или ты не видел тех, кто оттуда возвращается? Булыжников там сколько угодно, ими можно нагрузиться, чтобы не возвращаться с пустыми карманами! Что же до самородков, то урожай уже собрали, а они растут не каждый день и даже не каждый год!

— Я встречал таких, которые вовсе не жалеют, что сменили корабль на россыпи Клуты...

— А я знаю четверых, которые не пожалеют, что очутились на борту «Джеймса Кука» вместо того, чтобы направиться в глубь материка!

— Это ты про нас?

— Про вас и про тройку таких же мошенников...

— И ты хочешь вдолбить мне в башку, что матрос может достаточно заработать, чтобы веселиться, есть и пить до конца своих дней, в каботажном плавании, где он работает на капитана и судовладельца?

— Нет, конечно, — ответил Вэн Мод, — за исключением того случая, когда он работает на себя!

— И каким образом, когда ты не владелец корабля?

— Но им можно стать...

— Ты что думаешь, у меня и моих ребят есть деньги в банке Данидина, чтобы купить корабль?

— Нет, дружище, если у вас когда и были деньги, то они давно уже попали в руки Адама Фрея и ему подобных!

— Но я сильно сомневаюсь, что мистер Джибсон вдруг захочет подарить нам свое судно...

— Нет... но всегда может произойти несчастный случай.

Лэн Кэннон пристально смотрел на Вэна Мода, спрашивая себя, правильно ли он его понял.

А тот продолжал:

— Капитана заменяет второй помощник, а если нет, то лейтенант...

— А если нет лейтенанта, — перебил его Лэн Кэннон, — то боцман...

— Ты совершенно прав, дружище, а с боцманом Флигом Балтом мы далеко пойдем...

— И не туда, куда сейчас? — вставил Лэн Кэннон, скосив глаза.

— Нет... но туда, куда мы хотим, туда, где бойко идет торговля хорошими грузами: перламутром, копррой, пряностями... все это есть в

трюме «Литл Герл».^[42]

— «Литл Герл»?

— Новое имя «Джеймса Кука», красивое имя, не так ли, и оно принесет нам счастье!

Лэн Кэннон был достаточно хитер, чтобы браться за дело, не выяснив все детали, и не оценив шансы на успех, и не убедившись, что боцман является соучастником Вэна Мода.

— Командовать кораблем будет Балт? — спросил Кэннон, быстро оглянувшись.

— Ну да, тысяча чертей! — ответил Вэн Мод. Но ты, Лэн, твои друзья и мы все будем судовладельцами! Сегодня вечером, после восьмичасовой вахты, когда ты будешь у руля, Флиг Балт поговорит с тобой, Лэн.

— Договорились, Мод... Сэкстону, Брайсу и Кейлу я закину словечко об этом деле.

— Но, видишь ли, надо спешить...

И Вэн Мод посвятил матроса в то обстоятельство, которое его больше всего беспокоило, скорое пополнение экипажа двумя верными капитану людьми.

Лэн Кэннон все понял. Сегодня же вечером он предупредит своих товарищей, за которых он ручается, как за себя. Но сначала Флиг Балт должен подтвердить все, что сказал Вэн Мод. Двух слов и рукопожатия достаточно, чтобы скрепить договор. Да, Лэн Кэннон не потребует расписки! Что будет обещано, то будет сделано и т. д.

Как и обещал Вэн Мод, к восьми часам, когда Лэн Кэннон стоял у штурвала, боцман, выйдя из рубки, направился к кормовой части. Но капитан был там.

На закате северо-западный ветер ослабел, но не изменил направления. Море обещало быть спокойным до утра. Это значило, что не придется менять паруса, разве что добавить фор- и грот-брамсели.^[43] Бриг останется тогда под марселями, нижними парусами и кливерами.^[44] К тому же он не будет так прижиматься к ветру, пока не повернет на северо-восток. От порта Оамару «Джеймс Кук» должен был пересечь широкую бухту, известную под названием Кентербери, которая полукругом врезается в берег. Чтобы обойти полуостров Банке, который закрывает бухту, нужно идти с ненатянутыми парусами. Мистер Джибсон распорядился направить реи и травить шкоты,^[45] чтобы следовать данному направлению. Если к рассвету ветер не прекратится, он рассчитывал оставить позади Помпей-Пилларс и выйти на траверз^[46] Крайстчерча.

Когда приказания капитана были выполнены, он, к большой досаде Флига Балта, еще оставался на палубе до десяти часов вечера. Наконец мистер Джибсон, бросив последний взгляд на горизонт и на паруса, направился в свою каюту, которая выходила к рубке.

Разговор между Лэном Кэнноном и боцманом был коротким. Боцман подтвердил план Вэна Мода: ворваться в каюту капитана, схватить его и бросить за борт, а Хоббса, Виклея и Бернса отправить следом...

— Когда? спросил Лэн Кэннон.

— Сегодня ночью.

— В котором часу?

— Между одиннадцатью и полуночью, — ответил Флиг Балт. — На вахте будут Хоббс с Сэкстоном, Виклей — за штурвалом...

— Понял, — коротко ответил Кэннон и, отдав Моду штурвал, направился на нос, где несли вахту Сэкстон и Брайс. Подойдя к фок-мачте, он увидел одного Виклея.

— Где они? — спросил Лэн Кэннон.

— В кубрике, мертвецки пьяные... оба...

— Скоты! — прошептал Кэннон. — Теперь не проспят до утра, и с этим ничего не поделаешь.

Спустившись в кубрик, он нашел своих друзей валяющимися на полу, вместе с бутылкой из-под джина, которую они стащили на камбузе^[47] и опустошили до последней капли.

Легко представить бешенство Флига Балта, когда ему рассказали обо всем. Вэн Мод насилу успокоил его, но и сам бы он с удовольствием отправил на виселицу подлых пропойц! Но не все еще было потеряно. В запасе оставалась одна ночь.

Гарри Джибсон рано утром поднялся на палубу. Вахтенные матросы были на своих постах, бриг шел в нужном направлении к Крайстчерчу, обогнув полуостров Банкс. День начинался хорошо. Солнце поднималось над горизонтом, туман быстро рассеивался. Сначала казалось, что ветер будет дуть с моря. Но с семи утра он подул с суши, как и накануне. Правильно маневрируя, «Джеймс Кук» сможет достичь Веллингтона, не меняя галсов.^[48]

— Ничего нового? — спросил мистер Джибсон у Балта, когда боцман вышел из каюты, где он провел последние ночные часы.

— Ничего нового, капитан, — ответил тот.

— Кто за штурвалом?

— Матрос Кэннон.

— Как ведут себя новички?
— Никак, но я думаю, они лучше, чем кажутся.
— Рад слышать, Балт, ибо в Веллингтоне, как и в Данидине, я думаю, у капитанов нехватка экипажа.

— Это возможно, господин Джибсон.
— И если эти не подведут...
— Будем надеяться, капитан, — ответил Флиг Балт.

Продолжая плыть к северу, «Джеймс Кук» шел всего в трех-четыре мили от берега. В ярких лучах солнца вырисовывались высокие горные цепи Кайкоура, что пересекают провинцию Марлборо, вздымаясь причудливыми очертаниями гребней на высоте десяти тысяч футов. Густые леса зеленели на их склонах, а водные потоки устремлялись вниз к морю. Между тем ветер стихал, и скорость корабля стала гораздо ниже, чем накануне, из чего следовало, что ему не добраться до Веллингтона к ночи.

К пяти часам показались только вершины Бен-Мора южнее маленького порта Флаксбурна. Нужно было еще пять-шесть часов, чтобы достигнуть пролива Кука. Флиг Балт и Вэн Мод теперь были твердо уверены, что у них будет целая ночь для осуществления их планов, а протрезвевшая команда Кэннона только ждала сигнала. Кейл, Сэкстон и Брайс уже знали, что между полуночью и часом ночи, когда капитан будет отдыхать от вахты, Вэн Мод и Лэн Кэннон проникнут к нему, свяжут его, вытащат и бросят за борт, прежде чем он успеет вскрикнуть. Одновременно Кейл, Сэкстон и Брайс схватят стоящих на вахте Хоббса и Бернса и отправят их следом за капитаном. Остается Виклей в кубрике, с которым, как и с юнгой, легко справятся Коа и Флиг Балт. Когда на борту останутся только сообщники, «Джеймс Кук», подтянув шкоты, пойдет на всех парусах в Тихий океан к востоку от Новой Зеландии. Еще до рассвета бриг под командованием Флига Балта будет уже далеко от этих мест.

Было около семи часов вечера, когда на северо-востоке показался мыс Кэмпбелл, оконечность Южного острова, а на расстоянии пятидесяти миль от него мыс Паллисер, крайняя точка острова Ика-на-Мауи (о. Северный).

Бриг шел вдоль берега Южного острова со скоростью меньше двух узлов, подняв все паруса, даже лиселя, так как к вечеру ветер стал еще слабее. Берег был открытый, с базальтовыми скалами, от которых внутрь острова полого поднимались горы. Вершина Уэльд сверкала своим острием в лучах заходящего солнца. Заговорщики знали, что в восемь часов вечера капитан, доверив свою вахту боцману, уйдет в свою каюту. Ночь обещала быть светлой, а на горизонте не было видно ни одного паруса, что давало надежду на легкий переход через пролив.

Около восьми часов сзади по правому борту показался дым, а затем и пароход, который обходил Кэмпбелл. Поначалу Мода и Балта это ничуть не беспокоило, ибо пароход при его скорости вскоре должен был обогнать бриг. Когда с подходившего парового судна послышался выстрел и на мачте был поднят английский флаг, все узнали государственное сторожевое судно. Гарри Джибсон остался на палубе, а Вэн Мод и Флиг Балт начали испытывать беспокойство. Прошел еще час, а мистер Джибсон, сидя у рубки, и не думал спускаться в каюту. Он рассматривал сторожевик, который уже приблизился к ним на расстояние меньше одной мили. Беспокойство Флига Балта и его сообщников теперь переходило в бешенство.

Английский корабль шел на малой скорости, из трубы его валил дым. Он покачивался на волнах, почти не рассекая волн ударами винта, оставляя поверхность воды почти такой же спокойной, как парусник. Почему сторожевик замедлил ход? Неполадки в машине, или его капитан не хочет входить в порт Веллингтона ночью, где фарватер довольно сложный? Так или иначе, но по одной из этих причин, думал Флиг Балт, это судно, очевидно, будет идти до рассвета под малым паром и, следовательно, в поле зрения брига. А это значит, что избавиться от капитана и трех матросов без большого шума не удастся. Если кто-нибудь из них станет сопротивляться и успеет поднять крик, их, конечно, услышат на сторожевом корабле, который находится в двух-трех кабельтовых от «Джеймса Кука». Оставалось лишь ждать, когда капитан Джибсон отправится отдохнуть в свою каюту. Тогда можно было бы попытаться уйти от сторожевика... но капитан так и не покинул палубы. На рассвете «Джеймс Кук» прошел Бленем, расположенный на побережье Тауай-Пунаму на западном берегу пролива, потом подошел к мысу Николсон у входа в бухту Веллингтона. Наконец в шесть часов утра бриг вошел в бухту одновременно со сторожевым судном и бросил якорь посреди порта.

Глава IV

В Веллингтоне

Город Веллингтон расположен на юго-западной оконечности Северного острова, в глубине подковообразной бухты, прекрасно защищенной от ветра. Бригу повезло с погодой, но так бывает далеко не всегда. Чаще всего плавание в проливе Кука бывает довольно трудным. Несмотря на то, что приливы в этом районе Тихого океана небольшие, скорость различных течений достигает в этих местах десяти узлов.

Голландский мореплаватель Тасман, который в декабре 1642 года открыл Новую Зеландию, подвергся там серьезным опасностям. Он сел на мель, и на него напали туземцы отсюда название бухты Резни, фигурирующее в географическом описании пролива. Из экипажа Тасмана погибли четыре человека, которые стали добычей каннибалов. А сто лет спустя английский мореплаватель Джеймс Кук потерял там весь экипаж своей сторожевой лодки под командованием капитана Фюрно, который тоже попал в руки каннибалов. А еще сто лет спустя француз Марион Дюфрэн вместе с шестнадцатью своими спутниками погиб от варварского нападения туземцев.

В марте 1840 года Дюмон-Дюрвиль на «Астролябии» и «Зеле» вошел в бухту Отаго Южного острова. Он посетил острова Снэрс и Стюарт. Потом он жил в порту Акароа, вовсе не жалуясь на взаимоотношения с аборигенами. Память о знаменитом моряке запечатлена в названии острова, который теперь носит его имя. Населенный только пингвинами и альбатросами, он отделен от Южного острова Французским проливом, где море столь бурно, что корабли без особой нужды туда не заходят.

Теперь, под британским флагом, по крайней мере в местах, населенных маори, земли Новой Зеландии вполне безопасны. Опасностей, исходивших от людей, больше нет, остались лишь те, что исходят от моря, да и они стали меньше, благодаря гидрографическим работам и возведению большого маяка на скале перед бухтой Порт-Николсон, в глубине которой стоит Веллингтон.

Новозеландская «Лэнд Компани» отправила в январе 1849 года корабль «Аврора» с первыми колонистами на побережье этой далекой

страны. Теперь население обоих островов — Северного и Южного — не меньше восьмисот тысяч жителей, из которых около тридцати тысяч живут в Веллингтоне. [\[49\]](#)

Город прекрасно расположен, строго распланирован и застроен, улицы его широки и чисты. Большинство домов деревянные, ибо землетрясения здесь весьма нередки, из дерева же построены общественные здания, правительственный дворец и даже собор, ведь близость к небу не защита от земных катаклизмов. Город этот менее значителен и индустриален, чем два-три соперничающих с ним города, там меньше развита торговля. Но в один прекрасный день он сравнивается со своими соперниками благодаря колонизаторскому гению Великобритании. Во всяком случае, его университет, законодательная палата в количестве пятидесяти четырех членов, из которых четверо маори, назначенные правительством, его палата представителей могут быть предметом зависти для многих городов Старого и Нового Света. А его колледжи, школы, музеи, заводы по выработке мороженого мяса, его образцовая тюрьма, площади, городские сады, где электричество скоро заменит газ, делают город Веллингтон исключительно комфортабельным.

«Джеймс Кук» не подошел к пристани лишь потому, что капитан Джибсон надеялся таким образом предотвратить побег своих людей. Золотая лихорадка свирепствует в Веллингтоне так же, как и в других новозеландских портах.

Многие корабли не могли сняться с якоря за недостатком матросов. Как только «Джеймс Кук» вошел в порт, капитан сразу сел в шлюпку, которая доставила его к причалу, а в восемь он был в конторе Хаукинса, расположенной в конце улицы, ведущей к порту.

— Отец!

— Друг мой!

Гарри Джибсон опередил сына и мистера Хаукинса, которые только что собирались выйти к причалу, как они делали каждый день, чтобы посмотреть, не объявил ли сигнальщик прибытие «Джеймса Кука». Сначала на шею ему бросился сын, потом сжал в объятиях мистер Хаукинс.

Судовладелец, которому в ту пору исполнилось пятьдесят, был человеком среднего роста, безбородым, с седеющими волосами. Он отличался хорошим сложением, здоровьем и привлекал мягким и добрым взглядом светлых глаз. Слыл он человеком очень энергичным, сведущим в торговле и смелым, когда дело касалось финансовых операций. Его положение в Хобарте стало уже достаточно прочным, и он мог спокойно удалиться от дел. Но праздная жизнь была не для него. Поэтому он

продолжал заниматься морской торговлей и основал новую контору в Веллингтоне. Вместе с мистером Балфуром Нат Джибсон должен был стать сотрудником этой новой фирмы.

Двадцатилетний сын капитана Джибсона, юноша умный и серьезный, соединял в себе артистичность, художественный вкус и склонность к коммерции. Его внешность можно описать в нескольких словах: выше среднего роста, шатен с небольшой бородкой и черными глазами. Симпатичная физиономия, элегантные манеры и непосредственность Ната Джибсона нравились с первого взгляда. Вокруг горячего, увлекающегося юноши были только друзья, но все это не исключало того, что с годами он станет человеком достаточно твердым. От матери Нат унаследовал более решительный характер, чем у отца.

В свободное время молодой Джибсон с удовольствием занимался фотографией. Это искусство очень развилось благодаря различным веществам, позволяющим доводить мгновенное изображение до последней степени совершенства. Он никогда не расставался со своим аппаратом, особенно во время путешествия. Его привлекало все: живописные уголки, аборигены, друзья, виды городов и их окрестности. От Ната Джибсона не отставал и сам мистер Хаукинс. Их часто можно было увидеть вдвоем, с фотоаппаратами через плечо, в окрестностях Веллингтона. Они всегда возвращались с новыми пополнениями для своей коллекции.

Представив капитана мистеру Балфуру, Хаукинс вернулся в контору вместе с Джибсоном и его сыном. Речь пошла прежде всего о Хобарте. Новостей хватало благодаря регулярному сообщению между Тасманией и Новой Зеландией. Как раз накануне пришли письма от миссис Хаукинс и миссис Джибсон, которые знали, что «Джеймс Кук» должен зайти в Веллингтон.

— Еще пять-шесть недель, — сказал мистер Хаукинс, — и мы будем в Хобарте.

— Милая мама, — воскликнул Нат Джибсон, — она так же обрадуется, когда увидит нас, как мы с мистером Хаукинсом, когда встретили тебя, отец!

— Друг мой, обратился судовладелец к капитану, — я совершенно уверен, что плавание «Джеймса Кука» будет недолгим.

— Я того же мнения, Хаукинс!

— Даже при средней скорости, — продолжал коммерсант, — расстояние между Новой Зеландией и Новой Ирландией невелико...

— В особенности в этом сезоне. Море спокойно до самого экватора, думаю, что мы не задержимся, если только остановка в Порт-Праслине не

затянется.

— На этот счет не беспокойся, Джибсон, я получил от нашего корреспондента, мистера Зигера, вполне утешительное письмо. Там на складах запасы перламутра и копры, так что погрузка брига пройдет без проволочек.

— Готов ли мистер Зигер заняться поставкой товаров для нас? — спросил капитан.

— Да, друг мой, я еще раз говорю тебе, что с его стороны не будет никакой задержки.

— Но не забудь, что после Порт-Праслина бриг должен еще зайти на Керавару.

— Это дело одних суток, Джибсон.

— Послушай, отец, мы можем уже сейчас определить время всего плавания... Сколько продлится стоянка в Порт-Праслине и на Кераваре?

— Примерно три недели.

— А от Веллингтона до Порт-Праслина?

— Столько же.

— А возвращение в Тасманию?

— Примерно месяц.

— Итак, вполне возможно, что через два с половиной месяца «Джеймс Кук» вернется в Хобарт...

— Приблизительно так.

— Хорошо, — сказал Нат Джибсон, — я напишу маме сегодня же, так как пароход, который берет почту в Австралию, снимается с якоря послезавтра. Я буду просить ее, как и миссис Хаукинс, запастись терпением еще на неделю, считая со дня прибытия письма, не так ли мистер Хаукинс?

— Да, мой дорогой.

— А в начале года обе семьи будут вместе...

— Две семьи, что составляют, в сущности, одну! — вставил мистер Хаукинс.

Судовладелец и капитан крепко пожали друг другу руки.

— Дорогой Джибсон, — сказал мистер Хаукинс, — мы завтракаем сегодня с мистером Балфуром... У тебя есть дела в городе?

— Нет, — ответил капитан, — но мне надо вернуться на судно.

— Прекрасно, на корабль! — воскликнул Нат Джибсон. — С каким удовольствием я еще раз увижу наш бриг, перед тем как мы перенесем туда багаж.

— Но, — спросил Хаукинс, — он постоит еще несколько дней в Веллингтоне?

— Не больше двадцати четырех часов, — ответил капитан. — Я не нуждаюсь в ремонте, и здесь, как вам известно, не будет никакой погрузки или разгрузки. Необходимо только возобновить запасы продовольствия, а для этого довольно одного вечера. Именно по этому поводу мне нужно отдать распоряжения Балту.

— Ты по-прежнему доволен боцманом?

— По-прежнему. Он человек старательный и знающий свое дело.

— Итак, «Джеймс Кук» снимается с якоря?

— Завтра, если не произойдет того, что произошло в Данидине. Сейчас капитанам торговых судов не стоит задерживаться в портах Новой Зеландии!

— Ты хочешь сказать, что дезертирство сильно сокращает численность экипажей? — спросил мистер Хаукинс.

— Из восьми матросов в Данидине я потерял четверых, о которых ничего не знаю, поэтому и запретил выход на берег всем, даже коку Коа.

— Ты поступил осторожно, отец, — сказал Нат Джибсон. — В порту чуть ли не полдюжины кораблей не могут поднять якорь из-за недостатка матросов.

— Видишь ли, Джибсон, — задумчиво протянул судовладелец, — я потому заговорил о Флиге Балте, что он не произвел на меня хорошего впечатления, когда мы взяли его в Хобарте.

— Да, знаю, но твои предположения не имеют оснований. Он усердно выполняет свои обязанности, люди знают, что ему нужно подчиняться, и я еще раз говорю тебе, что служба его до сего дня была безупречной.

— Тем лучше, Джибсон, в данном случае я предпочитаю ошибиться, и раз он внушает тебе доверие...

— К тому же, Хаукинс, когда речь идет о маневрировании, ты же знаешь, я рассчитываю только на себя. Что же касается всего остального, я охотно поручаю это боцману. С самого отплытия мне не в чем его упрекнуть, и если он захочет пойти в следующее плавание...

— В конце концов, это твое дело, дорогой друг, ответил Хаукинс. Ты лучше всех знаешь, что надо делать. Но что ты скажешь об экипаже?

— Старыми матросами я доволен, — Вэн Мод, Хоббс, Виклей и Бернс — прекрасные моряки, и раз они не дезертировали в Данидине, то не пойдут на это и здесь.

— По возвращении им будет зачтено, — объявил судовладелец.

— Разумеется, я запретил высадку на берег не из-за них, а из-за четверых новичков, они не внушают большого доверия, эти завсегдатаи «Трех сорок».

— Завсегдатаи, говоришь? — переспросил судовладелец.

— Разумеется, друг мой, но ты же знаешь, в каком я был затруднении, я ведь опаздывал на пятнадцать дней! Уже подумывал — не придется ли мне ждать месяцы, чтобы набрать экипаж! Что ж ты хочешь? Берешь, что находишь...

— Но с ними следует расстаться, как только это станет возможным, — заметил Хаукинс.

— Конечно, Хаукинс. Я бы списал их уже в Веллингтоне, если бы было возможно, но я непременно сделаю это в Хобарте.

— У нас еще будет время подумать об этом, отец! Бриг ведь сможет отдохнуть несколько месяцев, не так ли, мистер Хаукинс? И мы будем все вместе дома, пока мне не надо будет возвращаться в Веллингтон.

— Все устроится, Нат, — ответил судовладелец.

Джибсон с сыном и мистер Хаукинс вышли из конторы, спустились на набережную, взяли лодку, которая обслуживала порт, и направились к бригу.

Их принял боцман, как всегда заискивающий и предупредительный, на которого мистер Хаукинс, после беседы с капитаном, смотрел уже более благосклонно.

— Рад видеть вас в добром здравии, мистер Хаукинс, — сказал Флиг Балт.

— Благодарю вас.

Мистер Хаукинс поздравил с прибытием Хоббса, Виклея и Бернса, плававших на «Джеймсе Куке» уже много лет. Что же до Джима, то его он расцеловал в обе щеки.

— У меня хорошие новости от твоей мамы, — сказал мистер Хаукинс, — и она надеется, что капитан тобой доволен.

— Полностью, — объявил Джибсон.

— Спасибо большое, мистер Хаукинс, — сказал Джим, — вы мне доставили такое удовольствие!

Поговорив с Хоббсом, Бернсом и Виклеем об их семьях, которые остались в Хобарте, коммерсант обратился к Вэну Моду, которого знал меньше других, ибо для Мода это было первое плавание на борту «Джеймса Кука». С новичками — вид их произвел на него не лучшее впечатление, чем на Джибсона, — он просто поздоровался.

Час спустя капитан объявил, что бриг выйдет в море завтра на рассвете и, прежде чем отправиться в город, спросил боцмана, не хочет ли тот сойти на берег.

— Нет, капитан, ответил Флиг Балт. — Предпочитаю оставаться на

борту, это благоразумнее. И следить за людьми.

— Вы правы, Балт, — сказал Джибсон. Только не забудьте послать за продовольствием.

Все было решено. Судовладелец и капитан с сыном сели в лодку и направились к берегу. В конторе к ним присоединился мистер Балфур, и все пошли завтракать. За завтраком все сошлись на том, что до сего времени путешествие «Джеймса Кука» было удачным и приносило большие доходы.

Большое каботажное плавание стремительно развивалось в этой части Тихого океана. Тот факт, что Германия завладела архипелагами, соседними с Новой Гвинеей, открывал новые возможности. Не случайно поэтому, что мистер Хаукинс завязал новые деловые отношения с мистером Зигером с Новой Ирландии, который сейчас находился на Новом Мекленбурге. Контора, которую он основал в Веллингтоне, должна была поддерживать контакты усилиями Балфура и Ната Джибсона.

После завтрака мистер Джибсон намеревался проверить, как идет загрузка провианта — мясных консервов, дичи, муки, сухих овощей, сыров, пива, джина, черри,^[50] кофе, благовоний.

— Отец, тебе не выйти отсюда, пока я не сделаю твой портрет!

— Как... опять! — воскликнул капитан.

— Вот так, друг мой, — заметил Хаукинс, — мы оба теперь одержимы демоном фотографии и не даем пощады людям, пока они не предстанут перед нашим объективом! Итак, подчинись добровольно!

— Но у меня уже есть два или три портрета в Хобарте!

— Видишь ли, отец, ведь портрет — как рыба, хорош, пока свеж... Подумай сам, теперь тебе на десять месяцев больше, чем во время отъезда из Хобарта. И я уверен, что сейчас ты не похож на ту фотографию, что висит над камином в твоей комнате.

— Нат совершенно прав, — рассмеялся Хаукинс. — Я тебя едва узнал сегодня утром!

— Ладно, дитя мое, я готов к самопожертвованию...

— И какой ты собираешься принять вид, — не унимался судовладелец, — отъезжающего или прибывающего? Встанешь в позу командира: вытянутая к горизонту рука, в руке секстант^[51] или подозрная труба; поза самого главного, после Бога, на корабле!

— Как скажешь, Хаукинс...

— Пока будешь стоять перед объективом, старайся думать о чем-нибудь! Это придает значительное выражение лицу! О чем ты будешь

думать?

— О моей дорогой жене, о сыне и о тебе, друг мой.

— Тогда ты получишь блестящий кадр!

У Ната Джибсона был один из тех совершенных аппаратов, которые за несколько секунд дают проявленный негатив. Посмотрев на него, сын остался доволен портретом и поручил Балфуру отпечатать фотографию. Затем друзья отправились на один из веллингтонских складов, которых немало в этом городе, и там есть все необходимое для плавания: провизия, бортовые приспособления, снасти, блоки, канаты, посуда, сменные паруса, рыболовные принадлежности, бочки для дегтя и гудрона, плотничий и конопаточный инструмент. Но, кроме замены нескольких частей пенькового троса да продовольствия для экипажа и пассажиров, бриг больше ни в чем не нуждался. Поэтому покупки не заняли много времени и были отправлены на корабль вместе с матросами Виклеем, Хоббсом и коком Коа.

Мистер Джибсон заодно выполнил все формальности, необходимые при входе и выходе из порта.

Итак, ничто не мешало бригу выйти в море на рассвете. Освободившись от дел, капитан мог беззаботно пройтись по городу, в котором он давно не был. На его улицах среди очень занятых европейцев попадались маори из окрестных деревень. Их стало теперь значительно меньше в Новой Зеландии, как, впрочем, и австралийцев в Австралии и, особенно, тасманийцев в Тасмании, ибо эта раса почти исчезла. Сейчас едва насчитывается сорок тысяч туземцев на Северном острове и тысячи две на Южном.^[52] Занимаются они главным образом огородничеством и разведением плодовых деревьев, которыми особенно славится эта часть земного шара.

Мужчины-маори относятся к тому прекрасному типу, который отличается крепким телосложением, выносливостью и энергичным характером. Женщины значительно уступают мужчинам. Во всяком случае, трудно без удивления смотреть на этих представительниц слабого пола, разгуливающих по улице с трубкой в зубах. Курят они значительно больше, чем их мужья и братья. Надо заметить, что обмен любезностями с дамами-маори непросто. Ведь аборигены здесь не обмениваются приветствиями или рукопожатиями, а трутся носами.

Эти туземцы, судя по всему, полинезийского происхождения. Возможно также, что первые иммигранты пришли с архипелага Тонга, что расположен в дюжине сотен миль к северу. Есть две причины, по которым этот народ вымирает и, очевидно, исчезнет совсем. Первая причина

чахотка. Болезнь уносит многие жизни. Вторая, еще более страшная, — пьянство. В потреблении алкоголя первое место занимают женщины. С другой стороны, у маори сильно изменился режим питания, с тех пор как они благодаря миссионерству^[53] стали христианами. Раньше аборигены были людоедами. И кто осмелится утверждать, что эта пища, столь богатая азотом, не соответствовала их темпераменту? Уж не лучше ли, чтобы они совсем исчезли, чем съели друг друга? Но, скажет слишком достойный турист, ведь каннибализм имел единственную цель: вырвать глаза и сердце врага, чтобы впитать его храбрость и мудрость! Как бы то ни было, маори сопротивлялись британскому завоеванию до 1875 года, когда последний король Кинг-Кантри^[54] сдался английским властям.

К шести часам вечера мистер Хаукинс, капитан и Нат Джибсон вернулись в контору пообедать. Затем они распрощались с мистером Балфуром и отправились на корабль, который отплывал с первыми рассветными лучами.

Глава V

Несколько дней плавания

Было шесть часов утра, когда «Джеймс Кук», подняв все паруса, снялся с якоря. Чтобы выйти из гавани по узкому извилистому проходу, капитану пришлось немало маневрировать. Бриг обогнул мыс Николсон, но из-за извилистой береговой линии вышел в залив, где дул встречный северный ветер. Однако на широте Отаки морской ветер с запада позволил ему пересечь широкий залив Ика-на-Мауни между Веллингтоном и Нью-Плимутом, минуя мыс Эгмонт. Таким образом «Джеймс Кук», пересекая бухту наискосок, удалился от берега и должен был вновь приблизиться к нему лишь на широте обойденного мыса.

Вдоль западного берега Северного острова нужно было пройти примерно сотню миль. При постоянном ветре на это потребовалось бы три дня. Но, принимая во внимание направление ветра, бриг не мог находиться в постоянной видимости береговой линии. Правда, «Джеймс Кук» мог спокойно удаляться от берега, ибо Гарри Джибсон прекрасно знал гидрографические характеристики побережья.

Первый день плавания проходил благополучно. Мистер Хаукинс и Нат Джибсон, сидя возле рубки, предавались удовольствию, глядя на волнистый пенный след от корабля. Капитан прохаживался по палубе, бросая иногда взгляд на нактоуз перед рулевым и обмениваясь репликами с пассажирами. Половина экипажа несла вахту на носу, вторая — после утреннего завтрака — отдыхала в кубрике. Множество удочек было заброшено с борта, и к завтраку они вполне могли выудить несколько рыбешек, столь многочисленных в здешних морях. Не надо забывать, что у берегов Новой Зеландии водится много китов. Охота на них здесь весьма успешна.

Вокруг брига появились дельфины, к которым можно было легко подплыть. Глядя, как резвятся эти морские млекопитающие, неугомонный мистер Хаукинс заметил:

— Мне всегда хотелось объединить каботаж и рыболовство, Джибсон, и я думаю, что прибыль можно получать и от того, и от другого.

— Очень возможно, — ответил капитан, — ведь китобои, которые попадают в эти моря, буквально набивают трюмы бочками масла, китового жира и китового уса.

— В Веллингтоне рассказывают, — заметил Нат Джибсон, что киты ловятся здесь значительно легче, чем в других местах...

— Это правда, — сказал капитан, — дело в том, что слух у них значительно менее развит, чем у других видов. Поэтому к ним легко подойти на расстояние броска гарпуна. Вообще, всякий кит, который попал в поле зрения, может считаться пойманным, если, конечно, не помешает погода. К несчастью, бурные ветры в этих морях столь же часты, сколь и страшны...

— Договорились, заключил Хаукинс, — когда-нибудь мы займемся рыбной ловлей...

Только тогда с другим капитаном, друг мой! У каждого свое ремесло, и я не китобой...

— С другим капитаном, конечно, Джибсон, и с другим кораблем, ибо нужна специальная установка, для которой «Джеймс Кук» не подходит.

— Несомненно, Хаукинс. Это должен быть корабль, вмещающий две тысячи бочек масла и способный находиться в плавании до двух лет. Кроме того, нужны пироги для преследования животных, экипаж человек в тридцать-сорок: гарпунеры, бочары, кузнецы, плотники, матросы, новички, минимум три офицера и врач...

— Не беспокойся, отец, мистер Хаукинс ничего не забудет, — заверил Нат Джибсон.

— Дело это трудное, дитя мое, — ответил капитан, и я считаю, что каботаж дает более верную прибыль... Столько рыболовецких компаний разорилось... Кроме того, подвергающиеся сильным преследованиям, киты уходят теперь в полярные моря. За ними нужно идти до самого Берингова пролива, до Курильских островов или в моря Антарктики... Это путешествия длительные и опасные, из которых многие корабли не вернулись.

— Вообще, мой дорогой Джибсон, сказал судовладелец, — это всего лишь проект... Будем держаться каботажа, потому что он был всегда для нас удачным, и вернем судно в Хобарт с хорошим грузом в трюме.

К шести часам вечера «Джеймс Кук» приблизился к берегу на траверзе бухты Ваймах и на долготе маленького порта Опунаке. На горизонте появились тучи, и капитан приказал зарифить паруса.^[55] Это была необходимая в тех местах предосторожность, ибо порывы ветра здесь столь же сильны, сколь внезапны. Поэтому по вечерам матросы зарифляют паруса, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох.

И бриг действительно прилично качало до утра. Он, должно быть, ушел на несколько миль в открытое море после того, как заметил огни

мыса Эгмонт. С рассветом он вновь приблизился к суше, от которой мистер Джибсон не хотел отдаляться, и прошел вблизи Нью-Плимута, одного из важных городов Северного острова.

Ветер за ночь значительно посвежел. Стало прохладнее. Не удалось поднять брамсели, убранные накануне, и мистер Джибсон должен был довольствоваться марселями. Бриг со скоростью двенадцать миль в час шел, наклонившись на правый борт, подбрасываемый мощной волной. Иногда волна ударяла в борт, обрушивая на нос потоки брызг. Иногда форштевень зарывался так, что нос корабля исчезал под водой.

Но ни бортовая, ни килевая качки нимало не смущали мистера Хаукинса и Ната Джибсона. Оба уже достаточно много плавали и привыкли ко всему, а морской болезнью они не страдали. Они с наслаждением вдыхали живительный морской воздух, наполняя им легкие. Одновременно они не спускали глаз с береговой линии, с удовольствием созерцая бесконечное разнообразие поселений западного берега.

Этот берег гораздо более любопытен, чем Южный остров. Ика-на-Маун это название на полинезийском языке означает «Рыба Маои» — городок этот гораздо богаче бухтами, впадинами и портами, чем Тауай-Пунаму. Название Тауай-Пунаму индейцы дали озеру, в котором они собирают зеленый нефрит. С моря открывается вид на горную цепь, покрытую зеленью, она занимает всю внутреннюю часть острова, средняя ширина которого около тридцати лье. В целом площадь Новой Зеландии не меньше Британских островов.^[56] Соединенное Королевство^[57] владеет как бы второй Британией у своих антиподов в Тихом океане. Только Британию отделяет от Шотландии река Твид, тогда как острова Северный и Южный разделяются морским проливом.

С того момента, как «Джеймс Кук» покинул Веллингтон, шансы на захват судна сильно уменьшились, о чем не переставали сокрушаться Флиг Балт и Вэн Мод. И сегодня, пока Хаукинс, капитан и Нат Джибсон завтракали в рубке, они возобновили этот разговор. Вэн Мод стоял за штурвалом, и вахтенные матросы на носу не могли их услышать.

— Проклятый сторожевик! — неустанно повторял Вэн Мод. — Все испортил! Двадцать четыре часа этот сатанинский корабль болтался у нас на траверзе! Если его командира когда-нибудь отправят на виселицу, я сам затяну для него петлю! Если бы не он, «Джеймс Кук» уже давно бы избавился и от капитана, и от матросов! И давно был бы в Восточных морях с хорошим грузом для Тонга или Фиджи...

— Все это одни слова! — заметил Флиг Балт.

— Каждый утешается как может!

— Вопрос в том, — продолжал боцман, — не откажемся ли мы теперь от нашей затеи...

— Никогда! Лэн Кэннон и остальные и слышать об этом не захотят! Они давно бы сбежали в Веллингтоне, если бы могли предположить, что бриг спокойно вернется в Хобарт! Ребята хотят плавать для собственной выгоды, а вовсе не мистера Хаукинса!

— Все это... слова, — снова повторил Флиг Балт, пожав плечами. — Можно ли надеяться, что представится еще случай?

— Да! И еще раз да! — закричал Вэн Мод, которого безумно злило уныние боцмана. И мы сможем им воспользоваться! И пусть это не сегодня, не завтра, пусть позже... В этой папуасской стране, где одни горы и нет полиции! Предположим, например, что судовладелец, молодой Джибсон и пара матросов не вернулись вечером на корабль и неизвестно, что с ними... А бриг снимается с якоря, не правда ли?

Весь разговор происходил шепотом, но когда Флиг Балт в третий раз произнес свое унылое: «Слова все это, одни слова», Вэн Мод страшно выругался, и так громко, что мистер Джибсон, услышав его, появился в дверях.

— Что случилось?

— Ничего, мистер Джибсон, — ответил Флиг Балт, — просто качнуло так, что Вэна Мода чуть не швырнуло на палубу.

— Думал, меня перебросит через релинги! — добавил матрос.

— Ветер сильный, и море трудное, — сказал мистер Джибсон, бросив быстрый взгляд на паруса брига.

— Ветер вроде потянуло к востоку, — заметил Флиг Балт.

— В самом деле, Мод, возьми к берегу.

Приказание тут же было выполнено, и мистер Джибсон спустился в рубку.

Эх, прошептал Вэн Мод, если бы вы командовали «Джеймсом Куком», он бы не поддавался ветру, а держался круче...

— Да, но не я капитан! — ответил Флиг Балт и пошел на нос корабля.

«Он будет им, — повторял про себя Вэн Мод. Надо, чтобы он стал им... или пусть меня повесят!»

В тот день киты попадались значительно реже, чем накануне, поэтому китобоев встречалось немного. Впрочем, охота шла в основном вдоль восточного берега, со стороны Те-Ароха и в бухтах острова Тауай-Пунаму. И все-таки море не было пустынным. То и дело проходили каботажные суда с севера на юг и с юга на север. После полудня, уже потеряв из виду вершину горы Уаре-Орина, которая подходит к самой воде и возвышается

на две тысячи футов, «Джеймс Кук», по-прежнему при попутном ветре, прошел мимо портов Те-Куити и Те-Авамуту.^[58] В это время туда входила флотилия рыболовных судов, которые не могли больше оставаться в открытом море.

Между тем капитан предпочел не уклоняться от намеченного курса, зная, что, если поднимется ветер, несущий непогоду, бриг всегда сможет укрыться на ночь, ибо к шести часам вечера он будет в районе Окленда.

Бухта, в глубине которой стоит Окленд,^[59] одна из самых безопасных в этой части Тихого океана. Как только корабль проходит через узкий проход между скалами Парера и Манукау-Харбор, он находит рейд,^[60] полностью защищенный со всех сторон. Нет даже необходимости входить в порт, потому что рейда вполне достаточно, чтобы найти стоянку. Не приходится удивляться, что при таких преимуществах для морской торговли город очень быстро вырос. С окрестностями он насчитывает шестьдесят тысяч душ. Расположенный этажами на холмах с южной стороны бухты, Окленд очень живописен и прекрасно благоустроен. Его скверы и сады украшают тропические растения, а Данидин и Веллингтон могут позавидовать широким улицам, гостиницам и магазинам этого любопытного города.

Если бы «Джеймс Кук» укрылся в порту, он встретил бы там сотню причаливающих и снимающихся с якоря кораблей. В северной части Новой Зеландии притяжение золотой лихорадки чувствуется значительно меньше, чем на юге. Там бриг легко мог бы избавиться от новичков, взятых в Данидине, и заменить их четырьмя или пятью, выбранными среди тех, кто остался на берегу из-за ремонта судов. Капитан, несомненно решился бы на это. Лэн Кэннон и его товарищи настолько не нравились Джибсону, что, к великому разочарованию Флига Балта и Вэна Моде, он заменил бы новичков, если бы бросил якорь в Окленде. Но море пока не вызывало опасений, и капитан, экономя время, решил простоять ночь в открытом море. Корабль немного отошел от берега, подтянул паруса и бросил якорь до утра.

На следующий день, второго ноября, бриг при боковом ветре вышел к другому рейду Кайнара, более просторному, чем Окленд. Наконец спустя сутки корабль прошел от семидесяти до восьмидесяти миль. Слева остались рифы Три-Кингс. Перед форштевнем открывались Тонга, Гебриды, Соломоновы острова, что лежат между экватором и тропиком Козерога. Теперь нужно было взять направление на северо-запад, к Новой Гвинее, до которой оставалось еще девятнадцать тысяч миль. Там, кстати, можно было осмотреть острова Луизиада и другие, входящие теперь в

колониальные владения Германии.

При спокойном море и попутном ветре мистер Джибсон рассчитывал пройти этот путь довольно быстро. В экваториальных водах погода более устойчивая, чем в районе Новой Зеландии и Австралии. Это часто оборачивается дурной стороной, ибо при отсутствии ветра парусное судно может быть задержано на многие дни — в противоположность пароходам, которые в безветренную погоду только выигрывают. Но зато они много дороже. Поэтому, когда речь идет о малом и большом каботаже в дальних морях Тихого океана, лучше использовать паруса, чем жечь уголь.

Как бы то ни было, но слабый или переменный ветер грозил уменьшением скорости до двух-трех миль в час. На «Джеймсе Куке» все паруса были подняты: и бизань, и малые паруса, и лисели. Но если наступит мертвая зыбь, когда никакого дуновения ветерка и только длинные волны покачивают корабль, не двигая его с места, тогда не помогут никакие паруса. Тогда мистер Джибсон может рассчитывать лишь на течения, которые в этой части Тихого океана направлены к северу.

Но пока еще держался слабый ветерок. Верхние паруса судна надувались, и «Джеймс Кук», скользя по поверхности, оставлял за собой слабый след.

Поутру, когда Хаукинс, Нат Джибсон и капитан говорили о том, о чем обычно говорят во время плавания — о погоде, мистер Джибсон сказал:

— Не думаю, что этот штиль надолго.

— А почему? — спросил судовладелец.

— Взгляните на горизонт. Видите облака? Они скоро принесут ветер, или я сильно ошибаюсь.

Но они не поднимаются, эти облака, — заметил судовладелец, — или поднимаются чуть-чуть и быстро рассеиваются...

— Вот увидите, друг мой, они вырастут, а облака — это ветер...

— Который нам очень нужен, — подхватил Нат Джибсон.

— О, — продолжал капитан, — нам не нужен ветер на три рифа! Нам бы только наполнить лиселя и надуть малые паруса...

— А что показывает барометр? — спросил Хаукинс.

— Он понемногу опускается, — ответил Нат Джибсон, посмотрев на прибор в рубке.

— Пусть себе опускается, — сказал капитан, только медленно, а не прыгает, как обезьяна по кокосовой пальме то вверх, то вниз!.. И если штиль неприятен, то порывистый ветер опасен, и я думаю, что предпочтительнее...

— Я скажу тебе, что предпочтительней, Джибсон, — заявил Хаукинс,

хорошо бы иметь на борту небольшую вспомогательную машину на пятнадцать — двадцать лошадиных сил... Это помогло бы двигаться вперед при абсолютном штиле и, кроме того, входить в порт и выходить из него...

— Да ведь обходились же без нее до сих пор и теперь обойдемся, — ответил капитан.

— Ты остался, друг мой, моряком старой закалки.

— Правда, Хаукинс, не люблю я эти смешанные корабли! Если они хороши как пароходы, то плохи как парусники, и наоборот...

— Во всяком случае, отец, — сказал Нат Джибсон, — вон там вдали дымок, который нам неплохо бы иметь на борту.

Молодой человек показывал на длинный дымовой след, стелившийся над горизонтом на северо-западе. Его нельзя было спутать с облаком, дым парохода, который быстро приближался. Раньше, чем через час оба судна должны были оказаться на траверзе друг друга.

Встреча с неизвестным кораблем в море — событие всегда очень интересное. Сначала моряки стараются определить его принадлежность по форме корпуса, положению мачт и другим приметам, пока судно не выбрасывает свой флаг в знак приветствия.

Гарри Джибсон смотрел в подзорную трубу и минут через двадцать после появления парохода возвестил, что встретившийся им корабль принадлежит Франции. Он не ошибся, и когда судно оказалось в двух милях от «Джеймса Кука», трехцветное знамя взвилось на гафеле бригантины. Бриг тут же ответил, подняв флаг Соединенного Королевства.

Французский пароход, водоизмещением от восьмисот до девятист тонн,^[61] возможно, предназначался для перевозки угля и мог направляться в один из портов Новой Голландии.^[62] К половине двенадцатого он находился уже в нескольких кабельтовых от брига и продолжал сближение, как будто хотел «рассмотреть» его. Впрочем, море было очень спокойным, что делало этот маневр совершенно безопасным. На борту парохода, как видно, не собирались спускать на воду шлюпку, поэтому переговаривались, как обычно, в рупор.

— Название корабля?

— «Джеймс Кук» из Хобарта.

— Капитан?

— Капитан Джибсон.

— Принято.

— А вы?

— «Ассомпсьон» из Нанта, капитан Фуко.

— Куда идете?

— В Сидней, Австралия.

— Принято.

— А вы?

— В Порт-Праслин, Новая Ирландия.

— Идете из Окленда?

— Нет, из Веллингтона.

— Принято.

— А вы?

— Из Амбоины, что на Молуккских островах.^[63] Есть сообщение. В Амбоине обеспокоены исчезновением шхуны «Вильгельмина» из Роттердама, которая уже месяц назад должна была прийти туда из Окленда. Нет ли у вас сведений о ней?

— Никаких.

— Я шел с запада через Коралловое море, — заявил капитан Фуко, — и не встретил их. Вы рассчитываете пройти с востока к Новой Ирландии?

— Так точно.

— Если вам станет что-нибудь известно о «Вильгельмине», дайте знать!

— Добро, капитан! Приняли к сведению!

— Тогда счастливый путь, капитан Джибсон!

Час спустя «Джеймс Кук», потеряв пароход из виду, взял курс норд-норд-ост, направляясь к острову Норфолк.

Глава VI

В прямой видимости острова Норфолк

Периметр острова Норфолк всего шесть лье,^[64] и, как и все острова этого огромного океана, он окружен кольцом коралловых рифов, которые защищают его, как крепостная стена. Волны никогда не смогут разрушить желтоватые меловые породы острова, потому что они разбиваются о коралловые рифы. Из-за узких и опасных проходов, в которых вода бурлит, как в кипящем котле, кораблям очень трудно пристать здесь к берегу. По существу, в Норфолке нет настоящего порта. Не случайно на юге, в бухте Сиднея, были устроены места заключения. Сама природа, казалось, предназначила этот остров для тюрьмы благодаря его удаленности, труднодоступности и невозможности побега. Следует заметить, что на юге, в направлении островков Непкан и Филлип, которые входят в группу Норфолк, коралловые рифы тянутся вдоль побережья на шесть-семь лье.

Однако, несмотря на скромные размеры, Норфолк — богатый кусочек колониальных английских владений. Когда в 1774 году Кук открыл их, он был потрясен изумительной растительностью и мягким тропическим климатом. Здесь растет высокосортный лен «формиум тенакс» и прекрасные, высокие араукарии.^[65] Насколько хватает глаз, расстилается ковер из дикого щавеля и укропа. Уже в начале века британское правительство поселило на острове депортированных лиц.^[66] Благодаря труду этих несчастных была распахана целина и урожаи кукурузы стали столь высоки, что исчислялись тысячами буасо.^[67] Но, увы, использовать эти обильные закрома, расположенные между Австралией и Новой Зеландией, мешают рифы и бурное море.

В конце концов даже колония заключенных из-за труднодоступности острова была вскоре заброшена. Правда, некоторое время спустя ее восстановили, ведь она позволяла держать здесь в железной узде самых страшных преступников Тасмании и Нового Южного Уэльса. Колония насчитывала пятьсот заключенных под охраной ста двадцати четырех солдат и ста пятидесяти человек администрации. Здесь основали ферму, которая обеспечивала все население колонии кукурузой.

Когда великий мореплаватель открыл Норфолк, остров был необитаем. Ни один маори или меланезиец не поселился там, несмотря на богатство

земли, так что здесь никогда не жил никто, кроме заключенных, ввезенных сюда британским правительством.

Пустынным был этот остров, когда его впервые увидели европейцы, пустынным он и остался. В 1842 году вторично, и на сей раз окончательно, Англия закрыла здесь тюрьму и перенесла ее в Порт-Артур, на южном побережье Тасмании.

Через четыре дня после того, как «Джеймс Кук» потерял из виду Новую Зеландию, перед ним открылся остров Норфолк. При среднем ветре бриг прошел восемьдесят миль второго ноября, сто двадцать миль третьего и столько же — четвертого и, так как ветер стих, лишь семьдесят миль — пятого ноября. Так он преодолел расстояние около четырехсот миль, разделяющих два острова.

После полудня сигнальщик объявил, что на северо-востоке показалась вершина. Это был Пит-Маунт, и к пяти часам вечера судно было на траверзе северо-восточной точки острова Норфолк.

Во время плавания мистер Джибсон внимательно наблюдал за поверхностью океана, но не заметил никаких обломков на пути пропавшего корабля. Тайна исчезновения голландского корабля «Вильгельмина» оставалась нераскрытой.

Солнце садилось за горами острова, ветер стихал, море становилось как парное молоко, и ни одной морщинки не пробегало по спокойной глади вод. «Джеймс Кук» находился всего в двух милях от берега, но из осторожности не приближался к нему, ибо коралловые банки^[68] простирались далеко в море. Корабль был почти так же неподвижен, как если бы он стоял на якоре. Течение здесь почти не ощущалось, паруса складками повисли на мачтах. Капитан Джибсон и его спутники могли лишь наслаждаться чудным вечером без единого облачка. После обеда мистер Хаукинс, капитан и Нат Джибсон устроились на корме.

— Вот мы и попали в мертвый штиль, — сказал старший Джибсон, — и я, увы, не вижу ни единого признака перемены погоды.

— Мне думается, это ненадолго, — заметил мистер Хаукинс.

— А почему? — спросил капитан.

— Потому что сейчас не самый разгар лета, да и Тихий океан вовсе не оправдывает своего названия, которое столь легкомысленно было ему дано...

— Согласен, друг мой. Однако же в это время года корабли остаются иногда без движения несколько дней, и я ничуть не удивлюсь, если это произойдет с «Джеймсом Куком».

— К счастью, ответил судовладелец, — времена, когда остров

Норфолк населяли преступники, прошли... Иначе соседство с ним было бы весьма нежелательно.

— Да уж, тогда бы пришлось смотреть в оба.

— В детстве мне рассказывали об этих заключенных, которых не в состоянии были удержать ни дисциплина исправительных учреждений, ни наказания, и тогда правительство решило перевести всю колонию на Норфолк...

— Их, наверное, здорово охраняли, — сказал Нат Джибсон, — хотя, с другой стороны, как убежать с острова, к которому не могут пристать корабли?

— Хорошо охраняли... да, безусловно, дитя мое, — ответил Хаукинс. — Бегство затруднительно, да, безусловно! Но для преступников, которые ни перед чем не отступят, когда речь идет об обретении свободы, возможно все, даже невозможное.

— И что же, побеги были частыми?

— Да, Нат, и совершенно фантастичными! Арестантам, к примеру, удавалось завладеть государственным кораблем, а бывало, они строили его из коры и без колебаний направлялись на таком судне в открытое море.

— Имея девяносто шансов из ста погибнуть, — вставил Джибсон.

— Конечно, — ответил Хаукинс. — А уж если они встречали судно вроде нашего, они немедленно брали его на абордаж, избавлялись от экипажа... потом отправлялись пиратствовать к полинезийским архипелагам, где найти их следы было нелегко...

— Теперь наконец этого опасаться не приходится, — сказал Джибсон.

Заметим, что все то, что сказал Хаукинс и что было правдой, полностью совпадало с планами Флига Балта и Вэна Мода. И хоть они не были узниками Норфолка, но отличались криминальными инстинктами преступников; они стремились к тому, чтобы совершить то, что сделали бы на их месте преступники. Они хотели превратить корабль, принадлежащий честной кампании Хаукинса в Хобарте, в пиратское судно, а затем заниматься грабежами в тех местах Тихого океана, где их трудно захватить.

Итак, если «Джеймсу Куку» можно было не опасаться близости острова Норфолк, так как колония была перенесена в Порт-Артур, то присутствие новобранцев из Данедина, решивших осуществить планы Вэна Мода и боцмана, увы, грозило кораблю.

— Ладно, сказал Нат Джибсон, — опасности никакой, отец, не разрешишь ли ты мне взять лодку?

— Зачем тебе?

— Хочу поудить рыбу у скал... Еще осталось часа два светлого

времени, а я не буду терять из виду бриг.

Мистер Джибсон не сомневался в том, что его корабль простоит здесь долго, и отпустил сына с двумя матросами поудить рыбу вблизи отмелей. И так как течение имело юго-восточное направление, он бросил якорь с тридцатипятиметровой цепью в песок.

Когда лодку спустили на воду, в нее вместе с Натом Джибсоном сели Хоббс и Виклей — матросы, которым капитан полностью доверял.

— Поезжай, сынок, но не задерживайся до ночи...

— Обещаю, отец.

— И принеси рыбы на завтрак, — добавил Хаукинс, — да немного ветра, если он еще сохранился на берегу.

Шлюпка отчалила и благодаря хорошим гребцам быстро прошла те две мили, что отделяли ее от коралловых рифов. Там все трое забросили удочки. Ни ветерка, ни течения. Не понадобилось даже бросать якорь как только убрали весла, лодка встала неподвижно.

Банки тянулись на полмили от острова, в направлении островка Филлип. Солнце уже скрылось за вершиной Пит-Маунта и слабо освещало берег, но взгляд мог еще различить узкие полосы песка среди меловых желтоватых скал, закрытые бухточки, скалистые горы, множество ручейков, бегущих к морю по зеленым равнинам острова. Все побережье было абсолютно пустынным. Ни хижины под деревьями, ни дымка в листве, ни пироги на причале или на берегу.

Между землей и вершинами гор царило необычайное оживление. Это водоплавающие птицы наполняли воздух невообразимым гамом. Тут были и бакланы, украшенные беловатым пушком, и зимородки, с перышками цвета морской волны, и ласточки, и мухоловки, не говоря уже о фрегатах или морских орланах, молнией пронесившихся над всем этим шумным пернатым миром.

Если бы Нат Джибсон захватил ружье, он мог бы поохотиться, но, впрочем, дичь тут несъедобна. Гораздо разумнее было попросить у моря то, чего не могло дать небо для будущей трапезы. И оно действительно показало себя щедрым. После двух часов лодка наполнилась уловом, достаточным, чтобы прокормить экипаж в течение двух дней. Рыба водится в изобилии в этих прозрачных водах, полных водорослей, под которыми роятся моллюски, лангусты, крабы, креветки, одноклеточные, морские блюдечки,^[69] которых должно быть бесчисленное множество, ибо амфибии, тюлени и другие пожирают их в огромных количествах.

Пойманные рыбы отличались удивительным разнообразием и соперничали друг с другом в яркости и причудливости форм. Среди них

было и несколько пар *Vlena tucus*, странных существ с большими глазами и челюстями, находящими друг на друга. Эти серые рыбешки бегают по песку и прыгают на скалы, как кенгуру.

Было семь часов. Солнце только что село, и его последние пурпурные лучи гасли на вершине Пит-Маунт.

— Мистер Джибсон, — сказал Виклей, — не пора ли нам возвращаться?

— Это было бы разумно, — добавил Хоббс, — а то иногда к вечеру с суши начинает дуть ветерок, и бригу неплохо бы им воспользоваться.

— Собираем удочки, — ответил юноша, но боюсь, что не принесем мистеру Хаукинсу долгожданный ветер, который он нам заказывал...

— Да уж, — сказал Хоббс, — тут и берет не надуеть!..

— А с моря ни одной тучки, — прибавил Виклей.

— Отчаливаем, — распорядился Нат Джибсон.

Но перед тем, как отчалить, он встал на корме и еще раз внимательно оглядел скалы на северо-востоке. Он опять подумал об исчезнувшей шхуне, нет ли на поверхности каких-либо обломков «Вильгельмины», которые могли быть прибиты к берегу морской волной? Может быть, корпус корабля не разрушился полностью и какую-то его часть можно будет заметить на горизонте? Его примеру последовали матросы. Но все было напрасно. Никаких следов шхуны, о которой предупредил пароход, моряки не смогли обнаружить.

Виклей и Хоббс уже было сели за весла, когда Нату показалось, что на скале он увидел человека. Их лодка стояла на расстоянии мили от нее, и спускались сумерки, поэтому юноша спрашивал себя — не ошибся ли он. А может быть, все-таки вид лодки привлек этого человека? И не размахивал ли он руками, зовя на помощь?..

— Взгляните туда! — обратился Нат к матросам.

Виклей и Хоббс посмотрели в направлении скалы. В этот момент сумерки накрыли ее, и человек, если это был человек, исчез.

— Ничего не вижу, — сказал Виклей.

— И я тоже, — заявил Хоббс.

— И все-таки мне кажется, что я не обознался. Там только что был человек.

— Человек? — удивленно воскликнул Виклей.

— Да, там, на скале... и он жестикулировал. Мне кажется, он звал, но его голос не доходил до нас!

— На эти камни на закате часто выходят тюлени, — заметил Хоббс, — и когда они выпрямляются, то становятся похожи на людей. Здесь никто не

живет, разве что кто-нибудь из потерпевших кораблекрушение.

— А если есть потерпевшие, — заметил Виклей, — то они могут быть с «Вильгельмины»?

— На корабль! — скомандовал Нат Джибсон. Может быть, завтра бриг не двинется с места, и тогда с помощью подзорных труб мы внимательно осмотрим побережье при свете дня.

Матросы налегли на весла. Через двадцать минут шлюпка причалила к кораблю. Капитан, по-прежнему не уверенный в своем экипаже, позаботился о том, чтобы ее подняли на корабль. Улов особенно радостно был принят мистером Хаукинсом, так как он интересовался естественной историей. Теперь он мог, сколько заблагорассудится, изучать «*Vlenatus*», которых он до этого никогда не видел. А рассказ Ната Джибсона о том, что он увидал на скале в момент отплытия, вызвал любопытство и у судовладельца, и у капитана, ведь остров был необитаем.

— Но это могли быть рыбаки, — заметил Флиг Балт, который принимал участие в разговоре.

— Пожалуй, — сказал судовладелец, — это вовсе не удивительно в это время года.

— Заметил ли ты внизу какую-нибудь лодку? — спросил капитан.

— Ничего, отец.

— Думаю, что мистер Джибсон просто ошибся, — заключил боцман. — Вечер был темный... и, по-моему, капитан, если ночью поднимется ветер, стоит сняться с якоря.

Флиг Балт, и без того раздосадованный присутствием на корабле Хаукинса и Ната Джибсона, ничего так не боялся, как появления на нем новых пассажиров.

— Но если Нат не ошибся, — сказал капитан, — и там на берегу люди, потерпевшие кораблекрушение, это вполне могут быть оставшиеся в живых с «Вильгельмины»... Мы обязаны им помочь! Я нарушу свой офицерский долг, если подниму паруса, не убедившись в этом...

— Ты прав, Джибсон, — одобрил Хаукинс. — Но человек, которого заметил Нат, может быть преступником, сбежавшим из тюрьмы и оставшимся на острове.

— Тогда он должен быть очень старым, ведь эвакуация произошла в тысяча восемьсот сорок втором году, а сейчас у нас тысяча восемьсот семьдесят пятый, значит, ему должно быть уже больше семидесяти!

— Пожалуй, ты прав, Джибсон, это скорее всего потерпевшие кораблекрушение с голландской шхуны, которых могло выбросить на остров Норфолк, если Нат не ошибся...

— Нет... нет! — утверждал юноша.

— Тогда эти несчастные, — сказал Хаукинс, — находятся там уже добрых две недели, судя по сообщению капитана «Ассомпсъон».

— Итак, завтра мы сделаем все, что должны, и все, что можем, — объявил капитан. — Если Нат не ошибся, и в этой части острова кто-то нашел приют, он до утра будет наблюдать за бригом, и, несмотря на удаленность, мы увидим его в подзорную трубу.

— Но, капитан, настаивал боцман, — а что, если ночью поднимется ветер...

— Поднимется или нет, Балт, «Джеймс Кук» останется на якоре, и мы не снимемся, не отправив лодку на разведку! Я не уйду от острова Норфолк, пока не обследую окрестности Северо-Восточного мыса, даже если на это уйдет целый день.

— Прекрасно, отец, и я убежден — этот день не будет потерян!

Вернувшись на полубак, Флиг Балт передал Вэну Моду весь разговор. Матрос был также раздражен услышанным, но, в конце концов, может быть, Нату Джибсону почудилось... Во всяком случае, об этом станет известно меньше чем через двенадцать часов.

Наступила ночь, темная ночь, ночь новолуния. Густой туман скрывал звезды. К девяти часам поднялся легкий ветерок. Волны заплескались у борта корабля. Ветер дул с юго-запада и, стало быть, мог бы послужить продвижению на север. Но капитан не изменил решения, и бриг остался на якоре. Скоро стало ясно, что это был лишь порыв ветра, который прошел над вершиной Пит-Маунта, и море вновь успокоилось.

Мистер Хаукинс, Джибсон и его сын сидели на корме. Они вовсе не торопились вернуться в каюты, с удовольствием вдыхая свежий вечерний воздух после дневной жары. Было девять часов двадцать пять минут, когда Нат Джибсон, кинув взгляд на берег, поспешно встал и стремительно подошел к левому борту:

— Огонь! Там огонь! — воскликнул он.

Капитан и судовладелец поспешили к нему.

— Джибсон, — сказал Хаукинс, нам подают сигнал...

— Несомненно! — ответил капитан. — На острове — потерпевшие кораблекрушение.

Потерпевшие или нет, но, безусловно, люди, которые просят о помощи, и какой ужас и отчаянье должны были они испытать, думая, что бриг с появлением ветра мог сняться с якоря! Необходимо было прежде всего успокоить их.

— Нат, сказал капитан, — возьми ружье и ответь на их сигнал!

Юноша спустился в рубку и вернулся с карабином. Раздались три выстрела, повторенных эхом. Одновременно с этим матрос поднял на фок-мачте сигнальный огонь и трижды просигналил. Оставалось лишь подождать до рассвета, чтобы начать переговоры с неизвестными, оказавшимися на необитаемом острове.

Глава VII

Два брата

На рассвете линия берега была едва различима, густой туман еще закрывал горизонт на западе, но уже над его густой пеленой сверкала вершина Пит-Маунта, освещенная солнцем. Мистер Джибсон дожидался, когда мыс острова Норфолк станет ясно виден. Ведь именно там горел огонь, и там просили о помощи у «Джеймса Кука». Разумеется, у тех людей не было даже пироги, иначе они давно бы уже подплыли к кораблю.

Подул юго-восточный ветер. Тучки, появившиеся на границе моря и суши, к утру предвещали усиление ветра. Если бы не веская причина, которая удерживала его на якоре, мистер Джибсон дал бы сигнал к отплытию. Около семи часов коралловая банка, вдоль которой пенился беловатый прибой, обозначилась в тумане. Нат Джибсон, поднявшись на палубу, водил вдоль берега подзорной трубой, когда все слышали его крик:

— Он там, то есть они там!

— Их много?

— Двое, мистер Хаукинс.

Хаукинс взял подзорную трубу.

— Да, воскликнул он, — и они подают нам сигналы... намотав на палку кусок полотна!

Труба перешла в руки капитана, который подтвердил присутствие двух неизвестных на скале, на самом краю мыса. Теперь уже не было сомнений, что Нат Джибсон накануне заметил именно одного из них.

— Большую лодку на воду! — скомандовал капитан.

Отвечая на сигнал о помощи, Флиг Балт поднял на мачту английский флаг. Капитан с сыном спустились в лодку, Нат сел за руль, четверо матросов на весла. Вэн Мод был среди них. Шлюпка направилась к банке. Когда Нат Джибсон удил там рыбу, он заметил узкий пролив, через который можно было преодолеть рифовый барьер. Оттуда до мыса оставалось не более семи-восьми кабельтовых.

Лодка достигла прохода меньше чем за полчаса. Всем, кто в ней находился, стал виден дым от костра, который, по-видимому, жгли всю ночь и у которого сидели два человека. Вэну Моду так не терпелось увидеть их, что, обернувшись, он спутал ритм гребли.

— Внимательней, Мод! — крикнул ему капитан. Успеешь удовлетворить свое любопытство, когда причалим...

— Да... успеешь, — пробормотал матрос. В ярости он готов был сломать весло.

Проход вился между коралловыми рифами, их острые края резали, как стальные, и быстро вывели бы лодку из строя, если бы не удалось избежать столкновения. Поэтому мистер Джибсон приказал сбавить скорость. К тому же теперь не представляло труда подойти к мысу — усилившийся ветер с моря подталкивал лодку. Довольно сильная волна пенилась у подножия скал. Капитан с сыном смотрели на тех двоих, стоявших, взявшись за руки, молчаливых и неподвижных; они не сделали ни одного жеста, не крикнули ни одного слова.

Одному по виду можно было дать лет тридцать пять, другому — тридцать. По одежде, изорванной в клочья, Джибсон и сын сразу определили, что люди эти не были моряками. Почти одного роста, оба светловолосые, с взлохмаченными бородами, они были похожи друг на друга, как братья. Во всяком случае, они определенно не были полинезийцами.

Лодка еще не причалила, когда старший из них, подойдя к краю мыса, крикнул по-английски, с чуть заметным акцентом:

— Спасибо, что пришли к нам на помощь!

— Кто вы? — спросил Джибсон.

— Голландцы!

— Потерпевшие кораблекрушение?

— Да, со шхуны «Вильгельмина»!

— Единственные, кто спасся?

— Единственные, или, по крайней мере, на этом берегу одни...

Его ответ прозвучал так нерешительно, что всем стало ясно: человек не знал, где он находится на континенте или на острове.

Лодочный якорь выбросили на землю, и, когда один из матросов закрепил его в скале, мистер Джибсон и его друзья вышли на берег.

— Где мы? — спросил старший.

— На острове Норфолк, — ответил капитан.

— Остров Норфолк! — эхом повторил младший.

— Итак, за две недели вы никого не встретили? — спросил капитан.

— Никого.

— И мы решили, — добавил молодой, — что земля, на которую привела нас судьба, или, по крайней мере, эта часть побережья необитаема.

— Вы не пытались пройти в глубь острова? — спросил Нат Джибсон.

— Мы думали об этом, ответил один из братьев, — но тогда пришлось бы пробираться через густой лес, на это ушло бы много сил, к тому же мы могли заблудиться.

— Да и не имело смысла удаляться от берега, иначе мы потеряли бы шанс быть замеченными с какого-нибудь корабля, — добавил второй и спросил: — А что это за бриг?

— Английский бриг «Джеймс Кук».

— А капитан?

— Я капитан, — ответил Джибсон.

— Видите, — сказал старший, пожимая капитану руку, — как хорошо мы сделали, что ждали вас здесь!

В самом деле, если бы эти несчастные попытались обогнуть Пит-Маунт или подняться на его вершину, они встретили бы непреодолимые препятствия и, в конце концов, могли бы погибнуть в непроходимых лесах острова.

— Но как же вы смогли выжить без пищи? — спросил капитан.

— Мы ели корешки, плоды капустной пальмы, которые срезали, залезая на дерево, дикий щавель, заячью капусту, морской укроп, шишки араукарии... Если бы нам удалось сделать удочки, мы начали бы удить рыбу, которая здесь у подножия скал в изобилии.

— А огонь? — спросил Нат Джибсон. — Как вы смогли развести огонь?

— Первые дни мы обходились без огня... Спичек не было, они все промокли и не горели... К счастью, поднявшись в гору, мы нашли сольфатару, ^[70] в ней еще были язычки пламени... Слои серы лежали вокруг, и это позволило нам варить корешки и овощи.

— И так вы прожили все пятнадцать дней? — спросил капитан.

— Именно так, капитан, но, признаться, силы наши были на исходе и, каково же было наше потрясение, когда вчера, возвращаясь с сольфатары, мы увидели корабль, стоящий на якоре в двух милях от берега.

— Ветер прекратился, — сказал Джибсон, — и так как течение нас могло отнести к юго-востоку, я приказал бросить якорь.

— Было уже поздно, продолжал старший. — Оставалось не больше часа до заката, а мы находились в полулье от берега. Я со всех ног бросился к мысу, мы заметили лодку, которая собиралась отплыть к бригу... Я звал, я жестами просил о помощи...

— Я был в лодке, сказал Нат Джибсон, — мне показалось, будто на скале фигура человека... Но тут совсем стемнело.

— Вы видели меня, сказал старший. — Я обогнал брата... и как было

не впасть в отчаяние, когда я увидел, что лодка отчаливает! Всякая надежда на спасение была потеряна! Поднимался ветер. Не отчалит ли бриг этой ночью? Не будет ли он завтра далеко в открытом море?

— Несчастные! — пробормотал капитан.

— Наступила ночь, корабля стало совсем не видно. Шло время... От волнения нам не сразу пришло в голову зажечь костер на мысу. Когда же мы вспомнили про этот простой способ привлечь к себе внимание — вновь появилась надежда. Сухая трава, хворост... мы охапками несли все это наверх, потом взяли горящие угли из нашего очага, который мы поддерживали на берегу. Вскоре разгорелось яркое пламя. Если корабль еще на якоре, думали мы, костер не может быть не замечен вахтенным матросом! Как описать радость, охватившую нас, когда часов в десять мы услышали тройной выстрел! И когда сигнальный огонь появился там, где был бриг! Нас увидели... Теперь мы были уверены, что корабль не снимется до рассвета, что нас спасут...

Слушая скупой рассказ потерпевших, и капитан, и его сын, и матросы мысленно рисовали себе картину их жизни на этом забытом людьми и Богом кусочке суши посреди безбрежного, пустынного океана. О лишениях, которые претерпели эти двое людей, красноречиво говорил весь их облик: они напоминали скелеты, едва прикрытые лохмотьями одежды. Но пора было возвращаться на корабль. Мистер Джибсон, его сын и спасенные сели на корму, матросы подняли якорь, и лодка направилась к судну.

За время короткой беседы мистер Джибсон понял, что эти несчастные принадлежат к образованному классу, о чем свидетельствовали их речь и манеры. Понял это и Вэн Мод. Ему сразу стало ясно, что потерпевшие не из числа тех авантюристов, каких часто можно встретить в этой части Тихого океана. Скорее всего они даже не были членами экипажа погибшей шхуны, а всего лишь ее пассажирами. Все это не способствовало осуществлению его планов и все больше и больше раздражало.

Лодка причалила. Джибсон с сыном и спасенные поднялись на палубу. Братьев тут же представили судовладельцу. Мистер Хаукинс, увидев, в каком ужасном состоянии находятся эти люди, протянул к ним руки.

— Добро пожаловать, друзья мои! — И крикнул коку: — Дайте им поесть! Они умирают с голода!

После завтрака мистер Джибсон отдал в распоряжение новых пассажиров одну из боковых кают, куда была принесена одежда. Когда они вернулись на корму, мистер Хаукинс, капитан и его сын могли наконец услышать их историю.

Люди эти были голландцами, родом из Гронингена. Их звали Карл и Питер Кип. Старший, Карл, служил морским офицером в торговом флоте Нидерландов. Он много плавал лейтенантом, а потом помощником капитана. Младший, Питер, работал на одном из Молуккских островов представителем конторы в Амбоине, связанной с домом Кип в Гронингене.

Торговый дом Кип занимался оптовой и мелкооптовой торговлей в районе уже названного архипелага, принадлежащего Голландии. Торговали мускатным орехом и гвоздикой, которыми изобилуют те земли. И хотя фирма не числилась среди самых известных в городе, однако его глава обладал прекрасной репутацией в коммерческом мире. И вот пять месяцев назад этот почтенный коммерсант скоропостижно скончался. Не надо говорить, каким это было тяжелым ударом для сыновей (их мать умерла еще за несколько лет до кончины отца), но, помимо этого, явилась еще необходимость срочно принимать меры, чтобы помешать ликвидации фирмы.

Карл Кип, тридцатипятилетний моряк, должен был в скором времени стать капитаном. Может быть, не столь острого ума, как его брат, менее деловой, менее приспособленный к тому, чтобы возглавить торговый дом, он безусловно превосходил Питера в энергии, решимости, физической силе. Самым большим огорчением его было то, что финансовое положение торгового дома Кип не позволяло ему иметь собственный корабль: из капиталов, вложенных в дело, ничего нельзя было взять.

Карл и Питер были очень дружны. Их дружба никогда не омрачалась ни малейшим раздором. Взаимная симпатия связывала братьев теснее, чем узы крови. Ни тени ревности или соперничества никогда не стояло между ними. Каждый оставался в своей сфере. Одному — дальние плавания, сильные чувства, опасности моря. Другому — работа в амбоинской конторе и связь с торговым домом Кип в Гронингене. Ни тот, ни другой не пытался создать свою семью, что могло их разделить. Питер, человек умный и с большими способностями к торговле, целиком посвящал себя делам. Его компаньон, — тоже голландец, старательно развивал дело. Он увеличивал кредит дома Кип и не жалел для этого ни времени, ни стараний.

В день смерти отца Карл находился в амбоинском порту, на борту голландского корабля из Роттердама, Карл плавал на нем помощником капитана. Тогда и было принято решение, что Питер расстанется со своим компаньоном в Амбоине и вернется в Гронинген управлять торговым домом отца. При этом братья рассчитывали на трехмачтовый корабль «Максимус», на котором Карл Кип прибыл на Молукки. Но это старое, потрепанное штормом судно было объявлено непригодным для перехода в

Голландию, а его капитан, офицеры и матросы отправлялись в Европу на средства торгового дома Хопперсов из Роттердама, которому принадлежал корабль. Правда, организация их возвращения требовала довольно длительного пребывания в Амбоине: кроме всего прочего, нужно было дожидаться корабля из Европы. Братья же очень торопились вернуться в Гронинген.

Итак, Карл и Питер Кип решили сесть на любое судно, идущее с любого острова Молуккского архипелага. В это время появилась трехмачтовая шхуна «Вильгельмина» из Роттердама, которая не собиралась надолго задерживаться на стоянке. Это судно, водоизмещением пятьсот тонн, возвращалось в свой родной порт с остановкой в Веллингтоне. Из Веллингтона капитан Ребок намеревался начать плавание в открытом океане и, обойдя мыс Горн, выйти в Атлантику. Если бы на «Максимусе» требовался помощник капитана, Карлу Кипу, без сомнения, предложили бы эту должность. Но экипаж был полностью укомплектован; Карл Кип, не желая терять возможность поскорее попасть на родину, снял пассажирскую кабину на «Вильгельмине».

«Вильгельмина» вышла в море двадцать третьего сентября. Ее экипаж состоял из капитана, мистера Ребока, помощника Стурна, боцмана и десяти матросов: все они были голландцами. Шестого октября корабль, пройдя многочисленные рифы, вышел в Коралловое море. Перед «Вильгельминой» открывались необозримые просторы Тихого океана до самого мыса Горн.

В ту ночь, с девятнадцатого на двадцатое октября, тяжелый туман окутывал море, абсолютно спокойное, как почти всегда бывает при туманной погоде. «Вильгельмина» зажгла положенные огни: зеленый по правому борту и красный по левому. На борту все было в порядке, вахтенный офицер и матросы исправно несли службу, как вдруг произошло то, чего никто не мог предвидеть: судно получило страшный удар в подветренный левый борт на высоте рубки. От толчка сразу сломались грот- и фок-мачты. Когда Карл и Питер Кип выскочили из каюты, они увидели лишь огромный силуэт корабля, извергающий дым и пар. На полсекунды зажегся белый огонь на штаге^[71] корабля. Позднее братья пришли к заключению, что из-за густого тумана вахтенные встречного корабля, а это был, без сомнения, пароход, не разглядели бортовых огней «Вильгельмины». Неизвестный пароход на полном ходу пролетел, как снаряд, сквозь корпус трехмачтового корабля, может быть, даже не потерпев при этом серьезных повреждений. Продолжал ли он двигаться дальше после столкновения? Или остановился и спустил на воду шлюпки, чтобы спасти тонувших?.. Но всю эту картину катастрофы они

восстановили потом, коротая томительные дни на пустынном острове, а тогда, той страшной ночью, они даже не успели ничего подумать.

«Вильгельмина» — нос в одной стороне, корма в другой — уже тонула. Карл и Питер, уже по пояс в воде, едва заметили нескольких матросов, уцепившихся за снасти. Воспользоваться шлюпками было невозможно, ибо они уже затонули. Скоро океан поглотил и останки «Вильгельмины», и братьев потянуло в образовавшуюся воронку.

— Главное не разлучаться! — крикнул Питер.

— Положись на меня! — ответил Карл.

Оба были прекрасными пловцами. Но есть ли поблизости земля? Где находилась шхуна в момент катастрофы? Они знали только, что двое суток назад судно, держа курс на восток, проходило где-то южнее Новой Каледонии. Карл и Питер Кип думали, что погибнут. Кромешная тьма окутывала море. Не слышно было ни свистков, ни звуков сирены, ничего, что напонило бы о присутствии судна. Если бы хоть какой-нибудь обломок корабля попался им на пути, нет — кругом была одна вода.

В течение получаса они поддерживали друг друга, но оба знали, что наступит момент, когда не смогут больше бороться с волнами. Тогда, сказав друг другу последнее прощание, они навеки погрузятся в бездну...

Было около трех часов утра, когда Карл Кип наткнулся на какой-то предмет, проплывавший мимо. Это была одна из клеток для кур с «Вильгельмины». Уставшие пловцы тотчас уцепились за нее.

Наконец занялась заря, осветив желтоватые клочья тумана. Когда туман рассеялся, сразу же поднялся ветер, и волнение на море усилилось. Карл Кип скользил взглядом по линии горизонта: на востоке бескрайнее море, но на западе он увидел высокий берег. До него было не более трех миль. Течение и ветер несли их туда. Если не поднимется сильная волна, то, может быть, им удастся доплыть до этой полоски земли.

Карл еще раз обвел взглядом морское пространство: от «Вильгельмины» не осталось и следа — ни обломков корпуса, ни мачт. Клетка, за которую они держались, была единственным предметом на поверхности.

Обессиленный Питер утонул бы, если бы не брат. Карл плыл, сильно гребя и толкая клетку все ближе к кромке берега, к скалам, у подножия которых кипела морская пена.

Понадобилось не меньше часа, чтобы добраться до первой линии кораллового пояса. Волнение стало уже довольно сильным, и подплыть к берегу, казалось, будет невозможно, но им посчастливилось обнаружить в рифах узкий проход. Когда братья ступили на берег, было уже около семи

часов утра.

Пока Питер Кип рассказывал, Карл молчал и только иногда кивком головы подтверждал слова младшего брата.

Их история произвела сильное впечатление на слушателей. Первым нарушил молчание мистер Хаукинс.

— Друзья мои, — сказал он, — на борту «Джеймса Кука» вы — желанные гости.

— Чрезвычайно вам благодарны, — ответил Питер Кип.

— Но мы не направляемся в Европу, — добавил судовладелец.

— Какое это теперь имеет значение, — ответил Карл Кип, — вы спасли нас, чего же больше?

— Да и где бы мы ни очутились, — прибавил Питер Кип, — мы найдем способ вернуться...

— И я помогу вам в этом, — заметил Джибсон.

— Куда держит путь «Джеймс Кук»? — спросил Карл.

— Порт-Праслин в Новой Ирландии, — ответил капитан.

— И он там пробудет?..

— Примерно три недели.

— Потом вернетесь в Новую Зеландию?..

— Нет, в Тасманию, в Хобарт, наш порт приписки.

— Прекрасно, капитан, — сказал Карл Кип, — нам одинаково легко будет сесть на корабль в Хобарте, Данидине, Окленде или Веллингтоне...

— Конечно, — заверил Хаукинс, — и если вы сядете на пароход, который возвращается в Европу через Суэцкий канал, ваше возвращение произойдет еще быстрее.

После новых рукопожатий и обмена любезностями оба брата отправились в свою каюту, чтобы немного отдохнуть. Ведь они провели всю ночь, поддерживая огонь в костре на мысу острова.

Тем временем ветерок, который рассеял туман, посвежел. Этим следовало воспользоваться, и мистер Джибсон отдал приказ к отплытию. Матросы поставили паруса, подняли якорь, и бриг, выйдя в открытое море, взял курс на северо-северо-восток. Когда два часа спустя высокая вершина острова Норфолк исчезла из виду, «Джеймс Кук» переменил курс на северо-западный, к Новой Ирландии. Приблизительно четырнадцать сотен миль разделяют острова Норфолк и Новая Ирландия. После первых пяти сотен «Джеймс Кук» должен был подойти к берегам французской Новой Каледонии, которая входит в состав группы островов Луайоте.^[72] Севернее этого архипелага начинается Коралловое море.

Глава VIII

Коралловое море

Жизнь на борту шла по обычному распорядку. Вахты сменяли одна другую с той монотонностью, какой отличается спокойное плавание. И в таком плавании есть свое очарование. Моряки и пассажиры с интересом следили за всем происходящим на море, за кораблем, показавшимся вдали, за птицами, летавшими вокруг мачт, морскими животными, игравшими в волнах.

Братья Кип чаще всего сидели на корме вместе с мистером Хаукинсом и предавались длинным беседам, в которых с удовольствием принимали участие также и капитан с сыном. Совсем не такое благодатное настроение было у Вэна Мода. И ему и боцману было совершенно ясно, что братья Кип в любом случае будут на стороне капитана и судовладельца.

— Теперь их восемь против нас шестерых, — цедил он сквозь зубы, — восемь бы веревок им на шею!

И только Лэн Кэннон рассуждал совершенно иначе.

— Да откуда мы знаем, кто на самом деле эти голландцы? — говорил он. — Кто видел их бумаги? Никто, а тогда почему надо верить им на слово? Да раз во время кораблекрушения они все потеряли, то почему бы им не постараться восполнить этот ущерб? Я знаю не одного, кто участвовал в подобном заговоре и не чурался хорошей драки...

— Не ты ли попытаешься с ними заговорить? — спросил Флиг Балт, пожав плечами.

— Я... нет конечно! У матросов нет возможности беседовать с пассажирами, ведь эти найденыши — пассажиры.

— Лэн прав, — подтвердил Вэн Мод, — ни он, ни я не можем этого сделать...

— Что же, выходит, что я? — спросил боцман.

— Не он и даже и не вы, Флиг Балт, — вмешался Вэн Мод.

— А кто же?

— Новый капитан «Джеймса Кука».

— Что ты этим хочешь сказать, Мод? — вмешался Лэн Кэннон.

— Я хочу сказать, что нужно быть, по крайней мере, капитаном, чтобы иметь возможность разговаривать с этими господами. Короче, я опять возвращаюсь к своей идее. Предположим, мистер Джибсон падает за

борт... ночью... несчастный случай... Кто принимает командование кораблем? Разумеется, боцман Балт. Судовладелец и парень ничего не смыслят в морском деле. И тогда, вместо того чтобы вести бриг в Порт-Праслин... или возвращаться в Хобарт... ну... кто знает?

Флиг Балт всегда больше слушал, чем говорил. Он понимал, что спровоцировать несчастный случай и убрать капитана будет проще, чем начинать борьбу с пассажирами «Джеймса Кука» и половиной его экипажа. Но Лэн Кэннон считал, что шестеро решительных людей стоят больше восьмерых, если захватить их врасплох. Достаточно прежде всего избавиться от любых двоих, чтобы силы стали равными.

— Все это надо делать будущей ночью. Пусть боцман скажет «да» — и я предупрежу своих ребят, а завтра бриг уже будет на свободе!

— Ну, боцман Балт, что вы скажете? — спросил Вэн Мод.

Флиг Балт все еще молчал, не отвечая на прямой вопрос, когда капитан Джибсон позвал его.

— Он что, не идет на это? — спросил Лэн Кэннон у Мода после ухода боцмана.

— Он пойдет, — ответил матрос, будущей ночью или когда представится случай.

— А если не представится?

— Мы его придумаем, Кэннон!

— Тогда, — заявил матрос, — следует придумать до прихода в Новую Ирландию! Мы с друзьями не нанимались на бриг, чтобы плавать под командой капитана Джибсона. И я тебя предупреждаю, Мод, если дело не будет сделано, то мы смоемся в Порт-Праслине...

— Договорились, Лэн...

Вэна Мода больше всего беспокоила нерешительность боцмана. Он прекрасно знал его двуличную натуру, в которой было больше хитрости, чем смелости, но он понимал, что успех в большей степени зависит от Балта, и неизбежно возвращался к мысли, что командование бригом должно перейти к нему. Кроме того, следовало попридержать Лэна Кэннона, нетерпение которого могло испортить все дело.

Плавание проходило благополучно. Попутный ветер хорошо помогал днем и успокаивался к вечеру. Ночная свежесть была особенно приятна после дневной жары, которая усиливалась по мере приближения к тропику Козерога.^[73] Хаукинс, Джибсон с сыном и братья Кип, беседуя и покуривая, растягивали вечерний отдых, оставаясь на палубе иногда до самого рассвета. Да и матросы предпочитали свежий воздух душному кубрику. В этих условиях невозможно было схватить Хоббса, Бернса и

Виклея. Они бы мгновенно дали отпор.

Тропика достигли после полудня седьмого ноября. Почти сразу появились острова Пен и скалы Новой Каледонии. Большой остров Балад, так он назывался на языке канаков,^[74] тянется минимум на две сотни миль в длину, с юго-востока на северо-запад, и имеет в ширину миль двадцать пять — тридцать. К нему прилегают острова Пэн, Бао, Ботаник, Хохохана. А на востоке группа Луайоте с самым южным из них, Британия.^[75]

Как известно, остров Новая Каледония принадлежит Франции и служит местом заключения преступников. Бежать отсюда очень трудно, хотя случаи побегов известны. Правда,

для этого необходимо, чтобы помощь была оказана извне, например, бывали случаи, когда политзаключенным удавалось договориться с каким-нибудь капитаном и бежать на его корабле. Но если беглец, не имея лодки, попробует вплавь добраться до судна, он рискует попасть в зубы акул, которые кишмя кишат между подводными скалами. Правда, и кораблю из-за высокой волны вдоль берега больше негде пристать, кроме порта Нумеа, главного города острова.

«Джеймс Кук», продвигаясь к северу, держался на расстоянии двух миль от берега. Весь остров с его прибрежными холмами, расположенными амфитеатром, был виден как на ладони. Холмы же выглядели такими голыми и раскаленными, что казались совершенно бесплодными. Так обманулся капитан Кук, когда в 1774 году он открыл этот остров. Однако, когда французы заняли его, оказалось, что там прекрасно растут ямс,^[76] сахарный тростник, таро,^[77] гибискус,^[78] апельсины, кокосовые пальмы, хлебное дерево, фиги, имбирь. В глубине острова есть густые леса с огромными деревьями.

Весь день девятого ноября Хаукинс, Нат Джибсон и оба брата рассматривали высокую горную цепь на острове. Бурные горные потоки устремлялись с вершин Когта, Нью, Арго, Хомедубуа, высота которых превышает полторы тысячи метров. С наступлением ночи стали видны огни канаков в глубине горных цирков,^[79] потом и они погасли. Флиг Балт, Вэн Мод и Лэн Кэннон тоже внимательно смотрели на остров.

— Там полно бравых парней, которые охотно завладели бы судном, чтобы сбежать! — говорил Мод. — Если бы их лодка подошла к бригу, мы бы с ними мгновенно договорились!

— Конечно, — ответил Лэн Кэннон, — но этого не произойдет.

На следующий день последние скалы, которые простираются на сотню лье к северу, остались позади. «Джеймс Кук» на всех парусах пересекал

Коралловое море. Дней за десять, при попутном ветре, бриг мог пройти девятьсот миль, которые отделяют Новую Каледонию от Новой Ирландии.

Коралловое море навигаторы считают одним из самых опасных из-за множества коралловых рифов, банок и опасных течений. Огромное число кораблей бесследно исчезло в его водах. Ночью десятого июня 1770 года, несмотря на попутный ветер и полную луну, сам Джеймс Кук чуть было не потерпел здесь кораблекрушение.

Следовало надеяться, что подобное несчастье минует мистера Джибсона. Корпус брига не будет распорот острыми подводными камнями, как это случилось с кораблем знаменитого английского мореплавателя, и ему не придется подводить парус под киль, чтобы залатать пробоину. Однако экипаж день и ночь бдительно нес службу, чтобы избежать подводных рифов. К тому времени благодаря довольно точным гидрографическим исследованиям можно было довериться картам. Кроме того, Гарри Джибсон не впервые пересекал Коралловое море и хорошо знал его коварный характер. Бывал в этих опасных местах и Карл Кип; огибая с северо-востока Австралию, чтобы через Торресов пролив войти в Арафурское море, он плавал к берегам Юго-Восточной Азии. Короче говоря, бдительных глаз на бриге было достаточно.

Вообще погода по-прежнему благоприятствовала плаванию «Джеймса Кука». Он быстро шел, подгоняемый тихоокеанскими пассатами,^[80] так что людям не приходилось маневрировать. Надо заметить, корабли в этих водах немногочисленны. Пароходы, если только они не направляются в американские порты, не рискуют идти по Коралловому морю. По нему ходят лишь парусники, которые предпочитают путь через мыс Горн плаванию через мыс Доброй Надежды, да еще суда, которые, как «Джеймс Кук», совершают крупные каботажные плавания между Австралией, Новой Зеландией и островами Северного архипелага.^[81] Ну, и разумеется, подобное плавание весьма скучно не столько для экипажа, которому не до развлечений, сколько до пассажиров — им подобные переходы кажутся бесконечными.

Девятого ноября после полудня Нат Джибсон, находясь на палубе, вдруг перегнулся через поручни и стал внимательно всматриваться в море. Через несколько минут он позвал капитана, который только что вышел из рубки, и показал ему на какую-то темную массу в двух милях от левого борта.

— Отец, не риф ли это?

— Не думаю, — ответил Джибсон, — я внимательно изучил фарватер

и уверен в правильности курса...

— На карте ни одного рифа?

— Ни одного, Нат.

— Но там что-то есть...

Капитан взял подозрную трубу и, внимательно изучив непонятный предмет, ответил:

— Ничего не понимаю.

Братья с мистером Хаукинсом тоже подошли к левому борту и стали пристально смотреть на бесформенную массу, которую можно было принять за коралловый риф.

— Нет, — наконец сказал Карл Кип, это не риф.

— Кажется даже, что оно плавает, — вставил Хаукинс.

Предмет, и правда, не был неподвижным и словно подчинялся движению волн.

— И кроме того, — добавил Карл Кип, — вдоль бортов нет буруна от прибоа...

— Он, кажется, даже дрейфует,^[82] заметил Нат Джибсон.

Капитан крикнул Хоббсу, который стоял у штурвала:

— Возьми круче, надо подойти поближе!

— Есть, капитан, — ответил матрос, поворачивая штурвал.

Через десять минут бриг подошел довольно близко к неизвестному предмету, и Карл Кип воскликнул:

— Это остов судна!

— Уж не останки ли «Вильгельмины»? — заметил Хаукинс.

— Вполне возможно, — сказал капитан. Через двадцать дней после катастрофы обломки шхуны вполне могло прибить к этим берегам.

— Капитан, — обратился к нему Карл Кип, — разрешите нам осмотреть их! Если это действительно то, что осталось от «Вильгельмины», мы можем найти там кое-что очень важное...

Капитан тотчас отдал приказ повернуть судно и подойти к затонувшему кораблю на расстояние двух-трех кабельтовых. Но и с зарифленными парусами, и с подтянутой бом-брам-стенгой^[83] бриг еще некоторое время двигался довольно быстро. И вдруг Карл Кип воскликнул:

— Да, это «Вильгельмина»... ее корма и остатки полуюта!^[84]

— Лодку на воду! — скомандовал Джибсон, повернувшись к Флигу Балту.

Шлюпку спустили, трое матросов — Мод, Виклей и Хоббс — сели на весла, Карл и Питер Кип разместились на корме, Нат Джибсон встал к

рулю.

Когда лодка подошла к остову корабля, все, кто находились в ней, могли прочитать на кормовой дощечке, которая осталась нетронутой, два слова:

«Вильгельмина — Роттердам».

Полуют, сильно накренившись на левый борт, плавал над той частью трюма, затонувшего полностью, где был камбуз. От бизань-мачты остался лишь обломок в два-три фута высотой, с него свисали куски фала.^[85] Это все, что осталось от гика,^[86] сорванного во время столкновения. Каюты капитана и помощника, которые располагались в передней части полуюта, были разрушены полностью.

Карл Кип поставил лодку вдоль разбитого корабля, чтобы можно было высадиться, а Вэн Мод закрепил швартовы на выступе его правого борта. Море оставалось спокойным, волны лишь перекатывались по палубе, но не затапливали кают-компанию. Иногда килевая качка обнажала трюм — он был абсолютно пуст.

Карл и Питер Кип, Нат Джибсон и Вэн Мод, оставив лодку на попечение матросов, спустились в кают-компанию. Но не было здесь ни живых, ни мертвых. Из кают-компании оба брата перебрались в свою каюту, надеясь найти там бумаги, касавшиеся конторы в Амбоине и торгового дома в Гронингене. Но и следов от них не осталось. Исчезла и тысяча пиастров, принадлежавшая Питеру Кипу. Деньги хранились в маленьком ящичке, который разбился во время удара. Кроме пришедшей в негодность одежды и двух пар обуви — ничего! Правда, сохранилось еще белье, которое лежало в закрытых ящиках, да еще один предмет... Но его обнаружили не сами хозяева. Вэн Мод побывал здесь раньше и под нижней полкой, где открывался ящик, нашел кинжал. Это был один из малазийских кинжалов с лезвием пилы. Оружие, довольно обычное у туземцев Тихоокеанского побережья, не имело особой ценности и могло лишь дополнить коллекцию какого-нибудь любителя. Вэн Мод поспешно спрятал его на груди.

Тем временем бриг стало относить течением. Ветер крепчал, поднималась волна, уже несколько раз прозвучал голос боцмана, призывавшего вернуться на судно.

— Нам приказывают возвращаться, — сказал Нат Джибсон, — и кажется, мы забрали все, что могли.

— Отчаливаем! — ответил Карл Кип.

Как только лодку подняли на корабль, матросы поставили паруса и,

подгоняемый попутным ветром, бриг взял курс на северо-запад.

Через пять дней, утром четырнадцатого ноября, сигнальщик указал на первые вершины Новой Гвинеи.

Глава IX

Сквозь Луизиаду

На другой день, пятнадцатого ноября, «Джеймс Кук» прошел на северо-восток не более тридцати миль. На закате ветер стих. Наступила ночь, такая душная и безветренная, что пассажиры и экипаж провели ее на палубе: в каютах никто не выдержал бы и часу. К тому же корабль шел по опасным местам и нужно было быть начеку. Мистер Джибсон велел натянуть перед рубкой тент, закрепив его на стрингерах.^[87] Под ним устроились, чтобы поужинать.

На следующее утро за завтраком говорили только об архипелаге Луизиада,^[88] который составлял самую опасную часть пути.

— Вам уже приходилось проходить Луизиадский архипелаг? — спросил Питер Кип у капитана.

— Да, и неоднократно, когда я загружался в Новой Ирландии, — ответил Джибсон.

— Нелегкое плавание, — заметил Карл Кип.

— А вы сами когда-нибудь бывали в этой части Тихого океана, мистер Кип?

— Нет, мистер Джибсон, я никогда не ходил южнее Папуа.

— Коралловые рифы достигают здесь двухсот миль в длину и ста в ширину, — сказал Джибсон. — Невнимательный или неосторожный капитан рискует напороться на них. Но даже опытные мореплаватели оставляли здесь кто обшивку, а кто и все судно.

— Приставали ли вы когда-либо к этим островам? — снова спросил Питер Кип.

— Нет, — ответил Джибсон, — да и чем можно загрузиться на Росселе, Сент-Эньяне, Тробриане или Д'Антрасто! Разве что кокосовыми орехами, здесь растут самые лучшие кокосовые пальмы.

— Но хоть корабли и не останавливаются здесь, — заметил Хаукинс, — все же архипелаг обитаем.

— Да, — продолжал Джибсон, — но народ здесь дикий и жестокий, думаю, что, несмотря на все усилия миссионеров, есть и каннибалы.

— И вы слышали о людоедстве? — спросил Питер Кип.

— Мне рассказывали об ужасных сценах, кстати, нам всем нужно быть очень бдительными сейчас, ибо в любую минуту мы можем подвергнуться

нападению со стороны туземцев.

— И не только на Луизиаде, но и на Новой Гвинее, мне кажется, папуасы не менее опасны, — добавил Карл Кип.

— Все они стоят друг друга по коварству и кровожадности, — ответил капитан. — Уже более трехсот лет, как земли эти были открыты португальцем Серрану, потом в тысяча шестьсот десятом году здесь побывал голландец Схоутен, а в тысяча семьсот семидесятом — Джеймс Кук, который был встречен градом пик. И наконец, когда в тысяча восемьсот двадцать седьмом году француз Дюмон Дюрвиль проходил здесь на своей «Астролябии», он вынужден был открыть огонь по атаковавшим его полинезийцам. Увы, с тех пор цивилизация ничего не изменила в нравах этих племен.

В районе между Новой Гвинеей и Соломоновыми островами особенно опасно путешествовать, — добавил Нат Джибсон. Стоит лишь вспомнить плавания Картерета Гюнтера, американца Мореля, который чуть было не потерял свой корабль «Австралия»! Один из этих островов так и называется «остров Резни», да и многие другие заслуживают того же наименования.

— Но, право же, — вступил в разговор мистер Хаукинс, — кому, как не вам, господа голландцы, следовало бы заняться развитием этих племен. Ведь ваш флаг реет над соседними землями, над Молуккскими островами, и все были бы вам чрезвычайно признательны, если бы вы смогли обеспечить здесь нормальную морскую торговлю.

— Но правительство Батавии,^[89] ответил Кип, — принимает все меры! Не было года, чтобы в бухту Тритон не посылали корабль, это на северном побережье Новой Гвиней, где мы основали колонию... Мы стремимся основать там и другие колонии, тем более после того, как Германия заняла архипелаги на севере.

— Все морские державы безусловно хотели бы вам помочь, заметил Нат Джибсон, — ведь каких только флагов нет в этой части Тихого океана. Посмотрите на карту: Новая Каледония, Новая Зеландия, Новые Гебриды, Новый Ганновер,^[90] Новая Британия, Новая Ирландия, не говоря уже об Австралии, которая называется Новая Голландия и которой полностью владеет Англия!

Очень точное замечание. Флаги всех цветов реют над островами Океании, и, казалось бы, цивилизация должна здесь быстро развиваться. И тем не менее европейцы в этой области еще не чувствуют себя в безопасности. До сих пор между Соломоновыми островами, Гебридами,

Папуа и группой северных островов морские путешествия чрезвычайно рискованны. Поэтому неудивительно, что «Джеймс Кук» был вооружен медной пушкой с пятнадцатифунтовым зарядом, стрелявшей на расстояние в шестьсот метров, а в рубке корабля хранилась дюжина ружей и револьверов, что позволяло команде зорко следить, чтобы к судну не подошла какая-нибудь пирога.

По своему облику папуасы, или папуа, населяющие Новую Гвинею, напоминают и малайцев и негров одновременно. Они делятся на алфакисов, которые живут в горах, и собственно папуасов, населяющих побережье. Эти туземцы — не земледельцы, не пастухи — живут племенами и имеют вождей. Их жилища представляют жалкие хижины, а одеждой им служат шкуры или кора растений. Впрочем, здешний климат позволяет обходиться без прочной одежды и крепких домов, а с пропитанием и того проще: рыбы, черепахи, моллюски, бананы, кокосовые орехи, саго,^[91] капуста пальма — круглый год к услугам человека. В великолепных лесах, богатых мускатным орехом, латанией,^[92] бамбуком и черным деревом, полно съедобных вяхирей,^[93] калао,^[94] кабанов, кенгуру, не говоря уже о таких редких представителях птичьего мира, как какаду, горлица, птица-лира. А за райских птиц, от королевской до изумрудной, торговцы Восточной Азии платят туземцам немалую цену. Недаром путешественники называют эту страну Эльдorado^[95] Океании: здесь много ценных пород дерева, золота, драгоценных камней.

Капитан Джибсон не намеревался заходить на Новую Гвинею — ни в гавань Дори, ни в залив Мак-Клюэр, ни в бухты Гелвинк, Гумбольдт или Тритон, где обосновались голландцы. Бригу следовало лишь обогнуть мыс Родней с востока и выйти в открытое море, обходя подводные скалы. Это произошло днем пятнадцатого ноября. С корабля была хорошо видна горная цепь Астролябия и ее вершины Симпсон и Сукинг, когда бриг направился в море, которое пенилось между архипелагом Соломоновых островов и юго-восточным выступом Папуа. В продолжение всего дня на горизонте не показался ни один корабль, ни одна пирога.

Ночью никто не покинул палубы, все с напряжением вглядывались в ночное море. За мысом Родней светилось множество огней — они шли вдоль папуасского побережья и острова Д'Антраксто, отделенного от мыса несколькими милями. Было очень темно, на небе, покрытом облаками, ни звездочки. Через час после захода солнца серп луны тоже спрятался за тучами. Около полуночи, в той стороне, где находился остров, вахтенному матросу почудились силуэты пироги... Но туземцы так и не появились, и

ночь прошла спокойно.

На следующий день ветер, поднявшийся было на рассвете, внезапно прекратился. Наступала жара. Корабль находился в десяти градусах южнее экватора, а в Южном полушарии ноябрь соответствует маю северных широт.^[96] Около полудня на траверзе архипелага Д'Антракосто Карл Кип заметил пирогу. Мистер Джибсон с сыном и Питер Кип тотчас поспешили к нему.

Пирога шла в направлении корабля — небольшая долбленка без балансира^[97] двигалась не спеша, аккуратно обходя рифы юго-восточной оконечности острова.

Мистер Джибсон, посмотрев в подзорную трубу, заметил:

— Там только двое.

— Двое? — переспросил подошедший Хаукинс. — Ну что ж, если они хотят подняться на борт, не вижу причин отказывать им.

— Да и небезынтересно посмотреть поближе на типичных папуасов, — добавил Нат Джибсон.

— Пусть подойдут, — сказал капитан, — через десять минут они будут здесь и мы узнаем, чего хотят эти туземцы.

— Наверняка чего-нибудь продать, — заметил Хаукинс.

— Других пирог не видно? — спросил Питер Кип.

— Ни одной, — ответил Джибсон, — внимательно осмотрев море до самого горизонта.

Лодка быстро приближалась, туземцы ритмично гребли двумя парами весел. В полусотне футов от брига один из гребцов выпрямился и крикнул:

— Эбура... Эбура...

— Это слово значит «птица» на языке жителей Новой Ирландии, — сказал капитан.

Мистер Джибсон не ошибся: дикарь держал в правой руке птицу, которая, без сомнения, была достойна занять почетное место в орнитологической^[98] коллекции. Вскоре все могли рассмотреть королевскую райскую птицу с красным и бархатисто-коричневым оперением, оранжевой головкой и черным пятнышком в уголке глаза. По ее зобу проходили две полосы — одна коричневая, другая зеленоватая с металлическим отливом, туловище было ослепительно белым. Такие птицы гнездятся лишь в этих местах, но туземцам никогда не удавалось найти их гнезда.

— Черт возьми, — воскликнул Хаукинс, — я вовсе не возражал бы против райской птицы, о которых так часто рассказывал мне Джибсон!

— Это очень просто, — сказал Питер Кип, — наверняка туземец хочет обменять ее на что-нибудь.

— Пусть поднимется, — сказал капитан.

Матрос спустил веревочный трап, пирога причалила, и дикарь ловко вспрыгнул на палубу, повторяя: «Эбура... Эбура». Его товарищ остался в лодке и внимательно смотрел на бриг, не отвечая на знаки, которые подавали ему матросы.

Абориген, поднявшийся на палубу, оказался типичным представителем племени папуасов, живущих на побережье: среднего роста, приземистый, крепкий, широконосый, толстогубый, с грубыми чертами лица и грязно-желтым цветом кожи; на жестковатом лице можно было заметить следы ума и хитрости. По мнению капитана, на их судно пожаловал сам вождь племени. Перед ними стоял человек лет пятидесяти, в кожаной набедренной повязке и накинутом на плечи плаще из древесной коры.

Так как Хаукинс не мог скрыть своего восхищения при виде птицы, туземец в первую очередь обратился к нему. Он вертел ею над головой, показывая свою добычу со всех сторон. А мистер Хаукинс, который уже решил приобрести этот прекрасный экземпляр, думал, что бы предложить ему взамен. Папуас, размышлял он, скорее всего останется равнодушным к деньгам, назначения которых наверняка не знает. Но тот быстро вывел коммерсанта из затруднения, широко раскрыв рот и повторяя: «Вобба... Вобба!» Джибсон перевел это слово как «Пить! Пить!» и велел принести с камбуза бутылку виски.

Вождь взял бутылку, убедился, что она наполнена белесой жидкостью, которую он отлично знал, и, не откупоривая, сунул ее под мышку. Потом прошелся по палубе, внимательно оглядывая не столько корабль, сколько матросов, пассажиров и капитана. Казалось, он считает, сколько человек на борту. Это сразу заметил Карл Кип и поделился наблюдением с братом. Тем временем Нату Джибсону пришло на ум сфотографировать туземца для своей коллекции, куда он хотел поместить настоящего папуаса.

— Хорошая мысль, — одобрил Хаукинс, — но как заставить этого дьявола не шевелиться?

— Попробуем, — ответил Нат.

Он взял туземца за руку и повел его на корму, но тот, не понимая, чего от него хотят, стал сопротивляться.

— Ассаи, — сказал Нат, что означало «идти» на языке папуасов, и вождь пошел к рубке.

Потом Нат принес аппарат, установил его на треножнике и стал наводить фокус, но вождь, очевидно, желая показать себя во всем блеске,

начал так мотать головой и руками, что фотографировать было невозможно. К счастью, когда он увидел, что Нат скрылся под черным покрывалом, то настолько удивился, что мгновенно замер. Этого мгновения оказалось достаточно для фотографии, и скоро вождь, зажав бутылку под мышкой, отправился к веревочному трапу.

Однако, проходя мимо рубки, дверь которой была открыта, он вошел в нее и внимательно осмотрел. Когда туземец вновь появился на палубе, взгляд его остановился на пушке, назначение которой, как видно, ему было известно, ибо он закричал:

— Мера... Мера! — что значит на языке папуасов «молния», «огонь».

В этот момент взгляд его сверкнул, но тут же погас, и лицо его вновь приняло то бесстрастное выражение, которое так свойственно представителям этой расы. Затем вождь подошел к веревочному трапу, перемахнул через борт, спустился в пирог и, кинув последний взгляд на бриг, схватился за весла. Его товарищ взял вторую пару весел, и лодка, ловко маневрируя, вскоре скрылась за поворотом острова Д'Антркасто.

— Заметили ли вы, как внимательно он осматривал корабль? — спросил Карл Кип.

— Это меня очень удивило, — ответил Хаукинс.

— Очевидно, ему было безразлично, какими силами располагает бриг, — высказал предположение капитан.

Между тем на море установился полный штиль, и последние морщинки исчезли с его поверхности. Капитан Джибсон принял решение зачалить бриг цепью в пятьдесят сажень у острова и ждать, когда поднимется юго-западный ветер. Флиг Балт одобрил идею капитана, и не случайно. «Ночь будет дождливой и безветренной, — накануне говорил ему Мод, — если судно причалит к берегу, возможно, Хаукинс, голландцы и Нат Джибсон пойдут спать в каюты. Тогда на палубе останутся только капитан и вахтенные. Может быть, это последняя возможность избавиться от Джибсона...»

Но в дело вмешался Карл Кип:

— Я на вашем месте не делал бы этого, капитан, места здесь опасные, можно в любой момент ожидать нападения туземцев... В этом случае лучше не тратить время на снятие якоря и поднятие парусов, а сразу уходить, воспользовавшись хоть самым малым ветерком.

Капитан согласился и, к неудовольствию Флига Балта, приказал не убирать на ночь паруса; бриг остался на расстоянии двух-трех миль от острова Д'Антркасто.

Дождь, который начался в пять часов вечера, оказался недолгим.

Глухие раскаты грома и вспышки молнии предвещали грозу. Температура поднялась до девяноста градусов по Фаренгейту,^[99] и никто не ушел в каюты. Даже матросы, свободные от вахты, расположились на палубе.

Боцмана и Вэна Мода вновь постигла неудача.

Тем временем капитан распорядился внимательно следить за любым приближающимся предметом. Вахтенные были выставлены и на корме и на носу, ибо, что бы ни говорил мистер Хаукинс, все же Карл Кип считал, что туземец хотел не столько обменять на что-нибудь свою птицу, сколько вывести силы экипажа и боевую оснащенность судна.

Пока обсуждали мнение Карла Кипа, разговор незаметно перешел на другие темы и постепенно прекратился сам собой. Тент свернули, чтобы легче было дышать, и глубокая тишина воцарилась вокруг. Наступила непроглядная ночь. Ни огонька на острове, который в этот час казался необитаемым. Сон смежил веки самых упорных, когда вдруг раздался голос Джима.

— Пирог, пирог! — кричал юнга.

В мгновение все были на ногах — капитан, пассажиры, экипаж. В крошечной тьме ничего нельзя было увидеть. Может быть, Джиму показалось? Капитан приказал всем замереть, и в полной тишине они услышали плеск весел. На этот звук один из матросов направил свет фонаря — и все увидели множество пирог в тридцати футах от корабля. Если бы не бдительность юнги, туземцы внезапно бы атаковали бриг, который не успел бы подготовиться к обороне.

По приказу капитана матросы бросились к рубке и вооружились. Теперь каждый держал ружье или револьвер с патронами, и все заняли свои места вдоль левого борта, за которым скопились пироги. Туземцы поняли, что неожиданная атака сорвалась и ждать больше нечего. Град стрел и камней, пущенных из рогаток, обрушился на корабль. Папуасов оказалось не меньше шести десятков на десяти больших пирогах. Шестьдесят против пятнадцати, включая юнгу.

— Огонь! — скомандовал капитан.

Грянул залп. Одновременно с воплями ужаса новая туча стрел обрушилась на корабль.

— Теперь подождем, — сказал капитан, — когда полезут на корабль, стрелять в упор!

Ждать пришлось недолго, спустя мгновение пироги вплотную подошли к корпусу судна. Папуасы хватались за ванты,^[100] подтягиваясь к стрингерам, стремясь забраться на палубу. Там они, правда, не могли

пользоваться стрелами и рогатками, но зато могли пустить в ход «паранги» — стальные ножи, которыми они владели с невероятной ловкостью. И все же первая атака была отбита — туземцы, добравшись до края борта, полетели вниз.

В отблесках выстрелов моряки узнали одного из туземцев, конечно, того самого папуаса, который побывал недавно на корабле.

Силы были столь неравны, что, если бы вождю папуасов удалось попасть на палубу, экипаж «Джеймса Кука», несмотря на обладание огнестрельным оружием, был бы весь перебит. К сожалению, корабельная пушка оставалась в бездействии, так как пироги подошли к самому борту.

Пассажиры и матросы «Джеймса Кука» отчаянно защищались. И хотя среди осажденных появились раненые, Питер Кип и матрос Бернс получили ножевые раны — один в руку, другой в плечо, — ни один из них не покинул свой пост. В какое-то мгновение вождь и двое дикарей с ножами в руках схватились за ванты и были почти у стрингеров, а их пирога направилась к корме. Успев вовремя заметить это, Карл Кип и Нат Джибсон кинулись к атакующим. Голландец двумя выстрелами в грудь убил вождя, а Нат Джибсон сделал несколько выстрелов по пирогам.

Как только папуасы увидели, что их вождь исчез в волнах океана, они бросились к своим пирогам. Несколько тяжелораненых утонули. Было не больше четверти одиннадцатого, когда моряки дали последние выстрелы по удалявшимся пирогам. В этот момент пуля снесла шляпу с головы мистера Джибсона. Не обратив на это ни малейшего внимания, капитан вместе с сыном бросился на нос корабля, чтобы направить пушку на пироги. Освещенные фонарем с борта «Джеймса Кука» они виднелись в кабельтове от него. Раздался залп, и в ответ послышались пронзительные крики. Пушку перезарядили на случай новой атаки. Но самое страшное осталось позади. Луч фонаря освещал спокойное море.

Мистер Хаукинс осмотрел раненых и заявил, что их раны неопасны. Питера Кипа, Бернса и еще трех матросов перевязали, но никто из них не покинул палубу.

Когда настала очередь Вэна Мода встать за штурвал, к нему подошел боцман. Моряки обменялись красноречивыми взглядами, и Мод процедил сквозь зубы:

— Что поделаешь, Балт, в такой тьме не прицелишься! Промазал я!

Глава X

Путь на север

Когда сумерки рассеялись и солнце взошло над розовеющим горизонтом, стало ясно, что бриг стоял на том же месте, что и вчера, в трех милях к востоку от острова, как будто он был на якоре. Только легкие волны чуть покачивали неподвижный корабль. Мистер Джибсон внимательно осмотрел побережье в подзорную трубу. Над островом кружились птицы, но ни лодок, ни людей не было. Туземцы, видимо, уже успели вернуться в свои деревни на Новой Гвинее. Тем не менее следовало при малейшей возможности уходить от этих мест. Мистер Джибсон по некоторым приметам угадывал, что ветер должен вскоре подняться. Того же мнения держался и Карл Кип. Море «чувствовало что-то», и волны начали плескаться сильнее.

— Буду весьма удивлен, — сказал капитан, — если через пару часов не поднимется хороший ветер.

— И если он продержится дня четыре, — вставил Хаукинс, — мы доберемся до места.

— Конечно, — сказал Джибсон, — не больше трехсот миль отделяет нас от Новой Ирландии.

И тут он вспомнил о шальной пуле, которая чуть было не настигла его, когда Карл Кип сбросил в море вождя папуасов.

— Как? — воскликнул Хаукинс. — Тебя чуть не застрелили?

— Да, мой друг, еще бы полвершка — и пуля пробила мне голову.

— Но вы уверены, — спросил Питер Кип, — что это был выстрел, а не стрела или камень, брошенный одним из дикарей?

— Нет, — ответил Нат, — вот шляпа отца, и вы видите, что она прострелена пулей.

Сомнений не оставалось... Но, впрочем, в полной темноте, во время атаки защищавшиеся могли, промахнувшись, задеть и своих, и об этом больше не думали.

К половине восьмого ветер окреп. Брам-стенги и бом-брамсели, [\[101\]](#) лиселя и штаги были поставлены, и бриг после двадцатичасовой стоянки вновь пустился в плавание. Еще до полудня миновали архипелаг Д'Антраксто, остались вдали причудливые очертания восточного берега Новой Гвинее. Море было пустынно, на западе простиралась сплошная

водная гладь до самого горизонта, опасность нового нападения прошла.

Однако, несмотря на видимое спокойствие вокруг, не следовало забывать о резких порывах ветра, столь типичных для области, что простирается между Папуа, Соломоновыми островами и Северным архипелагом. Их называют «черные зерна», одно такое «зерно» может легко опрокинуть парусник, если его капитан недостаточно опытен. Но в течение всего следующего дня и ночью направление и скорость ветра не менялись. Когда «Джеймс Кук» прошел бесплодный и пустынный остров Манион, окруженный коралловыми рифами, мелей стало поменьше и корабль пошел со средней скоростью десять узлов.

Несмотря на то, что это было время, довольно безопасное для каботажных перевозок, бриг не встретил ни одного корабля. Очевидно, фирм, ведущих торговлю в районе архипелагов, расположенных между экватором и южной оконечностью Папуа-Новой Гвинеей, не так много. Возможно, в будущем их число возрастет, а пока может случиться, что капитан Джибсон, прибыв в Порт-Праслин, не встретит там ни одного английского или немецкого судна.

Следует сказать, что Англия в течение многих лет держала под своим протекторатом^[102] острова близ Новой Гвинеи; но в 1884 году была подписана конвенция^[103] между Германией и Соединенным Королевством. Согласно этой конвенции, острова к северо-востоку от Папуа, на которых к тому времени жило около ста тысяч жителей, объявлялись германскими владениями. Два крупнейших острова этой группы Тамбара, или Новая Ирландия, и Бирара, или Новая Британия, — вместе составляют полукруг. Дальше идут острова поменьше: Новый Ганновер и Йорк,^[104] потом несколько других обитаемых и необитаемых островов общей площадью 1580 квадратных километров.

Нет ничего удивительного, что после упомянутого соглашения на карте появились новые названия: так, Новая Ирландия стала Новым Мекленбургом, а Новая Британия — Новой Померанией; Йорк стал Новым Лауэнбургом, и только Новый Ганновер остался с прежним названием. Осталось окрестить весь ансамбль островов, и сегодня они называются архипелагом Бисмарка.

Когда Питер Кип спросил у Хаукинса, при каких обстоятельствах он, англичанин, стал вести торговые дела на Новой Ирландии, теперь Новым Мекленбургом, тот ответил, что много лет назад ему пришлось вступить в деловые отношения с одной новозеландской фирмой, которая торговала с Новой Ирландией.

— До подписания соглашения, мистер Хаукинс?

— Лет за десять до него. И когда эта фирма ликвидировала свои дела, я решил их продолжить. Потом, после конвенции тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года, я вступил в торговые дела с немцами. Как раз «Джеймс Кук» и занимается основными перевозками, кстати, со все возрастающими прибылями.

— Разве торговля расширилась после соглашения?

— Разумеется, мистер Кип, и я думаю, что расширится еще. Тевтоны^[105] охотно эмигрируют, надеясь разбогатеть.

— И что же экспортирует архипелаг?

— Перламутр, которого здесь очень много, и копру, ведь на этом острове самые лучшие кокосовые пальмы. Вот и мы должны взять в Порт-Праслине триста тонн копры.

— А как это Германии удалось установить свой протекторат над архипелагом? — спросил Карл Кип.

— Очень просто, — ответил Хаукинс, отдав острова Торговой компании, имеющей политический вес. Но в действительности владения ее не столь велики, и ее влияние на туземцев незначительно: Германия ограничивается обеспечением безопасности эмигрантов и перевозок.

— Вообще говоря, как считает мистер Хаукинс, — добавил Нат Джибсон, — архипелаг будет процветать. Так, например, очень быстро развивается Новая Ирландия, открытая голландцем Схоутеном в тысяча шестьсот шестнадцатом году. Как известно, мистер Кип, ваш соотечественник первым прошел по этим опасным морям.

— Да, Нат, Голландия оставила свой след в здешних краях, ее моряки покрыли себя славой.

— Однако она не смогла сохранить открытые ею земли, — возразил коммерсант.

— Это так, но, оставив за собой Молукки, она охотно отдала Германии архипелаг Бисмарка.

Действительно, мореплаватель Схоутен открыл в начале XVII века Новую Ирландию. Отношения с туземцами начались с вражды: атаки пирог, выстрелы из рогаток и мушкетов. Вслед Схоутену сюда пришел другой голландец, Тасман, в честь которого названа Тасмания (или Димания, по имени еще одного голландца — Вана Димана), который совершил свое плавание в эту часть Тихого океана в 1643 году.

И только потом здесь появились англичане, и один из них — Дампир, имя которого носит пролив, отделяющий Новую Гвинею от Бирары-Новой

Британии.^[106] Дампир прошел побережье Бирары с севера на юг, заложил несколько фортов, с успехом отбил атаки островитян в бухте, которую назвал бухтой Фрондеров.

В 1767 году английский мореплаватель Картерет обследовал юго-западную часть Новой Ирландии, остановился в бухте, где потом вырастет Порт-Праслин, потом в небольшой гавани, которая в перечне английских гаваней носит его имя.^[107] В 1768 году, совершая кругосветное путешествие, Бугенвиль тоже заходил в Порт-Праслин и назвал его так в честь министра морского флота, вдохновителя первого кругосветного путешествия французов. В 1792 году Картерет обследовал западную часть Новой Ирландии и составил карту всего острова. Наконец, в 1823 году в Порт-Праслин направил свой корабль Дюперей, сделавший гидрографические съемки острова, ему также удалось установить добрые отношения с туземцами Новой Ирландии.

Утром восемнадцатого ноября ветер внезапно стих, паруса повисли вдоль мачт, корабль больше не двигался. Как всякий опытный капитан, мистер Джибсон не был застигнут врасплох, когда Карл Кип показал ему на горизонте шарообразное облако, которое увеличивалось на глазах.

— На нас идет «черное зерно», — сказал капитан.

— Это ненадолго, — заметил Карл Кип.

— Да, но сила удара может оказаться немалой.

Команда быстро принялась за дело: все паруса, кроме фока и нижнего фор-марселя,^[108] были убраны. И весьма вовремя, ибо в то же мгновение страшный шквал обрушился на корабль.

Матросы уже были на своих местах, капитан — на мостике, Хаукинс, Нат Джибсон и Питер Кип — на корме, а Карл Кип взялся за штурвал. Сильный порыв ветра наклонил корабль на правый борт, да так, что рей весь покрылся белой пеной. Но умелый поворот штурвала выпрямил корабль и удержал его. Капитан Джибсон старался маневрировать так, чтобы убежать от шквала, зная по опыту, что «черные зерна» как метеоры сильны, но быстротечны. Правда, тут существовала опасность оказаться унесенным к Соломоновым островам. Вдали уже был виден остров Бугенвиль, самый крупный в этом архипелаге.

Флиг Балт и Вэн Мод ничуть не жалели о том, что корабль отклонился от курса. Архипелаг Соломоновых островов — место весьма подходящее для заговора. Авантюристов здесь полно, и здесь часто совершались страшные преступления. Боцман надеялся встретить на острове Россел, или любом другом, старых знакомых, которые охотно бы согласились

принять участие в «деле». Да и Вэн Мод немало плавал в этих водах и тоже мог встретить старых дружков. Да и Лэн Кэннон с его приятелями, не переставая ворчать, поставили условие: если до прихода в Порт-Праслин дело не будет сделано, они останутся там.

— Ну, а что вы будете делать на Новой Ирландии? — злился Вэн Мод.

— Наймемся поденщиками, немцам нужны рабочие руки, — отвечал Лэн Кэннон.

Решение Кэннона и его компании взбесило Флига Балта. Без этих четверых нечего было и думать об осуществлении задуманного плана. К тому же надежда на то, что корабль будет отнесен к Соломоновым островам, была недолгой. Через три часа шторм внезапно прекратился. Благодаря двум умелым морякам судно ничуть не пострадало во время урагана. Правда, волна оставалась еще довольно высокой, но постепенно море успокоилось, прошел сильный дождь, тучи рассеялись и подул свежий ветер. Мистер Джибсон приказал поднять все паруса, кроме лиселей, так как ветер дул с достаточной силой и не стоило перегружать мачты. Бриг пошел с хорошей скоростью и на следующий день, девятнадцатого ноября, пройдя около ста пятидесяти миль на запад от острова Бугенвиль, он уже был на траверзе пролива Святого Георгия, разделяющего Новую Ирландию и Новую Британию. Будучи всего в несколько миль шириной, пролив не очень удобен для прохождения судов: по всей длине его тянутся многочисленные рифы, но зато он вдвое сокращает путь.

У «Джеймса Кука» не было необходимости входить в пролив Сент-Джордж, ибо Порт-Праслин находится почти на мысу, [\[109\]](#) у самого входа в залив. Теперь, вблизи побережья, мистер Хаукинс, Нат Джибсон и братья Кип могли спокойно осматривать открывшуюся перед ними панораму.

Горы двойной цепью идут от самого побережья Новой Ирландии и достигают высоты шести тысяч футов. Горы покрыты лесами, которые создают здесь климат более мягкий, чем в других, близких к экватору районах, с обжигающе сухим воздухом. Они понижают температуру и на всем архипелаге Бисмарка, где термометр не показывает обычно выше восьмидесяти восьми градусов по Фаренгейту. [\[110\]](#)

В тот день бриг встретил лишь несколько пирог с прямоугольными парусами, да и те не пытались даже подойти к судну. К тому же с тех пор, как здесь установлен немецкий протекторат, туземцы Новой Ирландии, или, точнее, Нового Мекленбурга, больше не представляют опасности.

Ночь прошла спокойно. Когда, после двадцатичетырехчасового штиля,

ветер вновь поднялся, корабль пошел на малых парусах, маневрируя между мелями и коралловыми рифами. Пока шли этими труднопроходимыми местами, весь экипаж оставался на палубе. Но мистер Джибсон прекрасно знал лоцию [\[111\]](#) пролива, и уже на рассвете вахтенный доложил о подходе к порту. «Джеймс Кук» прошел по фарватеру и к девяти часам утра бросил два якоря в порту.

Глава XI

Порт-Праслин

Первым на борт взошел мистер Зигер, коммерсант с Новой Ирландии, торговавший с Хаукинсом. Этот человек обосновался в Порт-Праслине еще лет двенадцать тому назад и основал здесь торговый дом задолго до того, как остров получил название Новый Мекленбург, а группа островов стала называться архипелагом Бисмарка. Отношения между Зигером и Хаукинсом не ограничивались торговыми делами в Хобарте и Порт-Праслине. Мистер Зигер не раз приезжал в столицу Тасмании, где Хаукинс с удовольствием принимал его. Оба коммерсанта очень уважали друг друга. Нат Джибсон тоже не был безразличен Зигеру и его жене, которая часто сопровождала мужа в поездках. И с капитаном они были старыми друзьями, и теперь радостно пожимали друг другу руки.

Мистер Зигер, прекрасно говоривший по-английски, обратился к судовладельцу:

— Надеюсь, мистер Хаукинс, вы не откажетесь принять приглашение фрау Зигер и мое и посетите нас в нашем доме.

— Вы хотите, чтобы мы покинули судно?

— Разумеется, мистер Хаукинс.

— При условии, мистер Зигер, что мы не стесним вас...

— Ничуть, ваша комната уже готова, и есть еще одна для Джибсона с сыном.

Предложение шло от всего сердца, и невозможно было отказаться. Да к тому же мистер Хаукинс был непривычен к жизни в каюте корабля и с удовольствием сменил бы ее на комфортабельную комнату на вилле Вильгельмштаф. Нат Джибсон тоже с удовольствием принял это предложение, но капитан, как всегда, отклонил его.

— Мы будем ежедневно видеться, мой дорогой Зигер, но мое присутствие на корабле необходимо, я его никогда не покидаю во время стоянки.

— Как считаете нужным, Джибсон, но вы обещаете мне быть за моим столом утром и вечером...

— Договорились, с сегодняшнего дня вместе с Натон и мистером Хаукинсом с удовольствием буду принимать участие в ваших семейных обедах.

Когда Карла и Питера Кип представили мистеру Зигеру, он также выразил надежду видеть их у себя. Он не мог предложить им поселиться у него, но обещал, если они хотят, подыскать им приличную гостиницу.

— Наши средства весьма ограничены, ответил Питер Кип, вернее, их нет вовсе, и раз уж мистер Хаукинс принял нас пассажирами, нам лучше остаться на борту.

После недолгой беседы о товарах и сроках погрузки мистер Хаукинс, братья Кип и Нат Джибсон отправились на берег, оставив капитана заниматься своими делами.

Порт-Праслин очень удобен для стоянки, особенно для больших судов. Глубина бухты довольно постоянная, а между Бирарой (Новой Британией) и Томбарой (Новой Ирландией) она достигает тысячи четырехсот метров. Бриг стоял на якоре на глубине тридцати саженей,^[112] где дно было твердым и прекрасно держало якорь.

В Порт-Праслине в это время жило около сотни поселенцев, в основном немцев, и несколько эмигрантов-англичан. Дома их располагались к востоку и западу от порта в тени прибрежной зелени. Дом мистера Зигера стоял выше по берегу, а магазины и торговые прилавки расположились на маленькой площади перед портом рядом с магазинами других торговцев.

Туземцы Новой Ирландии живут в стороне от поселенцев. Их деревни представляют собой беспорядочные группы лачуг, построенных большей частью на сваях. Они охотно бывают в Порт-Праслине и государственных учреждениях немецкой Меланезии. И хотя эти люди ленивы от природы и проводят целые дни ничего не делая, желание заработать несколько пиастров иногда овладевает ими. Нередко они нанимаются на разгрузку и погрузку судов. Их охотно нанимают, но при этом не спускают с них глаз, потому что они склонны к воровству.

Здесь туземцы небольшого роста, в среднем пяти футов, желтокожие, а не черные, как негры, с довольно большим животом, хрупкие. Волосы у них обычно падают на плечи мелкими локонами, какие носят женщины в более цивилизованных странах. Следует заметить, что у них низкий лоб и приплюснутый нос, большой рот с плохими, испорченными бетелем^[113] зубами. Нос и уши проколоты, и в них вставлены небольшие палочки, с которых свисают зубы и перья животных или просто предметы быта. Они совсем недавно сменили одежду из коры на повязки из ткани. Эта небогатая одежда дополнена разрисовкой различных частей тела. Они раскрашивают щеки, лоб, плечи и грудь охрой,

растворенной в кокосовом масле. Узоры татуировки не накалывают, а процарапывают острыми камнями или ракушками. Но вся эта раскраска, несмотря на бесконечные масляные втирания, которыми они пользуются, не может скрыть следов проказы и шрамов, полученных в частых схватках с соседними племенами Бирары. Нет никакого сомнения в том, что эти дикари были людоедами, да, возможно, ими и остались. Правда, в последнее время о случаях людоедства почти не слышно благодаря миссионерам, которые поселились на острове Рун, к юго-западу от Новой Британии, или Новой Померании.

Среди туземцев, собравшихся на берегу, не оказалось ни женщин, ни детей, только мужчины. Женщин и детей можно было встретить лишь в деревнях, где они заняты полевыми работами.

— Мы совершим несколько экскурсий в глубину острова, — сказал Зигер, — и вы сможете понаблюдать местных жителей.

— С удовольствием! — одобрил Хаукинс.

— Но сейчас я хотел бы поскорее показать вас госпоже Зигер, которая ждет нас с нетерпением...

— Идем, идем, — ответил судовладелец.

Дорога, которая вела к Вильгельмштафу, проходила по берегу в тени деревьев. Плантации, террасами уходившие в глубину острова, доходили до самых прибрежных скал. Справа до самых пиков Лану простирались густые леса. Если путник сворачивал с дороги на тропинку, он сразу попадал в густой лес с великолепными арековыми пальмами,^[114] панданусами,^[115] барингтонами^[116] и баньянами.^[117] Сетки лиан, с ослепительно желтыми цветами, обвивали стволы до самых верхушек.

Господин Зигер не уставал наставлять своих гостей:

— Будьте внимательны, остерегайтесь колючек, иначе вы придете почти голыми, что не очень прилично даже в Новом Мекленбурге!

Разнообразие этих новоирландских лесов действительно восхищало.

Повсюду росли гибискусы, листья которых напоминают липу, пальмы, обрамленные вьющимися растениями, калофиллумы,^[118] стволы которых достигают тридцати футов в диаметре, ротанговые^[119] и саговые пальмы^[120] — из мякоти их стеблей туземцы изготавливают нечто вроде хлеба, панкратиумы,^[121] увенчанные белыми шапочками, в листве которых гнездятся скарабы — вовсе не птицы, а улитки. Вся эта богатейшая лесная флора выглядела здесь гораздо пышнее, чем на других островах Тихого океана, а выходящие наружу корни многих деревьев образовывали естественные хижины, где могли спокойно поместиться пять-шесть

человек. Лесные опушки были окружены высоким кустарником и изобиловали прозрачными ручейками, воды которых использовались в земледелии. На полях работали туземки, старательно выращивая сахарный тростник, батат^[122] и таро.

Ни хищные звери, ни ядовитые змеи не водились в этих краях, где фауна гораздо беднее флоры. Иногда попадались дикие свиньи, гораздо менее опасные, чем кабаны, да к тому же почти одомашненные, собаки, которых томбаринцы называют «пул», двуутробки^[123] и множество мелких крыс. Многочисленные термиты, или белые муравьи, развешивали свои гнезда на деревьях, а между ними тянулись сети паутины, сотканной множеством ярко-красных и голубых пауков.

— Там что, собачий лай? — спросил вдруг Нат Джибсон.

— Нет, — ответил Зигер, — это не собаки лают, это птицы кричат.

— Птицы? — удивленно переспросил Хаукинс.

— Да, есть такой лающий ворон на архипелаге Бисмарка.

Нат Джибсон и Хаукинс были обмануты криком ворона, как некогда Бугенвиль, впервые попавший в леса Новой Ирландии. Эта птица действительно удивительно точно подражает собачьему лаю.

Орнитолог найдет на этом острове множество любопытных экземпляров, называемых «мэн» на языке туземцев. Повсюду порхали лори, вид ярко-красных попугаев, папу, с такими же рычащими голосами,^[124] как у самих папуасов, никобарские голуби,^[125] белогрудые вороны, которых туземцы называют «коко», множество голубей и попугаев самой невероятной расцветки с удивительно вкусным и ароматным мясом. Когда наши путешественники приближались к берегу, они спугивали тучи ласточек, зимородков и мухоловок всех возможных видов и расцветок. Черепахи ползали по песку, устрашающего вида акулы кишели в воде, а над всем этим почти неподвижно парили в воздухе морские орланы.

Что же говорить о прибрежных отмелях, представляющих для конхиолога^[126] настоящее богатство, неисчерпаемый источник радости: ракушковые ракообразные,^[127] креветки, губки, мадрепоровые кораллы, хрящевидные, устрицы, съедобные моллюски, актинии, медузы.

Но внимание Хаукинса и Ната Джибсона привлекали главным образом скарабы^[128] и улитки, которые прячутся во влажных листьях прибрежных растений и образцы которых можно иногда найти на скалах далеко от воды. И Нат Джибсон тут же принялся рассказывать Зигеру об особенностях удивительных моллюсков:

Мне кажется, что именно рыбы сопровождают этих путешественников

в их наземных странствиях, и господа Кип вроде бы встречали таких на острове Норфолк.

— Вы говорите о прыгающих морских собачках, ^[129] - заметил Зигер.

— Именно, — подтвердил Хаукинс.

— Да, их здесь множество, и вы встретитесь с ними в Порт-Праслине. Это амфибии, живущие как в пресной, так и в соленой воде, они бегают по пляжу, прыгают, как двуутробки, и лазают по кустам, как насекомые.

За поворотом показалось жилище мистера Зигера — вилла, построенная из дерева и окруженная живой зеленой изгородью. Вильгельмштаф встречал посетителей стройными рядами кокосовых пальм и бананов, апельсиновых деревьев, тенистой листвой. Первый этаж постройки располагался под брезентовым навесом, столь необходимым при частых дождях, которые делали вполне сносным климат этого архипелага, расположенного у экватора.

Госпожа Зигер, женщина лет сорока, немка, как и ее муж, радостно устремилась навстречу гостям, как только калитка открылась.

— Ах! Господин Хаукинс, — воскликнула она, протягивая руку старому другу, — как я счастлива видеть вас!..

— Да и я не менее, отвечал Хаукинс, целуя госпожу Зигер в обе щеки. — Вот уже четыре года, как вы не были в Хобарте...

— Четыре с половиной, мистер Хаукинс!

— Несмотря на эти лишние полгода, вы ничуть не изменились!

— Нельзя сказать того же о Нате Джибсоне, воскликнула госпожа Зигер, — вот уж кто очень изменился! Он уж больше не мальчик, а молодой человек.

— Который просит разрешения тоже обнять вас, — сказал Нат.

— А где же ваш отец?

— Он остался на борту, — ответил Хаукинс, — но непременно будет к обеду.

У четы Зигер не было детей, и они жили в этом доме одни с немецкой парой, прислуживавшей им. В домике рядом расположилась семья поселенцев, которая занималась земледелием и обеспечивала себе доход, нанимая иногда на работу туземных женщин. Здесь на полях в тысячу квадратных миль возделывали сахарный тростник, батат, таро и ямс.

Перед домом расстился зеленый ковер, украшенный веерными пальмами и орошаемый небольшим отводом от соседнего ручья. Позади располагался птичий двор, где бродили куры, которых туземцы называют «петухами», и прекрасный вольер, населенный редчайшими птицами архипелага.

К полудню все собрались за прекрасно сервированным столом. Никто не страдал отсутствием аппетита. Птица, различные дары моря, капуста пальма, батат, лакой, бананы, апельсины и кокосовые орехи — ничто не осталось без внимания гостей. Что уж говорить о винах, доставленных из погребов Франции и Германии! Мистер Хаукинс, мистер Джибсон, Карл и Питер Кип все наперебой расхваливали искусство хозяйки, не переставая удивляться разнообразию блюд.

— И все же есть одно блюдо, которое мы не можем вам предложить. И только потому, что его больше у нас не готовят, — сказал мистер Зигер.

— Какое же? — осведомился Хаукинс.

Паштет из саго, кокосовых орехов и человеческих мозгов...

— И это вкусно? воскликнул Нат.

— Королевская еда!

— Вам приходилось ее пробовать? — рассмеялся Хаукинс.

— Никогда, и теперь уж не придется...

— Вот что значит разрушить традиции каннибализма в стране, — воскликнул капитан.

— Вот именно, мой дорогой Джибсон!

Сразу после обеда капитан собрался на корабль. Он по-прежнему очень боялся дезертирства и не оставлял надолго свой экипаж.

В это самое время на камбузе «Джеймса Кука» шли бурные дебаты между боцманом, Вэном Модом и матросами, нанятыми в Данидине.

— Мы решили сбежать сегодня вечером, — заявил Сэкстон.

— Подождите до отплытия, — уговаривал боцман, — всего несколько дней...

— Ты нам уже двадцать раз пел эту песню, огрызнулся Кейл, — и в результате мы пришли в Порт-Праслин, а через три недели направимся в Хобарт!

— Ну ладно, — заметил Мод, — сбежите, а что вы здесь будете делать?

Тут к камбузу подошел юнга. Джим давно уже заметил, что боцман и Вэн Мод довольно часто собираются вместе с новичками и о чем-то спорят, но так, чтобы никто не слышал.

— Ты что здесь делаешь, юнга? — заметив его, крикнул Флиг Балт.

— Пришел за обедом.

— Пообедаешь позже! А сейчас приберись в наших каютах.

— К тому же я не уверен, что ты уже убрал в каюте пассажиров, — добавил Вэн Мод, — не миновать тебе виселицы, паршивец...

— Занимайся своим делом! — приказал боцман.

Вэн Мод посмотрел на удаляющегося мальчика и сделал Балту знак, который тот, конечно, понял. Прерванный разговор продолжался.

Первый предмет, который привлек внимание Джима, когда он вошел в каюту братьев Кип, был малайский кинжал, лежавший на койке, которого он раньше никогда не видел. Джим взял кинжал, осмотрел лезвие и рукоятку, инкрустированную медью, и положил его на столик. Вскоре он закончил уборку.

Глава XII

Три недели на архипелаге

Все последующие дни были заняты разгрузкой судна. Наняли нескольких туземцев, с полдюжины крепких и довольно ловких мужчин. Работа быстро подвигалась, а мистер Хаукинс, Нат Джибсон и братья Кип, не теряя времени даром, осматривали окрестности Порт-Праслина в сопровождении мадам Зигер. Они побывали в факториях,^[130] часть которых принадлежала немецким поселенцам, а часть оставалась еще у англичан.

И те и другие торговали с большой выгодой. Импорт и экспорт в бывших Томбаре и Бираре возрастали в пользу немецкой Меланезии.

Имперское правительство сохранило местному населению полную свободу. Как свободные труженики, туземцы нанимались на работу в поле или на фабрику, где им платили промышленными товарами или продуктами питания. Приобщению местных племен к цивилизации способствовала усердная деятельность миссионеров. В Порт-Праслине есть протестантская церковь, а при ней два пастора. Проповедники с Евангелием в руках достигают здесь самых отдаленных уголков архипелага.

Однажды, во время экскурсии в центральную часть острова, расположенную примерно в трех милях от порта, Хаукинс, Нат Джибсон и братья Кип в сопровождении Зигера попали в томбарскую деревню, в которой стояло около пятидесяти деревянных хижин. Несмотря на полное отсутствие болот, они возвышались на сваях. Жители принадлежали к какому-то племени папуасов и мало чем отличались от жителей Новой Гвинеи. Они жили семьями, и всего их насчитывалось, вместе с детьми и стариками, примерно сто шестьдесят человек. Все они знали мистера Зигера и относились к нему с величайшим уважением. Экспедиция была принята двумя почтенными старцами с бесстрастными, прямо-таки непроницаемыми лицами. Женщины и дети оставались в хижинах.

Гости сразу увидели новшество, появившееся в этом уголке земного шара благодаря цивилизации.

Жители больше не ходили голыми, прикрыв свою наготу лишь повязкой из коры вакуа (кору разрезали на полосы и скрепляли волокнами). Мужчины (как и женщины, скрывшиеся при появлении гостей в хижины) оказались одеты в полосатые ткани, производимые английскими

и немецкими фабриками.

Мистер Зигер рассказывал об особенностях местных племен. По его словам, у них были поразительно развиты зрение, обоняние и слух. Туземцы отличаются невероятной гибкостью и ловкостью. Но что касается работы, то на нее они соглашались лишь в случае острой нужды в пище — папуасы больше всего любят отдых. Вот и сейчас они лежали, растянувшись около своих домов или скрестив ноги и сложив руки на груди, молча наблюдали за происходящим, продолжая жевать бетель, точно так же, как на Востоке курят опиум, а на Западе табак.

Бетель они изготавливают из плодов, которые на языке туземцев называются «камбан», смешивая их с известью. Этот продукт, если его жевать, вместе с обильным слюноотделением, вызывает легкое опьянение, от него чернеют зубы и кровоточат десны. По обычаю, который сохраняется и поныне, молодые люди не имеют права доставлять себе эту радость, и лишь пожилым разрешается жевать бетель.

Что же до новоирландских ремесел, то они ограничиваются плетением циновок из листьев и изготовлением глиняной посуды. Всю эту работу делают женщины, ибо они менее ленивы. В поле здесь тоже трудится почти исключительно слабый пол, не говоря уже о ежедневном приготовлении пищи, — разумеется, чисто женской привилегии. Правда, блюда папуасов не требуют большого кулинарного искусства. К тому же туземцы не едят, как мы, в определенное время, то есть они едят все время.

Путешественники рассказывают:

«Какое бы животное ни попало под руку дикарю, оно будет немедленно брошено на угли, поджарено и сожрано; при этом его не будут потрошить, если это четвероногое, или ощипывать, если это дичь».

Рыбы, морские черепахи, моллюски, лангусты, крабы, рептилии, ящерицы, любые насекомые — все идет в пищу этим обжорам. Из плодов особенно употребительны мапэ, или лака (вид съедобных каштанов), кокосовые орехи, молочные кауро и сахарный тростник, а также плоды хлебного дерева. Выращивают туземцы только свиней. Тем не менее, они совсем не сопротивляются попыткам цивилизовать их. Миссионеры пытаются обратить их в христианство. Но язычество здесь очень стойко и смешано с мусульманством, заимствованным у малайцев. В каждой деревне есть дом, в котором установлены идолы, и за ним наблюдают старики.

Мистер Хаукинс и его спутники свободно вошли в такой дом. Двери его, в отличие от жилых домов, гостеприимно распахнулись перед мистером Зигером. Там они увидели множество грубо сделанных глиняных

изображений, выкрашенных в белый, черный и красный цвет, их перламутровые глаза сверкали и искрились. Эти идолы назывались «вакуи». Среди многих предметов, окружавших идолов, были два тамтама. ^[131] По знаку старика с длинной, вымазанной охрой бородой молодой туземец ударил в один из них. Раздался страшный грохот. К статуям были привязаны «прапраганы» — вырезанные из дерева амулеты, ^[132] которыми обычно украшают носы пирог.

Нат Джибсон мгновенно вооружился своим фотоаппаратом и сделал и внутри и снаружи прекрасные фотографии, которым надлежало обогатить коллекцию Хаукинса.

Когда экскурсанты собрались в обратный путь, совсем стемнело. Над высокими кронами деревьев сверкали небесные звезды, а звезды земные сверкали в траве. Светлячки, которых меланезийцы называют «калотт», были столь многочисленны, что казалось, будто ступаешь по сверкающему ковру.

Так в интересных прогулках проходили дни. Однажды все вместе поднялись на гору позади виллы, что очень утомило всех, несмотря на то, что дорога проходила в тени.

Гора эта не из самых высоких, не более пяти тысяч футов, но с вершины открывается прекрасный вид на пролив Сент-Джордж между Новой Британией и Новой Ирландией. А на юге, насколько хватает глаз, высятся Помпо.

Чета Зигер не забыла ничего, что в окрестностях их виллы могло бы произвести впечатление на туристов. Конечно, прежде всего, им показали водопад, которому француз Дюперей дал имя своего соотечественника Бугенвиля. Вода падает здесь с высоты пятидесяти футов, обрушиваясь пенным потоком с пяти ступенек, расположенных между зелеными вершинами. Этот соленый поток обрастает по сторонам сталактитами ^[133] и среди них продолжает свой путь. Глядя на него, невольно вспоминается описание капитана Дюперей: «Почти ровные выступы горы направляют и разбивают этот водный каскад, образуя сотни небольших бассейнов, из которых прямо растут огромные деревья».

Разгрузку «Джеймса Кука» закончили к вечеру двадцать пятого ноября. Весь товар, предназначенный для торговли на прилавках Зигера, был немедленно размещен, ибо изделия немецкой и английской промышленности пользовались большим спросом.

Теперь бриг мог принять обратный груз, который, как известно, состоял из нескольких тонн копры и ящиков с перламутром. Из трехсот

тонн копры сто пятьдесят поставлял торговый дом Зигера, а остальные сто пятьдесят ждали погрузки на Кераваре — островке, расположенном к югу от Йорка, или Нового Лауэнбурга.

Капитан договорился с мистером Зигером и Хаукинсом, что вначале погрузит копру на Кераваре, а потом догрузится в Порт-Праслине.

Бриг не нуждался в ремонте, но не мешало почистить подводную часть и покрасить надводную часть корпуса. На это требовалось дня три-четыре. Экипаж сразу принялся за работу, так что через четыре дня, а именно утром двадцать девятого ноября, «Джеймс Кук» мог покинуть Порт-Праслин.

Вопреки ожиданиям заговорщиков, пассажиры корабля не остались дожидаться его в Порт-Праслине. На борту остались не только братья Кип, но и мистер Хаукинс, Нат Джибсон; и даже мистер Зигер решил совершить это путешествие вместе со всеми.

Флиг Балт и Вэн Мод с трудом скрывали свою злобу: возможность завладеть кораблем, на которую они так рассчитывали, опять провалилась.

— Сам черт охраняет этого капитана! — воскликнул Вэн Мод.

Политическим и торговым центром архипелага Бисмарка поначалу являлся маленький остров Миоко, южнее острова Йорк. Он располагался между двумя большими островами архипелага. Потом в связи с нездоровым климатом столицу перенесли на остров Матупи, образовавшийся в кратере Белой Бухты возле северной оконечности Бирары. Но там замучили землетрясения, и столицу снова перенесли — на этот раз окончательно на Керавару, островок, расположенный к юго-западу от Миоко.

Бриг медленно шел по проливу Сент-Джордж, встречный ветер мешал ему продвигаться быстрее. Мистеру Хаукинсу и Нату Джибсону очень хотелось высадиться в широкой и глубокой бухте, между островами Томбара и Бирара. Но, к сожалению, это не удалось, а между тем остров Бирара, окруженный амфитеатром вулканов, стоит того, чтобы там побывать: это самый гористый и самый лесистый остров, он знаменит еще своими кокосовыми пальмами. Кроме того, Бирара (Новая Британия) отличается удивительными этнологическими^[134] особенностями: где еще можно встретить обычай, когда зять не смеет обратиться к своей теще и даже прячется, боясь встречи с ней? Где еще можно встретить людей, у которых на ногах перепонки между пальцами и, как утверждает молва, даже есть хвостовой отросток?!

Название Йорк было дано острову в 1707 году вместо меланезийского названия Амаката. Благодаря тому, что остров посетили в 1791 году — Гюнтер, в 1792 году — Д'Антркасто, в 1823 году — Дюперей, его

географическое положение, между 150°02 и 150°07 восточной долготы и 4°05 и 4°10 южной широты, точно определено. Длина его равна восьми милям с северо-востока на юго-запад, а ширина — пяти милям, он довольно высоко расположен над уровнем моря. Но, несмотря на его населенность и удобные причалы, он не стал центром архипелага. Остров Йорк окружен многими островами: Макада, Бурнан, Улу, Утуан, Кабоко, Муарлин, Миоко, Керавара.

На рассвете тридцатого ноября вахтенный матрос объявил о том, что показался мыс Брун островка Макада. «Джеймс Кук», направляясь к югу, вошел в пролив между мысом Макукар и островом Улу и встал на якорь у Керавары. Этот островок серповидной формы протянулся на три мили с запада на восток и предоставляет кораблям прекрасные условия для стоянки.

Мистер Гамбург, выполнявший обязанности главы администрации архипелага, имел давние торговые связи с Зигером, поэтому на его плечи легла погрузка ста пятидесяти тонн копры на судно «Джеймс Кук». Мистер Гамбург занялся ею без промедления.

А у мистера Хаукинса, Ната Джибсона и братьев Кип опять появилась возможность побродить по незнакомым местам.

В лесу они увидели большое разнообразие деревьев. Местность здесь пересеченная, но холмы невысокие: семьсот-восемьсот футов. Среди жителей, которых на острове около тысячи, четвертую часть составляют европейцы, остальные меланезийцы. Туземцы, правда, живут в основном на острове Йорк и других соседних островах, а на Керавару приезжают лишь по делам. Поэтому проливы между островами так и кишат их пирогами, добротнo сработанными и удобными.

Мистер Гамбург рассказал гостям все, что знал об этой части архипелага. Выбор острова Керавары в качестве политического центра ему кажется правильным, ибо сообщение с Новой Британией и Новой Ирландией отсюда наиболее удобное.

В порту в это время стояли под разгрузкой два судна: одно под британским, другое — под немецким флагом. В ожидании отправки — одно в Австралию, другое — в Новую Зеландию — они должны были простоять в порту еще три недели. Господа Хаукинс и Джибсон знали капитана английского корабля, который бывал в Хобарте, и очень обрадовались встрече.

Погрузка ста пятидесяти тонн копры не заняла много времени, через два дня «Джеймс Кук» уже мог возвращаться в Порт-Праслин. Перед его отплытием управляющий пригласил всех на прощальный обед. Капитан,

приняв приглашение, решил, что и экипажу следовало бы дать отдых. Здесь, на крошечном островке, нечего было опасаться, что кто-нибудь не вернется на судно, и он разрешил всем сойти на берег.

К пяти часам мистер Хаукинс, Нат Джибсон и мистер Зигер пришли к дому Гамбурга. Его усадьба располагалась на небольшом холме в лесу, к ней вела широкая тропа, окаймленная густым кустарником. С ними не было братьев Кип, которые вместо обеда решили побродить в последний раз по острову. Капитана ждали с минуты на минуту.

В половине шестого хозяин с гостями вышли в сад встречать капитана. Отсюда хорошо были видны острова Улу и Какабон, за ними в лучах заходящего солнца розовели тучи. С моря подул свежий ветер, в воздухе пахло апельсиновыми деревьями.

Но время шло, а мистер Джибсон не появлялся.

«Что могло задержать отца?» — спрашивал себя Нат.

— Мистер Гамбург, разве он не должен был зайти к вам в бюро? — спросил судовладелец.

— Да, но лишь затем, чтобы взять бумаги.

— Может быть, его задержали там?

— Наберемся терпения, не так уж мы торопимся...

Прошло еще полчаса, и гости забеспокоились.

— А он не мог заблудиться по дороге? обратился мистер Зигер к управляющему.

— Это вряд ли возможно: дорога прямая, и он много раз бывал в доме, она ему знакома...

— Давайте пойдем ему навстречу, — предложил Нат Джибсон.

— Пошли, — согласился Хаукинс.

Гамбург позвал слугу с фонарем, и все вышли на тропу, прислушиваясь, не раздастся ли шум шагов.

Ни звука.

Стали звать...

Никакого ответа.

Наконец, пройдя около полумили, вышли на площадь Керавары.

Из ярко освещенной таверны раздавались пьяные голоса. Когда подошли к кораблю, оказалось, что матросы вернулись на борт. Питер и Карл Кип тоже уже были здесь и сидели на корме. За полчаса до них вернулись Флиг Балт и Вэн Мод.

— А где капитан? — с беспокойством спросил Нат Джибсон.

— Мистер Джибсон? — переспросил Вэн Мод. — А разве он не у господина Гамбурга?

- Нет, — ответил управляющий.
- Он сошел с корабля и направился туда, — заявил матрос Бернс.
- И я видел, как он пошел по тропинке, — добавил Хоббс.
- Как давно он ушел? — спросил Зигер.
- Да уж около часа, — ответил Вэн Мод.
- С ним случилось несчастье! — воскликнул Хаукинс.

И все бросились по улицам порта, тавернам, конторам... Там капитана не видели.

Оставалось рассеяться и искать в лесу. Может быть, он свернул куда-нибудь по пути, а теперь уже ждет их в доме Гамбурга? Через несколько часов все вернулись на борт ни с чем. Ночью по дороге, ведущей от площади к усадьбе управляющего, непрерывно ходили люди с факелами и фонарями. Гарри Джибсона не было нигде... Ната Джибсона охватило отчаяние, ему казалось, что он больше не увидит отца.

Увы, предчувствия его не обманули. На рассвете стало известно, что труп капитана Джибсона нашли в лесу в полумиле от порта.

Глава XIII

Убийство

Тело капитана Джибсона случайно обнаружил служащий фактории, проходя утром по опушке леса. Он тут же вернулся в контору, и слух об убийстве быстро распространился.

Как только Нат Джибсон пришел в себя от первого потрясения, он бросился на берег, туда, где лежало тело отца. Гамбург, Зигер, Хаукинс, братья Кип и несколько служащих фактории отправились вместе с ним. Через десять минут они подошли к опушке.

Капитан лежал в том же положении, в котором его оставили убийцы. Нат Джибсон встал на колени, он обнимал отца и звал его, он звал мать... Впервые он подумал о матери. Сумеет ли она пережить?

Тем временем мистер Гамбург внимательно осматривал место преступления. Судя по всему, оно было совершено двумя людьми. Потом, приподняв одежду убитого, он увидел следы от зазубренного оружия — рана очень мало кровоточила. Деньги — две тысячи пиастров, предназначенные для оплаты груза, — и бумаги исчезли. Напрашивался вывод, что преступники совершили убийство, чтобы ограбить. Но кто они? Какой-нибудь поселенец Керавары? Или, может быть, туземцы? Но если это они, то на своих пирогах дикари давно могли оставить Керавару и вернуться на Йорк. Тогда преступление останется безнаказанным, как и многие другие в этих местах.

Принесли носилки, на которые положили убитого. Затем все отправились в порт.

Печальную церемонию погребения назначили на следующий день, ибо жаркий климат тропиков не позволял долго прощаться с покойным. Миссионер, оказавшийся в это время в Кераваре, пришел, чтобы коленопреклоненно молиться около жертвы.

Тем временем мистер Гамбург не переставал исследовать следы преступления. К вечеру на вопрос Хаукинса и Зигера, кто, по его мнению, убил капитана, он ответил:

- Наверняка туземцы!
- Чтобы обокрасть бедного Джибсона? — спросил Хаукинс.
- Да... они скорее всего за ним следили, шли за ним по лесу...
- Но как же их найти? — спросил Зигер.

— Это почти невозможно, — заявил Гамбург. — Одно безусловно надо сделать: сфотографировать труп и рану... потому что если удастся найти оружие, тогда можно начать искать владельца...

Утром Хаукинс принес в помещение конторы, где стоял гроб с покойным, свой фотоаппарат. Рану на груди капитана вновь внимательно осмотрели: она была не больше, чем в полпальца шириной и с зазубренными краями, как будто сделанная пилой.

— Видите, — сказал мистер Гамбург, — удар нанесен оружием туземца. Это их кинжал, с зазубренными краями.

Сделали два четких снимка — снимок раны и снимок головы. Фотографии взял себе мистер Гамбург для продолжения расследования. Пленка же осталась у Хаукинса, чтобы он мог еще сделать снимки и привезти их в родной город несчастного друга.

После полудня начался обряд погребения. Все английское и немецкое население Керавары было в трауре. «Джеймс Кук» и другие корабли вывесили траурные флаги. Гроб, накрытый английским флагом, несли четверо из экипажа, за гробом вместе с Натом Джибсоном, Хаукинсом, вместе со всеми друзьями капитана и экипажем «Джеймса Кука» шли матросы и офицеры с других кораблей.

Миссионер англиканской церкви^[135] шел перед гробом, читая молитву.

Траурный кортеж остановился возле кладбища. Там мистер, Гамбург произнес речь в память капитана Джибсона, и гроб опустили в могилу. На могиле водрузили деревянный крест с надписью:

*КАПИТАНУ ГАРРИ ДЖИБСОНУ
из Хобарта, убитому 2 декабря 1885 года,
от сына, друзей, экипажа и населения Керавары.
ДА ПРИМЕТ ГОСПОДЬ ДУШУ ЕГО!*

Прошел день. Поиски мистера Гамбурга не дали никаких результатов. После преступления убийцы, очевидно, покинули Керавару и скрылись среди племен Нового Лауэнбурга. Их пироги день и ночь курсировали между островами. Только случай мог помочь найти владельца кинжала с лезвием пилы. Но представится ли он когда-нибудь?..

Бриг не мог больше задерживаться на Кераваре. Переговорив с Зигером, Хаукинс вызвал Флига Балта.

— Боцман, «Джеймс Кук» потерял своего капитана...

— И это большое несчастье, — ответил Флиг Балт, его голос дрожал.

— Я знаю, — продолжал Хаукинс, — какое доверие оказывал вам мой

покойный друг.

Боцман молча поклонился.

— Завтра корабль снимется с якоря, и вы поведете его в Порт-Праслин, где мы закончим погрузку и направимся в Хобарт.

— К вашим услугам, мистер Хаукинс, — ответил Флиг Балт.

Итак, мистер Хаукинс сказал, что боцман поведет корабль, но вовсе не назвал его капитаном. Боцман прекрасно заметил это. Через несколько минут он уже говорил с Вэнэмом Модом.

— Будете вы потом капитаном или помощником, — заявил его сообщник, это все равно, боцман Балт! Когда мы завладеем кораблем, то мы назначим вас капитаном, и, даю голову на отсечение, это назначение стоит большего, чем назначение Хаукинса!

С того дня Лэн Кэннон и его товарищи больше не думали о дезертирстве.

На следующий день, пятого декабря, мистер Хаукинс прощался с мистером Гамбургом. Тот, обнимая Ната Джибсона, дал слово сделать все возможное, чтобы найти убийц его отца. Каким печальным было это прощание!

По приказу боцмана корабль снялся с якоря. Через час он вышел в открытое море и направился к проливу Сент-Джордж.

На переход до Новой Ирландии требовалось не более суток. Флигу Балту не приходилось жаловаться на экипаж, который работал четко и слаженно.

Ночью, оставшись наедине с Лэном Кэнноном, Вэн Мод в очередной раз заверил его, что корабль, управляемый Балтом, не пойдет на Тасманию. Боцман сумеет изменить курс так, чтобы оказаться вблизи Соломоновых островов, а там несложно будет избавиться от пассажиров... Там найдется немало бродяг, которые им с радостью в этом помогут.

Утром шестого декабря показали высоты Лану. Еще до полудня корабль бросил якорь перед конторой Зигера. По траурному флагу в порту сразу поняли, что случилось несчастье. Каково же было общее потрясение, когда узнали, при каких обстоятельствах погиб Джибсон! Нату Джибсону и Хаукинсу пришлось согласиться провести последние дни перед отплытием в гостеприимном доме Вильгельмштаф, где они вновь заняли свои комнаты и сели за стол, за который уже никогда не вернется Гарри Джибсон.

Мистер Зигер никому не хотел доверить погрузку копры, ему помогали Карл и Питер Кип, ни на минуту не покидавшие корабль. Закончив с копррой, мистер Зигер распорядился опустить в трюм ящики с перламутром.

После полудня девятого декабря погрузочные работы подошли к

концу.

В этот вечер мистер Хаукинс и Нат Джибсон вернулись на корабль в сопровождении супругов Зигер, чтобы остаться на борту — на заре «Джеймс Кук» снимался с якоря. Их встретил Флиг Балт.

— Готовы к отплытию? — обратился к нему Хаукинс.

— Да, мистер Хаукинс.

— Ну что ж, Флиг Балт, завтра мы выходим в море. Вы привели бриг с Керавары в Порт-Праслин, теперь поведете его из Порт-Праслина в Хобарт. Отныне вы командуете кораблем.

— Благодарю вас, мистер Хаукинс, — ответил Флиг Балт, и можно было услышать одобрителный гул экипажа.

Судовладелец пожал руку новому капитану, не заметив, как она дрожала в его руке. Супруги Зигер попрощались со всеми и, пообещав, как только смогут, приехать на Тасманию, вернулись домой.

На следующий день, выйдя из Порт-Праслина, корабль взял курс на юго-восток.

Глава XIV

Происшествия

Две тысячи четыреста миль, которые отделяли архипелаг Бисмарка от Тасмании, «Джеймс Кук» при попутном ветре мог пройти не больше чем за три недели. Погода для плавания была благоприятна, корабль полным ходом шел по намеченному курсу. Какое это могло быть славное путешествие, не случись страшного несчастья на Кераваре!

Нат Джибсон почти не выходил из своей каюты, не в силах отогнать от себя страшные воспоминания и мучительные мысли о возвращении домой, о матери, с таким нетерпением ожидавшей прибытия их корабля, корабля, который войдет в порт без капитана. Мистер Хаукинс всегда был рядом с несчастным юношей. Братья Кип старались не мешать им переживать свое горе и держались особняком. Но, разумеется, Карл, как опытный моряк, не мог не следить за ходом плавания. Еще при капитане Джибсоне, когда тот в редкие часы отдыха передавал вахту боцману, Карл не раз замечал, что Флиг Балт недостаточно умело маневрирует кораблем. Но со своим уставом в чужой монастырь не лезь — и он молчал. Да это было и несущественно, пока командиром корабля был Джибсон. Совсем другое дело теперь, когда боцман стал капитаном. Как-то Карл Кип поделился своими опасениями с братом.

— Помнишь, Питер, «черное зерно» в Коралловом море? Я тогда еще понял, что он неважный моряк.

— Но в таком случае, Карл, твой долг следить за ним, и, если его маневрирование покажется тебе опасным, вмешайся без колебаний!

— Да он уже не раз просил меня не лезть со своими советами.

— Тогда обратись прямо к Хаукинсу. Он человек разумный и услышит тебя.

— Посмотрим, Питер, видишь ли, без бортовой карты мне трудно следить за курсом...

Пройдя пролив Сент-Джордж, бриг потерял из виду Новую Ирландию и Новую Британию. Балт сразу взял курс строго на юг, чтобы не подходить близко к Новой Гвинее. И хотя получался крюк в полсотни миль, все равно это лучше, рассуждал боцман, чем вновь подвергаться нападению папуасов. И все нашли такое решение разумным.

Днем пятнадцатого декабря «Джеймс Кук» прошел Луизиаду без

происшествий и вышел в Коралловое море у двенадцатого градуса южной широты. Теперь следовало держать курс все время на юг, до восточного побережья Австралии на широте Брисбена. Ветер дул попутный, и судно шло с максимальной скоростью. Но чтобы оказаться в прямой видимости острова Макира,^[136] расположенного на юге Соломоновых островов, как замыслили Балт и Мод, нужно было повернуть на восток. Опасаясь, что такая резкая смена курса будет замечена, новый капитан взял на юго-юго-восток.

Карла Кипа это очень удивило, и он сказал капитану:

— Вы ошиблись, мистер Балт.

— Да, немного.

— Море гораздо спокойнее у австралийского берега.

— Возможно, — ответил Балт, которого раздражало поведение голландца.

— Тогда почему вы изменили курс?

— Потому что шквальный ветер с северо-востока очень возможен, и я не рискую идти вблизи берега.

— О! Но вы всегда успеете...

— Я так не считаю, — сухо сказал Флиг Балт.

Когда бывший боцман передал этот разговор Вэну Моду, тот рассвирепел.

Куда лезет эта голландская крыса, когда мы наконец избавимся от них?..

В сущности, это изменение курса, замеченное Карлом Кипом, было вполне приемлемым. В случае, если в самом деле разразится буря, кораблю безопаснее находиться подальше от берега, чтобы иметь возможность «увертки», как говорят моряки. Поэтому Карл Кип не счел нужным докладывать мистеру Хаукинсу, но, не обращая внимания на раздражение Балта, продолжал следить за курсом корабля.

К вечеру семнадцатого декабря погода резко переменилась. Стало гораздо жарче, а ветер совсем стих, и паруса повисли на мачтах. К трем часам пополудни термометр показывал сто три градуса в тени по Фаренгейту,^[137] а к пяти часам барометр упал до семисот тридцати миллиметров, что свидетельствовало о резких атмосферных изменениях. Вдруг на море началось волнение. Где-то, очевидно, прошла сильная гроза. К девяти часам молнии на горизонте засверкали так, что казалось, море объято огнем. Кругом оглушительно грохотало, и вспышки слепили глаза. К одиннадцати часам гроза достигла невероятной силы, молнии ударялись

в верхушки мачт, но благодаря громоотводу не причинили никакого вреда. Было совершенно очевидно, что за грозой последует шквальный ветер, и следовало быть к нему готовым. И все-таки то обстоятельство, что корабль находился на большом удалении от берегов, более или менее ослабляло опасность.

Мистер Хаукинс, Карл Кип и Флиг Балт, стоя в рубке, говорили о предстоящей буре.

— На сей раз, сказал капитан Балт, — это будет не «черное зерно», которое никогда не длится более нескольких часов! Шквал идет с запада, нужно уходить на восток.

— А почему не лечь в дрейф и не попробовать выстоять? — спросил Карл.

— Выстоять? — хмыкнул Балт. — Бриг погружен по самую ватерлинию,^[138] ему не подняться на волну, он будет сметен!..

— Я согласен с мистером Кипом, — заявил Хаукинс, — если мы поменяем курс, нас увлечет далеко на восток.

— И даже на северо-восток, — добавил Карл, — к Соломоновым островам.

Боцман понимал, что голландец рассуждает, как настоящий моряк, но как упустить возможность подойти к Соломоновым островам? И он ответил:

— Надеюсь, мистер Хаукинс понимает, что я, как капитан, полностью отвечаю за корабль и не нуждаюсь в распоряжениях мистера Кипа.

— Я вовсе не даю вам распоряжений, а лишь советы, — удивился Кип.

— Я не нуждаюсь в указаниях, — раздраженно продолжал Флиг Балт.

— Господа, — вмешался Хаукинс, — не будем спорить... Я благодарю мистера Кипа за высказанное мнение, но если капитан Балт считает иначе, пусть действует по своему усмотрению. Я доверил ему командование кораблем, и он полностью отвечает за свои решения.

Карл Кип поклонился и вышел. Минутой позже он сказал брату:

— Этот Флиг ни на что не способен, боюсь, как бы он не погубил корабль! Но ведь он капитан!

Тем временем ветер с каждой минутой усиливался и рвал паруса. По приказу Флига Балта корабль, сотрясаемый волнами, изменил курс. Скрипели мачты, бакштаги^[139] готовы были лопнуть, дважды корабль чуть не перевернуло. Наконец маневр закончился, и «Джеймс Кук» под штормовым стакселем^[140] взял курс на северо-восток. Началась сильная бортовая качка. Управлять кораблем становилось все труднее. Когда Флиг

Балт приказал поставить фок, ветер мгновенно разорвал его в клочья. Может быть, следовало и вовсе убрать паруса, но тогда корабль стал бы игрушкой волн и был бы лишен всякого управления. Уже ни у кого не осталось сомнений, что бриг не может бороться с волнами. Скорость волн вдвое превышала его собственную, и он был неуправляем.

Мистер Хаукинс уже не скрывал своего беспокойства. Он понимал, что речь теперь идет о жизни экипажа и пассажиров. И если Флиг Балт нес всю полноту ответственности как капитан, то он, судовладелец, полностью отвечал за его назначение. А если бывший боцман не справится со своими обязанностями? Что, если моряк Карл Кип был прав, выступив против решения Балта?

Своими сомнениями судовладелец поделился с Натом Джибсоном. В ответ юноша признался, что его тоже беспокоит, сумеет ли Балт вывести корабль целым и невредимым.

Теперь Хаукинс то и дело с тревогой спрашивал бывшего боцмана, какой он видит выход, но в ответ слышал лишь маловразумительные, бессвязные фразы, выдававшие его полное замешательство.

При свете молнии Хаукинс обернулся в сторону Карла Кипа и увидел, что тот с трудом сдерживается, чтобы не вмешаться. Но теперь и Флиг Балт понимал, что следует немедленно повернуть на запад, иначе корабль будет опрокинут.

Боцман решил попробовать, вполне сознавая, какой опасный маневр предстоит ему выполнить. Он взялся за штурвал, бриг положило на борт, и верхушка реи^[141] скрылась под волной.

Тогда к Хаукинсу бросился Карл Кип с одним лишь словом:

— Разрешите...

— Действуйте, — ответил судовладелец.

Под командованием Карла Кипа экипаж начал действовать слаженно и четко. «Джеймс Кук» выпрямился. Волны по-прежнему били по кораблю, но теперь он принимал их носом, а не кормой и бортом. Удалось поставить фок, который с успехом выдерживал шквальный ветер. Под штормовым стакселем и фор-марселем^[142] бриг выдерживал направление.

На следующий день, вопреки ожиданиям, буря стала стихать. Подул северо-западный ветер. Бриг повернул на юг и быстро наवरстал упущенное. Скоро ветер стих, но море долго еще оставалось бурным, и корабль сильно качало.

К десяти часам появилось солнце, Карл Кип проверил положение корабля: 150° 17 восточной долготы и 13° 27 южной широты. Появившийся

на палубе Хаукинс подошел к Карлу Кипу:

— Благодарю вас, месье Кип!

— Я сделал только то, что сделал бы на моем месте любой моряк, — ответил Карл Кип. Это не стоит благодарности, и я возвращаю командование капитану...

— Нет, — заявил Хаукинс твердо, так, чтобы быть услышанным всеми. — Я прошу вас взять в свои руки командование кораблем.

Карл Кип сделал протестующий жест, но Хаукинс продолжал:

Кораблем управлять тому, кто его спас! И вам, капитан Кип, надлежит привести его в Хобарт!

Обезумев от гнева, Флиг Балт кинулся к Хаукинсу:

— Вы назначили меня капитаном «Джеймса Кука», и я имею право остаться им до прибытия в порт!

— Балт, ответил Хаукинс, — назначение капитана зависит только от меня, ибо я являюсь владельцем судна. Считаю, что вы не оправдали моего доверия и отныне кораблем будет командовать капитан Кип.

— Я буду добиваться своих прав перед лицом морских властей в Хобарте, — пригрозил Флиг Балт.

— Как вам будет угодно, — ответил судовладелец.

Так закончилось командование бывшего боцмана, а одновременно умерла его надежда завладеть кораблем. После назначения Карла Кипа матросы сразу поняли, что имеют дело с капитаном энергичным и решительным, не допускающим ни малейшего неподчинения.

Двадцать седьмого декабря показались берега Австралии. Еще через двое суток корабль уже находился на траверзе Сиднея, чуть севернее тридцать четвертой параллели, после полудня тридцатого — на подходе к Бассову проливу, отделяющему Тасманию от Австралийского континента. Оставалось три-четыре дня до прихода в порт Хобарт. Раздражение Вэна Мода и его компании все больше усиливалось. Они уже были готовы на открытый бунт, поставив все на карту...

Карл Кип чувствовал назревающее недовольство части экипажа, но был уверен, что справится с ним так же, как с бурей у Соломоновых островов. Он твердо знал, что может рассчитывать на трех верных матросов — Хоббса, Виклея и Бернса, не говоря уже о пассажирах. И только одного человека он не мог понять до конца — Вэна Мода, которому до сих пор удавалось оставаться в тени.

Вечером тридцатого декабря Флиг Балт с сообщниками бросился к рубке, чтобы завладеть оружием. Затем они рассчитывали убить Карла и Питера, Хаукинса, Ната Джибсона, захватить и запереть в трюме трех

матросов и завладеть кораблем.

Первым преградил путь бунтовщикам капитан Кип. Выбив из рук Лэна Кэннона револьвер, он чуть не вышвырнул его за борт. В то же мгновение Нат Джибсон, Хаукинс и трое матросов обезвредили остальных, а Питер Кип сшиб с ног Балта и вырвал у него кинжал. Схватка продолжалась не больше десяти минут; где находился Вэн Мод все это время, никто не мог сказать.

Флига Балта посадили в трюм вместе с другими бунтовщиками, на всех надели наручники. Второго января в три часа пополудни бриг на всех парусах вошел в бухту Хобарта и бросил якорь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

Хобарт

Тасмания, открытая в 1642 году голландцем Абелем Тасманом, обогренная кровью француза Манона в 1772-м, приняла в 1784 году Кука, а в 1793-м — Д'Антркасто. Затем хирургом австралийской колонии Бассом она была названа островом и называлась Землей Ван Димена в честь губернатора Батавии. До 1804 года она входила в колониальные владения Нидерландов, а потом перешла во владения Англии, была заселена эмигрантами, основавшими Хобарт, который и стал столицей Тасмании. Тасмания относилась раньше к Новому Южному Уэльсу, одной из провинций Австралии, отделенной от нее ста пятьюдесятью милями Бассова пролива. Теперь же она окончательно от нее отошла. Сохраняя, как и все британские владения, зависимость от английской короны, Тасмания полностью автономна.

Остров с территорией примерно семьдесят пять на сто пятьдесят миль славится хорошими почвами, позволяющими снимать обильный урожай почти всех плодов зоны умеренного климата. Земли острова, расположенного на широте Испании, исключительно плодородны, богатства лесов неисчерпаемы. Здесь возделывают злаки, кофе, чай, сахар, табак и хлопок, а обилие продуктов таково, что Тасмания может снабдить консервами весь мир. Развито здесь и скотоводство.

Тасмания разделена на девять округов. Два основных города — Хобарт и Лонсестон, расположенные один — на северной оконечности, другой — на южной, соединены прекрасной дорогой, построенной австралийскими переселенцами. Первыми жителями острова были заключенные, ибо там находилось немало исправительных заведений. Сегодня благодаря умной колониальной политике англичан это — страна свободных людей, где цивилизованное общество сменило общество дикарей. По правде говоря, аборигены почти полностью исчезли. В 1884 году последнюю старушку-жительницу острова показывали, как этнологическую достопримечательность. От диких туземцев, находившихся на самой низкой ступени развития, не осталось и следа. Та же судьба ждет, очевидно, и их австралийских собратьев.

Хобарт расположен в девяти милях от устья реки Тордон в глубине небольшой бухты. Спланирован он по образцу американских городов, и все

улицы пересекаются под прямым углом. Окрестности города очень живописны: прекрасные долины, густые леса, высокие горы, побережье бухты сильно изрезано, она прекрасно защищена от ветра, достаточно глубока и удобна для стоянки кораблей. Город насчитывает не более двадцати пяти — двадцати шести тысяч жителей. Здесь, в обществе судовладельцев, купцов и моряков, связанных с торговлей, все знают друг друга. И хотя вкус к наукам, искусствам и литературе прекрасно развит в этом оживленном городе, на первом месте здесь все же торговля.

Хаукинс занимал очень видное положение в коммерческой жизни города. Его торговый дом пользовался уважением и симпатией жителей. Поэтому неудивительно, что случившееся на его бриге несчастье потрясло все население города. Судно еще не пристало к берегу, а люди уже знали, что на борту беда.

Один из служащих пошел предупредить миссис Хаукинс.

Когда супруга коммерсанта и миссис Джибсон пришли в порт, они увидели знакомый корабль, который подходил к причалу с приспущенным британским флагом. Но вот бриг причалил, и миссис Джибсон увидела на капитанском мостике другого человека... Страшный крик вырвался из ее груди.

— Гарри! Где Гарри?

Минуту спустя Нат уже сжимал ее в своих объятиях...

Она поняла, какое страшное горе на них обрушилось.

Когда несчастная вдова в сопровождении сына и четы Хаукинс вернулась домой, она еще не пришла в себя. Прошло не менее часа, прежде чем миссис Джибсон смогла ответить рыданиями на слезы сына. Страшная весть быстро облетела город. Семью Джибсон любили в городе, да и что может быть печальнее, чем возвращение в родной порт корабля без капитана?..

Тем временем Карл Кип продолжал исполнять обязанности капитана. Мистер Хаукинс просил его не оставлять судна на время разгрузки.

Карл согласился на предложение судовладельца, и первой его заботой было связаться с портовой полицией, ибо Флига Балта и его сообщников следовало сдать властям острова. Вскоре пришел офицер и, узнав о бунте, спросил:

— Боцман в наручниках?

— Да, вместе с двумя другими, взятыми на борт в Данидине.

— А остальные?

— Кроме трех-четырех, которых я высажу, на остальных я могу положиться.

— Хорошо, я пришлю команду, и их препроводят в портовую тюрьму.

Через четверть часа команда прибыла, и Флига Балта и Лэна Кэннона вывели из трюма на палубу. Боцман, сжав зубы, бросил на Карла Кипа взгляд, полный ненависти, Лэн Кэннон зло выругался. Констебль ^[143] приказал всем идти к трапу. Через минуту боцман и его сообщники сошли на берег и под конвоем направились в тюрьму. Сразу после того, как арестованных увели, Карл Кип вызвал Вэна Мода, Сэкстона, Брайса, кока Коа и приказал немедленно покинуть борт корабля, а за причитающимся им жалованьем обратиться в контору торгового дома Хаукинса.

Вэна Мода это вполне устраивало. Он тут же спустился в кубрик и вернулся со своим вещевым мешком. Что же до Сэкстона и Брайса, то все их имущество было на них. Все трое сошли на берег и вскоре растворились в портовой сутолоке.

Как описать ночь, которую Нат Джибсон провел с матерью? Нужно было рассказать ей всю страшную правду. Рассказать, при каких обстоятельствах погиб отец и где он нашел свой последний приют. Нужно было показать ей фотографию, которую сделал мистер Хаукинс... Она настаивала на этом, и как было отказать ей? Увидев изображение капитана с грудью, пронзенной ударом кинжала, с широко открытыми глазами, которые, казалось, смотрели прямо на нее, она схватилась за сердце. Тяжелый сердечный приступ продолжался всю ночь.

Прошло несколько дней. Под руководством Карла Кипа портовые рабочие закончили разгрузку судна. Товар был доставлен в магазины торгового дома, и матросы занялись профилактикой судна.

«Джеймсу Куку» теперь не скоро предстояло выйти в море. После того, как экипаж полностью получит жалованье, корабль будет поставлен под охрану. Седьмого января, когда все работы на корабле были завершены, Хаукинс пригласил Карла и Питера к себе для разговора.

— Мистер Кип, — обратился он к Карлу, — ваше поведение в столь трудный для нас час достойно высшей похвалы. Именно вам мы обязаны спасеньем брига и собственным спасеньем тоже.

— Счастлив, мистер Хаукинс, что мог быть полезен.

— Я очень благодарен вам. Могу ли я предложить вам командовать кораблем в следующем плавании?

— Весьма польщен вашим предложением, мистер Хаукинс, и принял бы его без малейшего колебания, если бы серьезные и спешные дела не требовали немедленного возвращения на родину.

— Действительно, мистер Хаукинс, мы должны будем отправиться на ближайшем корабле, идущем в Европу, — заметил Питер.

— Понимаю вас, господа, и разлука с вами меня очень печалит, увидимся ли мы еще когда-нибудь?..

— Кто знает, мистер Хаукинс, — сказал Карл Кип, — может быть, когда дела нашего торгового дома будут улажены, почему бы нам не наладить контактов?

— Я очень бы этого хотел...

— Я рассчитываю возобновить плавание, — продолжал Карл Кип, — как только мы закончим все дела в Гронингене, я, возможно, вернусь в Хобарт...

Где будете приняты как друг, — сердечно закончил Хаукинс. Разумеется, господа, моя касса к вашим услугам. Все, что вам будет необходимо в Хобарте... Сочтемся позже, не правда ли?

— Мы благодарим вас за участие, ответил Карл Кип, — но, может быть, нам не придется им злоупотреблять. Возможно, мне удастся поступить помощником капитана на корабль, идущий в Европу, и тогда моего жалованья хватит и на проезд брату.

— Ради Бога, мистер Кип, если такая возможность не представится, помните, что я — к вашим услугам.

В ответ братья лишь крепко пожали руку Хаукинсу.

— Во всяком случае, — продолжал судовладелец, — жалованье капитана за последний переход «Джеймса Кука» вам полагается, здесь я не приму возражений.

— Как вам будет угодно, мистер Хаукинс, но нам не забыть того приема, который был нам оказан на борту брига, — ответил Карл Кип. — Мы — ваши должники.

Мистер Хаукинс пообещал помочь братьям в поисках нужного судна и походатайствовать о месте помощника капитана для Карла Кипа. Затем они расстались.

Карл и Питер Кип занялись поисками недорогого отеля, где они собирались прожить до отъезда. Это давало им возможность посмотреть город, где старший из братьев никогда не был. Нет никакого сомнения, что столица Тасмании заслуживает внимания туристов. Это один из самых очаровательных уголков британских владений в Австралии и Азии. Улицы города широкие, чистые, зеленые, с уютно расположенными маленькими домиками. В городе много скверов, прекрасный парк раскинулся на четырехстах гектарах у подножия горы Веллингтон, снежные вершины которой скрыты в облаках.

Во время своих прогулок Карл и Питер часто встречали матросов с «Джеймса Кука», особенно Вэна Мода и Брайса. Искали ли они

возможность наняться на судно или рассчитывали пробыть некоторое время в городе? Казалось, эти два матроса неразлучны. Оба брата были так озабочены поисками подходящего жилья, что ни один из них не задался вопросом, почему именно эта пара постоянно попадаетеся им на пути?

Прошли сутки, и наконец матрос Бернс с сундуком, найденным на затонувшей «Вильгельмине», спустился вместе с Карлом и Питером Кипом по трапу и свернул на небольшую улочку вблизи порта. Здесь, в небольшом трактире, скромном, но чистом, братья сняли одну комнату на первом этаже.

Вэн Мод вернулся на набережную, где его ждал Брайс.

— Флит-стрит, — сказал он, — трактир «Великий старик».

Глава II

Планы на будущее

Несчастье, жестоко обрушившееся на семью Джибсон, изменило планы мистера Хаукинса.

Мы не забыли, что Хаукинс находился в Новой Зеландии с целью основать новый торговый дом с Балфуром, купцом из Веллингтона. Нат Джибсон, который вместе с ним отправился в это путешествие, должен был позже стать компаньоном Балфура и обосноваться в Новой Зеландии.

Но после смерти мистера Джибсона и речи не могло быть об осуществлении этого проекта. Миссис Джибсон не могла теперь разлучиться с сыном. Да и Нат Джибсон ни за что не покинул бы мать. Судовладелец понимал это не хуже других и не настаивал на его отъезде. Он как мог успокаивал юношу, терзавшегося болью утраты и сжигаемого жаждой мести.

Надо ждать почту из Порт-Праслина, — говорил ему Хаукинс, — может быть, расследование Гамбурга и Зигера что-нибудь даст? Может быть, они нашли новые следы?

Тем временем морской трибунал готовился к суду над бунтарями с «Джеймса Кука».

Вэн Мод тоже готовился к процессу по делу об убийстве Гарри Джибсона. Он боялся, как бы Флиг Балт, надеясь на облегчение наказания, не заговорил и не выдал его. Поэтому ему во что бы то ни стало надо было устроить так, чтобы суд оправдал Балта. И у него созрел план. Но для осуществления его нужно было, чтобы голландцы не успели покинуть Хобарт до суда. Поэтому он ни на минуту не терял их из виду.

Как только Мод узнал, что братья остановились в трактире «Великий старик» на Флит-стрит, он, нацепив накладную бороду, снял комнату рядом с ними на две недели под вымышленным именем Нэд Пат.

Комната Вэна Мода и комната братьев Кип выходили окнами на один балкон. Не подозревая, что за ними следят, Карл и Питер, обсуждая свои дела, не думали шептаться. А окно на балкон всегда было открыто, даже при закрытых ставнях.

Вечером тринадцатого января Вэн Мод мог не только слышать, но и видеть, что происходило в комнате. Она была обставлена очень скромно: две кровати, грубый шкаф, стол, туалетный столик и три деревянных стула.

Горела одна керосиновая лампа. На скамейке стоял сундук, принесенный сюда матросом Бернсом. В нем лежало все имущество братьев: белье и вещи, купленные в Хобарте на полученные деньги. Одежда висела на вешалке справа от двери, которая открывалась в общий коридор.

Питер Кип сидел за столом и перебирал бумаги, относящиеся к делам в Амбоине, когда брат, входя, крикнул:

— Мне все удалось, Питер, все удалось! Наше возвращение обеспечено!

Питер Кип понял, что переговоры, начатые несколько дней назад с капитаном одного голландского судна, которое вскоре отправлялось в Европу, закончилось удачно.

— Стало быть, торговый дом Арнемниден берет тебя помощником капитана на «Скайднам»?

— Да, Питер, благодаря рекомендации Хаукинса!

— Ты уже был представлен капитану «Скайднама»?

— Сегодня вечером. Он голландец из Амстердама, мне показалось, что мы поладим. Капитану известно о событиях на борту «Джеймса Кука» и о том, как я справился с обязанностями капитана, когда Флиг Балт был отстранен от командования.

— Кстати, что ты думаешь — будет ли он наказан?

— Не беспокойся, Питер, суд с ним церемониться не станет, будь уверен...

— Мне кажется, Карл, ты допустил промах, арестовав только Балта и Кэннона. Двое других, нанятых в Данидине, немногим лучше, и ты ведь знаешь, что капитан Джибсон совершенно не доверял им.

— Это правда.

— И, кроме того, мне подозрительно поведение Вэна Мода. Его не было среди бунтовщиков, это верно, но его частые уединенные беседы с боцманом наводят на мысль, что, если бы этот бунт не удалось подавить, он стал бы помощником капитана Балта.

— Возможно, ответил Карл, и каким бы ясным ни казалось это дело, суд может преподнести нам некоторые неожиданности. Ведь матросы «Джеймса Кука» должны выступить как свидетели, кто знает, что будет в их показаниях?

С этими словами Карл Кип подошел к окну, и Мод быстро спрятался. Через несколько минут он вернулся на свой наблюдательный пункт. Братья сидели за столом друг против друга; Питер собирал бумаги, а Карл говорил:

— Вот что я думаю. Капитан Форк — человек пожилой, и говорят, что

по прибытии в Голландию, он уйдет на покой. Так вот, если во время плавания я покажусь ему достойным, то, возможно, дом Арнемниден предложит мне заменить Форка, когда «Скайднам» отправится в следующее плавание. В этом случае мне нечего больше искать...

— А что удача для тебя, то успех в наших общих делах.

— Во всяком случае, я пока не потерял надежду, и почему бы делам не устроиться лучше, чем мы предполагаем?.. У нас много друзей в Гронингене...

— А кроме того, — добавил Питер, — мы и здесь обзавелись некоторыми полезными связями... Поддержка мистера Хаукинса будет нелишней. Кто знает, не удастся ли нам через него установить торговые дела с Хобартом... и с Веллингтоном через мистера Гамбурга, а с архипелагом Бисмарка через Зигера?

— Ты, брат, уже летишь на всех парусах в будущее.

— Да, Карл, и надеюсь избежать сильного падения в настоящем. Я не строю иллюзий, но если хоть немного повезло, не грех воспользоваться этим. Однако уже то хорошо, что ты идешь помощником на «Скайднаме». Когда-вернемся в Голландию, я начну работать. Кредиты вернутся, и мы сделаем торговый дом Кип в Гронингене преуспевающим, как никогда.

Немного помолчав, Питер спросил:

— А как скоро «Скайднам» поднимет якорь?

— Числа двадцать пятого.

— Через двенадцать дней?

— Да, Питер, по-видимому, его загрузка раньше не закончится.

— А сколько времени потребуется на переход?

— При хорошей погоде «Скайднам» должен за шесть недель пройти от Хобарта до Гамбурга.

В самом деле пароходу, который идет на запад через Индийский океан, потом через Красное море, а оттуда по Суэцкому каналу попадает в Средиземное море, а дальше по Гибралтарскому проливу в Атлантику, вполне достаточно этого времени. Ему не надо обходить Африканский материк с юга, мимо мыса Доброй Надежды, или пересекать Тихий океан, чтобы, обогнув мыс Горн, войти в Атлантический океан.

— Завтра с утра, — продолжал Карл, — у меня свидание с капитаном Форком, который представит меня экипажу.

— Ты сразу расположишься в своей каюте на судне?

Этот вопрос особенно интересовал Вэна Мода, так как имел прямое отношение к его замыслу. Сможет ли он осуществить свой план, если братья переселятся из трактира?

— Нет, — ответил Карл, — там еще дней на десять ремонта. Я перейду на корабль не раньше двадцать третьего, а ты уже можешь пойти посмотреть свою каюту.

— С удовольствием, ибо, знаешь, мне почему-то хочется поскорее уехать из этого трактира...

Пробило десять, братья поднялись и пошли спать.

Вэн Мод проскользнул было в свою комнату, как вдруг последний вопрос Питера Кипа заставил его вернуться к окну.

— Так ты говоришь, «Скайднам» отправится в плавание числа двадцать пятого?

— Да, примерно так, с точностью до двух-трех дней.

— А суд, кажется, за несколько дней до того?

— Он должен состояться двадцать первого, и мы успеем выступить там в качестве свидетелей.

— Прекрасно, все складывается наилучшим образом, ибо твое присутствие на процессе необходимо...

— Безусловно, надеюсь, мои показания позволят суду приговорить боцмана годам к десяти каторги в Порт-Артуре! Не побоялся, негодяй, подтолкнуть экипаж к мятежу!

— О! Когда речь идет о гарантии безопасности торговых перевозок, английские законы ничего не прощают.

«До того, как отправиться в Порт-Артур, он увидит вас еще, господа, на виселице», — мысленно проговорил Мод.

— А мистер Хаукинс знает, что ты назначен помощником капитана на «Скайднаме»?

Я хотел сообщить ему эту добрую весть, но было уже поздно, и он ушел из конторы.

— Пойдем туда завтра, Карл.

Затем комната погрузилась во тьму, и Вэну Моду ничего не оставалось, кроме как удалиться. Вернувшись к себе, он тщательно запер шкаф, где лежали бумаги и кинжал, найденный на затонувшей «Вильгельмине». Он вышел и направился к трактиру «Свежая рыба».

По дороге он говорил себе:

«Значит, они перейдут на борт «Скайднама» не раньше двадцать второго! Прекрасно! А двадцать первого Балт предстанет перед судом морского трибунала. Отлично! Надо предупредить Флига Балта. Но как?»

Глава III

Последний маневр

Мистер Хаукинс был весьма доволен, что его переговоры с домом Арнемниден увенчались успехом. Он радостно поздравил Карла Кипа с назначением. В тот же день Карл Кип вместе с братом направился на «Скайднам». Этот пароход, водоизмещением в тысячу двести тонн, с машиной в шестьсот лошадиных сил, совершал регулярные плавания между Гамбургом и различными портами австралийского побережья. Он привозил уголь и увозил хлеб. Его разгрузили несколько дней тому назад, и теперь экипаж занимался починкой и чисткой судна перед предстоящим плаванием.

Уверен, сказал капитан Форк Карлу, ремонт будет закончен к концу недели, останется только принять груз. Это касается и вас, господин Кип.

Не потеряю ни дня, ни часа, капитан, и сожалею, что не могу уже сегодня занять свою каюту. Тем не менее я буду на борту с утра до вечера. И если мы не уйдем двадцать пятого, то, поверьте, не по моей вине.

— Договорились, мистер Кип, поручаю вам корабль, и если я понадобится, вы всегда найдете меня в конторе Арнемниден.

С того дня Карл Кип проводил все дни на борту корабля. Питер Кип в это время искал возможность завязать деловые контакты в Хобарте. С помощью Хаукинса он встречался с торговыми людьми. Нужно было посеять добрые семена, чтобы получить в будущем хороший урожай.

Вскоре торговый дом Арнемниден высоко оценил усердие и компетентность помощника капитана. Капитан Форк не скупился на похвалы. Мистер Хаукинс постоянно получал благодарности за свою рекомендацию.

Тем временем дело мятежников с «Джеймса Кука» подвигалось к концу. Флиг Балт и Лэн Кэннон по-прежнему находились в тюрьме в ожидании процесса. Кроме них там содержались матросы, арестованные по обвинению в неподчинении или в мелких кражах. Да еще по ночам туда сажали пьяниц, уличных драчунов, скандалистов из таверн, вроде тех, что Балт и Мод завербовали в Данидине.

Кстати, Сэкстон, Кейл и Брайс пока еще оставались в городе.

Вэн Мод задерживал всю компанию в Хобарте, надеясь, что они сыграют свою роль на процессе.

Судовладелец проникся глубоким уважением и к младшему брату — Питеру Кипу. Он был почти уверен, что Питер сможет возродить былую славу торгового дома Кип из Гронингена благодаря своим деловым качествам и связям, которые тот установил с Тасманией и Новой Зеландией. Мадам Хаукинс разделяла симпатию мужа к этим честным и добрым людям. Она с удовольствием беседовала с ними об их планах на будущее. Через несколько дней «Скайднам» отправлялся в плавание, но Хаукинсы надеялись, что оба брата вернутся в Хобарт, и уже ожидали их возвращения.

Наступило двадцатое января. Через двадцать четыре часа должно было начаться слушание дела о бунте на «Джеймсе Куке». В этот день, после полудня, Вэн Мод бродил около портовой тюрьмы, прячась от взглядов прохожих. А вечером он не вернулся в трактир «Свежая рыба», где, как обычно, его поджидали приятели.

Было семь часов вечера. Лил мелкий дождь. Квартал тонул во тьме, тусклый свет одного газового фонаря освещал только вывеску перед трактиром «Великий старик». Никем не замеченный, Вэн Мод прошел в свою комнату, спрыгнул на балкон, заглянул в окно братьев. Ставни не были закрыты. Он осторожно прислушался. Тихо. Комната, очевидно, была пуста. В тот вечер братья Карл и Питер Кип ужинали у Хаукинса.

Мод вернулся в свою комнату, достал из шкафа бумаги и некоторое количество пиастров, затем кинжал, которым был убит капитан Джибсон. Еще через несколько минут он проник в комнату братьев, даже не задев оконных рам, которые оставались полуоткрытыми.

Он не раз осматривал эту комнату, пока подслушивал разговоры братьев, прекрасно знал ее расположение, и свет ему был не нужен. Он быстро нашел сундук с вещами. Ловко расстегнув ремни и приподняв белье, просунул туда бумаги, пиастры и кинжал. Потом закрыл сундук.

Минуту спустя он уже шагал к трактиру «Свежая рыба», где его ждали Сэкстон, Кейл и Брайс. В половине восьмого он вошел в зал.

Сэкстон и Брайс уже успели опустошить изрядное количество стаканов и опьянели, но опьянение их не было шумным и буйным, а хмурым и тяжелым. А они были ему нужны! Спасибо, Кейл не подвел. Стакан его стоял еще нетронутым. По знаку Моды они молча уселись друг против друга.

Люди все время входили и выходили, и было достаточно шумно, чтобы разговаривать без риска быть услышанными. Да к тому же Кейл сидел в самом темном углу зала.

— Давно здесь? — начал Вэн Мод.

— С час, как договорились.
— Что ж, не могли не напиться?..
— Подумай сам! Ведь целый час...
— А ты?
— Только налил стакан, а тут и ты...
— Ну раз ты не пил, выпей теперь!
— За твое здоровье! — ответил Кейл, схватил стакан и поднес его ко рту.

Вэн Мод перехватил его руку и заставил поставить стакан на стол.
— Что за шутки, Мод?
— Мне нужна твоя ясная голова. Ты должен только делать вид, что пьешь и что пьян.
— Что ты задумал?
— Притворясь пьяным, пойдешь приставать ко всем, будешь грозить перебить всю посуду, пока трактирщик не вызовет полицейских и не отправит тебя в тюрьму!..
— В тюрьму?..

Кейл в самом деле не мог понять, куда клонит Мод... Сделать вид, что ты пьян, — это еще куда ни шло, но попасть в тюрьму за пьяную драку — это его вовсе не устраивало.

— Послушай, — сказал ему Мод, — ты мне очень нужен для одного важного дела, за которое получишь немало, если сумеешь... если ловко сыграешь свою роль.

— И никакого риска?
— Может быть, пару зуботычин, но за это пять-шесть фунтов стерлингов. [\[144\]](#)

— Пять-шесть фунтов стерлингов, — загорелся Кейл, — а они?
— Им ничего.

Тем временем шум возрастал, слышались крики. Трактирщик, привыкший к буйству своих клиентов, невозмутимо наполнял им стаканы.

— Итак, в чем дело? — спросил Кейл.
— Надо сказать два слова Флигу Балту.
— Сегодня?
— Сегодня... потому что завтра суд и будет слишком поздно. Как видишь, времени терять нельзя, и я надеюсь, ты сыграешь свою роль.
— Ничего не выпив...
— Ничего не выпив, Кейл, это не так трудно.
— А если мне самому врежут в драке?
— Я удвою сумму, — ответил Вэн Мод.

Подобный ответ мигом прекратил всякие колебания. И все-таки Кейл спросил:

— Послушай, если надо повидаться с Флигом Балтом, почему бы тебе не навеститься к нему?

— Больно много говоришь, Кейл! — крикнул Вэн Мод, который уже выражал нетерпение. — Я должен оставаться на свободе, когда будут судить Балта!

И в качестве последнего аргумента Мод вынул из кармана фунт стерлингов и дал его матросу.

— Вот тебе задаток, остальное потом...

— А когда выйду, где я найду тебя?

— Здесь, каждый вечер.

— Идет, а теперь стакан джина для начала! Так мне легче будет играть пьяницу.

Он поднял стакан и разом опрокинул его. Вэн Мод наклонился над столом, приблизившись к Кейлу:

— Как только полицейские упекут тебя в тюрьму, постарайся встретиться с Флигом Балтом. Если не успеешь сегодня, значит, постарайся завтра, до того, как его уведут на суд...

— Что я должен ему сказать?

— Скажи, что дело сделано и что он может смело обвинять.

— Кого?

— Он знает.

— Хорошо, и это все?

— Все.

— Ну, а теперь я самый пьяный из всех подданных королевы...

Кейл встал, спотыкаясь и падая, цепляясь за столики. Его толкали со всех сторон. Он обругал трактирщика, который замешкался, наливая стакан, и, ударив головой в живот, вытолкнул его на улицу. Взбешенный трактирщик позвал на помощь. Два полицейских сразу бросились на Кейла, который не особенно сопротивлялся, чтобы избежать лишних ударов. Его схватили, вывели на улицу и отправили в портовую тюрьму. Вэн Мод шел за ним по пятам и вернулся в трактир только после того, как двери тюрьмы закрылись за Кейлом.

Глава IV

Заседание суда

Печальные события, происшедшие на борту «Джеймса Кука», взбудоражили Хобарт. С одной стороны — убийство капитана при весьма загадочных обстоятельствах, с другой — попытка захвата корабля мятежными матросами во главе с Флигом Балтом, оба эти события не сходили с уст горожан с того самого дня, когда «Джеймс Кук» вернулся из плавания. Об убийстве ничего нового известно не было. Что касается бунта, то общественное мнение склонялось к тому, что боцмана и его сообщника ждет суровый приговор, что ему грозит десять — пятнадцать лет каторжных работ. Дело предполагалось заслушать на одном заседании.

В тот день в зале заседаний собралась масса народу. Уже с девяти утра все места, предназначенные для публики, были заняты: коммерсанты, судовладельцы, офицеры торгового флота, журналисты; и еще в глубине зала завсегдатаи таверн, без сомнения, сочувствовавшие обвиняемым. Мистер Хаукинс и Нат Джибсон, приехав к началу заседания, заняли места для свидетелей. Братья Кип пришли в зал несколько позже и обменялись с ними дружескими рукопожатиями.

На задних скамьях сидели матросы Хоббс, Виклей и Бернс вместе с юнгой Джимом. Свои места заняли Вэн Мод, Сэкстон, Брайс и кок Коа. Не было только Кейла, ибо, не удержавшись, он все-таки наградил парой тумачков и самих стражей порядка, за что получил двое суток ареста.

В ожидании судей мистер Хаукинс сообщил Карлу и Питеру, что сегодня утром получена почта с Новой Ирландии.

— Письмо от Зигера? спросил Питер Кип.

— Нет, депеша от моего корреспондента Балфура. В Веллингтон пришел английский корабль с Керавары, который покинул архипелаг Бисмарка через десять дней после «Джеймса Кука»; корабль доставил в Веллингтон письмо от Зигера. Балфур передал мне содержание письма телеграммой, которая пришла сегодня утром.

— И что же по поводу расследования? — спросил Карл Кип.

— Ничего, — ответил Нат Джибсон, — убийцы не обнаружены.

— Увы, это так, — подтвердил Хаукинс, — Зигер и Гамбург сделали что могли, но безрезультатно.

— Они не нашли ничего, что направило бы их поиски? — спросил

Питер.

— Нет, и ни на кого не падает подозрение. Совершенно очевидно, что преступление совершено туземцами, которые успели скрыться на остров Йорк, где их очень трудно будет найти.

— Однако никогда не надо терять надежды, сказал Карл. Даже если украденные бумаги уничтожены, остались украденные пиастры, и если убийцы захотят ими воспользоваться, они выдадут себя.

Разговор был прерван появлением членов суда. Они заняли свои места — английский адмирал, капитан и лейтенант, в сопровождении судебного клерка. Судебное заседание объявили открытым, и председатель суда дал распоряжение ввести заключенных. Флиг Балт и Лэн Кэннон под стражей вошли в зал и сели на скамью подсудимых слева от судей.

Боцман выглядел очень уверенным в себе, лицо его было холодно и спокойно, взгляд безразличен. Это было настоящим откровением для Хаукинса. Он, казалось, впервые видел реального Флига Балта. Да! Как могли они с капитаном Джибсоном быть так слепы, чтобы довериться этому человеку, как могли они поддаться льстивым словам и манерам этого негодяя? Но то, что удивляло Хаукинса, не было неожиданностью для братьев Кип. Боцман всегда внушал им неприязнь, о чем сам, безусловно, догадывался.

Председатель суда дал слово судебному исполнителю.

После краткого вступления тот изложил обстоятельства дела и потребовал строгого приговора. Председатель суда спросил Флига Балта, что он может сказать по поводу выдвинутого против него обвинения.

— Ничего, — коротко ответил боцман.

— Вы признаете факты, изложенные в деле?

— Признаю.

Эти несколько слов были произнесены спокойно и твердо.

— Вы ничего не хотите добавить в свою защиту? — снова обратился к обвиняемому председатель суда.

— Ни одного слова, — был ответ, и боцман снова сел.

Лэн Кэннон на вопросы суда отвечал уклончиво, делал вид, что не понимает их. Затем обратились к свидетелям. Первым был приглашен Карл Кип. По залу пробежал шумок.

Карл Кип назвал свое имя, национальность и занятия.

Затем изложил дело:

— Я и мой брат Питер Кип были пассажирами голландского торгового судна «Вильгельмина», которое потерпело кораблекрушение возле острова Норфолк. Здесь нас увидели с проходившего мимо корабля «Джеймс Кук»

и взяли на борт. До конца дней своих мы будем помнить доброту этих людей — мистера Хаукинса и капитана Джибсона. Во время плавания на «Джеймсе Куке» от Норфолка до Порт-Праслина я имел возможность наблюдать за поведением боцмана. Мне была совершенно очевидна неопытность боцмана, но, так как на судне был капитан, неумелые действия боцмана не имели тяжелых последствий. Двадцатого ноября «Джеймс Кук» стоял на якоре в Порт-Праслине, куда он доставил груз. Стоянка продолжалась девять дней, после чего корабль отправился на Керавару. И там второго декабря капитан Джибсон пал от ножа убийц, которые остались до сих пор неизвестными...

Последние слова были произнесены с такой болью, что все в зале невольно содрогнулись. А Флиг Балт, сидевший с низко опущенной головой, внезапно поднялся, как человек, который не может больше сдерживаться. Председатель спросил, не хочет ли он что-либо сказать суду.

— Ничего! — ответил боцман. И вновь сел, бросив быстрый взгляд на Мода.

Карл Кип продолжал:

— После смерти Гарри Джибсона командование было поручено боцману. Десятого декабря бриг отошел от островов архипелага. Первые дни плавания ветер дул попутный. В районе Луизиады я заметил, что судно отклоняется к востоку, вместо того чтобы идти прямо на юг. Это показалось мне странным. Я рассказал брату, и он посоветовал мне предупредить Хаукинса и Ната Джибсона, но мне настолько чуждо доноительство, что я долго не решался обратиться к мистеру Хаукинсу. Но, начиная с этого времени, я не переставал следить за курсом корабля, что немало раздражало боцмана, похоже, это нарушало какие-то его планы.

Последние слова Карл Кип произнес неуверенно, и председатель задал ему вопрос:

— Вы считаете, господин Кип, что Флиг Балт хотел изменить курс корабля? С какой целью он хотел бы это сделать?

— Не могу твердо ответить на ваш вопрос, но, несомненно, что Флиг Балт пытался направить бриг к востоку, в сторону архипелага, который пользуется дурной славой. А так как он впоследствии начал бунт, возможно, что его целью был захват корабля.

Подсудимый совершенно безразлично отнесся к этому прямому обвинению и лишь слегка пожал плечами.

— Как бы то ни было, — продолжал Карл Кип, буря, которая настигла нас при входе в Коралловое море, могла помочь этим планам, ибо несла корабль в открытое море. Я считал, что нужно развернуться носом на ветер

и не менять курса. Мнение капитана Балта было иным. Он начал бегство в направлении Соломоновых островов. В тот момент, когда волны стали захлестывать корабль, потерявший управление, я понял, что, если немедленно не вмешаюсь, корабль погибнет. Я бросился к штурвалу. Экипаж уже не понимал приказаний растерявшегося командира. Мистер Хаукинс понял меня и без колебаний вручил мне командование бригам. Матросы подчинились... Постепенно мне удалось выровнять судно, так мы выстояли до утра, пока не утихла буря.

Утром мистер Хаукинс предложил мне взять на себя обязанности капитана на время перехода до Хобарта. Боцман начал протестовать, но последнее слово было за мистером Хаукинсом, и боцман подчинился. И вот тридцатого декабря, когда мы были уже на траверзе Сиднея, на борту начался бунт. Боцман пытался завладеть оружием. Лэн Кэннон бросился на меня. Вскоре бунтовщики были схвачены и посажены в трюм. Вот что я хотел сказать, и не сказал ни слова неправды.

Дав показания, он вернулся к остальным свидетелям. Хаукинс и Нат Джибсон с чувством пожали ему руку.

— Обвиняемый, что вы можете сказать? — спросил вновь председатель суда.

— Ничего! — опять повторил Флиг Балт.

Показания остальных свидетелей обвинения полностью подтверждали слова Карла Кипа, и суд обратился к свидетелям обвинения.

Вэн Мод, как и следовало ожидать, признал действия капитана Балта во время бури совершенно правильными, подозревая Карла Кипа относительно его планов — необоснованными, а отстранение Флига Балта от командования кораблем — несправедливым. Когда он закончил, председатель вновь обратился к Флигу Балту:

— Вам известно, в чем вы обвиняетесь, Флиг Балт. Вы слышали показания свидетелей обвинения. Вы будете отвечать?

— Да! — сказал боцман тоном, который резко отличался от «ничего» его последних ответов.

В зале воцарилась тишина. Люди почувствовали, что сейчас что-то произойдет может быть признание, которое изменит весь ход процесса. Флиг Балт стоял, повернувшись к судьям, сжав губы и опустив глаза. Он ждал конкретного вопроса. Вопрос прозвучал:

— Флиг Балт, что вы можете сказать в свое оправдание после всех обвинений?

— Могу только обвинить! — ответил боцман.

Хаукинс, Нат Джибсон и братья Кип переглянулись, не столько

обеспокоенные, сколько удивленные. Никто не мог предположить, куда клонит Флиг Балт и против кого направит свое обвинение. И тогда он сказал:

— Я командовал кораблем на законных основаниях. Я должен был привести бриг в Хобарт, и я бы его туда привел, что бы тут ни говорили, как вдруг был назначен новый капитан. И кто? Иностранец!.. Голландец!.. Так вот, англичане на борту английского корабля не захотели идти под командованием иностранца. Вот почему мы пошли на бунт против Карла Кипа.

— Против вашего капитана, — заметил председатель, — которому вы обязаны были подчиняться.

— Пускай, — ответил еще более решительно Флиг Балт. — Я признаю, что тут есть наша вина... Но вот что я хочу сказать: если Карл Кип обвиняет меня, без всяких доказательств, в том, что я хотел отклониться от курса и завладеть кораблем, то я обвиняю его в преступлении, в котором ему не оправдаться никогда!

При таком заявлении Карл и Питер Кип встали, чтобы подойти к скамье подсудимых... Хаукинс и Нат Джибсон еле удержали их от приступа страшного гнева. Питер Кип первым овладел собой и взял за руку брата. Затем срывающимся от волнения голосом произнес:

— В чем же обвиняет нас этот человек?

— В убийстве! — ответил Балт.

— В убийстве?! Нас?! — закричал Карл Кип.

— Да, вас, убийцы капитана Джибсона!

Невозможно описать, что началось в зале. Всех охватил ужас. Питер и Карл Кип, казалось, были парализованы этим страшным обвинением. Когда они пришли в себя настолько, чтобы ответить, председатель опередил их:

— Флиг Балт, ваша наглость переходит все границы, и суд должен будет...

— Я говорю правду!

— Так почему же вы не сказали ее сразу?

— Меня арестовали сразу по прибытии «Джеймса Кука» в порт, и я ждал процесса, чтобы публично обвинить своих преследователей!

Карл Кип был вне себя и голосом капитана, привыкшего перекрывать рев моря, крикнул:

— Мерзавец! Подобные обвинения требуют доказательств!

— Я готов их представить! Представители правосудия могут получить их в любую минуту, — ответил Флиг Балт.

— И каковы же они?

— Пусть посмотрят сундук братьев Кип, который они нашли на затонувшей «Вильгельмине». Бумаги и деньги капитана Джибсона там!

Глава V

Последствия процесса

Впечатление, произведенное этим последним заявлением, описать невозможно. В зале поднялся шум, который председатель с трудом прекратил. Все взгляды устремились к Карлу и Питеру Кип. Удивление братьев могло сравниться лишь с ужасом, охватившим их. Старший, более темпераментный, жестами грозил боцману. Младший, сильно побледнев и сложив на груди руки, только пожимал плечами в знак полного презрения к обвинителю. Наконец оба, по распоряжению председателя суда, встали со своих мест и в сопровождении полицейских направились к скамье подсудимых.

Хаукинс, Хоббс, Виклей и юнга Джим после первых выражений протеста замолчали, а Сэкстон, Брайс и Коа тихо перешептывались. Нат Джибсон, опустив голову с выражением муки на лице, дрожащими руками вцепился в скамью. Когда он поднял глаза на братьев Кип, в них блеснула ненависть, как будто их вина уже была доказана. Вэн Мод спокойно ждал результатов обвинения, выдвинутого боцманом против братьев Кип.

Когда публика немного успокоилась, председатель вновь дал слово Балту. И тот стал говорить.

Двадцать пятого декабря вечером, когда бригом уже командовал Карл Кип, боцман находился в рубке. Высокая волна подняла корабль — и дверь в каюту капитана распахнулась.

Деревянный сундук покатился к двери — это был тот самый сундук, что был найден на затонувшей «Вильгельмине». Новая волна так саданула в борт, что сундук сильно ударился о косяк и раскрылся. Оттуда высыпалось несколько монет. Боцман, знавший о том, что при кораблекрушении братья потеряли все свои сбережения, был немало удивлен. Он подобрал монеты и хотел положить их обратно, но когда открыл крышку сундука, обнаружил там такое количество денег, что страшное подозрение невольно закралось ему в голову.

Флиг Балт, испуганный своим открытием, выбежал из рубки. Он больше не сомневался в виновности братьев Кип. Его первым побуждением было бежать к Хаукинсу и показать свою находку, бежать к Нату Джибсону и крикнуть ему: «Вот убийцы вашего отца!» Да, он должен был это сделать,

но он этого не сделал. Он никому ничего не сказал. Но оставаться под командованием преступника, убийцы своего капитана, с этим он примириться не мог, и вот почему он решился на мятеж.

Попытка не удалась. Обезоруженный, закованный в кандалы, он был отправлен в тюрьму по приказу негодяя, обманувшего мистера Хаукинса и воспользовавшегося его доверием. И тогда он решил молчать и ждать развития событий, выслушать обвинения, которые будут выдвинуты против него. И уже перед морским трибуналом публично назвать имена преступников.

После этих показаний заседание суда было прекращено. Полицейские увели Флига Балта и Лэна Кэннона обратно в портовую тюрьму, а Карла и Питера Кип немедленно арестовали и отправили в городскую тюрьму.

Разумеется, братья не сомневались, что никаких монет в их сундуке не может быть найдено. Они спокойно ждали результатов обыска. Известие о том, что показания боцмана полностью подтвердились, повергло их в ужас и оцепенение. Больше того, в сундуке находились не только деньги, но и кинжал!.. Кинжал с зазубренными краями — такой же, каким был убит капитан Джибсон. Боцман из обвиняемого превратился в свидетеля обвинения. Общественное мнение Хобарта изменилось на сто восемьдесят градусов. Флиг Балт стал героем дня. Какая сила характера! Хранить свою тайну до публичного выступления перед трибуналом! Да и попытка бунта оправдывалась: прекратить командование убийцы. Ведь боцман, в конце концов, рисковал жизнью! И даже Хоббс, Виклей и Бернс поддались общему настроению, забыв о том уважении и преданности, которые они испытывали к новому капитану.

Миссис Джибсон была так раздавлена горем, что чувство мести нисколько не коснулось ее души. Но что она могла противопоставить доводам сына, поверившего в виновность голландцев?

Совсем иначе смотрел на дело мистер Хаукинс. Он задавал себе вопрос: какова могла быть цель этого преступления?.. Завладеть двумя тысячами пиастров? Желание Карла Кипа стать капитаном «Джеймса Кука»? Нет, не было в том достаточной логики, чтобы убедить мистера Хаукинса.

— Знаю, — говорил Хаукинс жене, — знаю, все улики против них, но я все равно не поверю, пока не услышу их собственного признания.

— Друг мой, можешь ли ты сказать об этом Нату".

— Нет... он не поймет... нельзя вывести человека из того состояния перевозбуждения, в котором сейчас находится бедный мальчик. Подождем суда! Кто знает, может быть, Карл и Питер смогут оправдаться? И даже

если они будут приговорены, я скажу: поживем — увидим!

Тем временем капитан Форк нашел нового помощника, и «Скайднам» снялся с якоря. Вечером двадцать пятого января, после его отплытия, Флиг Балт и Вэн Мод спокойно беседовали, стоя на набережной.

— Счастливого плавания «Скайднаму», — сказал Вэн Мод, — счастливого плавания, раз он не увозит голландцев в Голландию! Итак, боцман Балт, Карл Кип опять занял твое место, но уже в тюремной камере. Теперь братцам никогда не отмыться! Правда, я потерял полтысячи пиастров, но о чем жалеть, полутора тысяч нам на первое время хватит! Дождемся, когда этих честных людей вздернут на веревке. А интересно посмотреть, как выглядит рожа честного человека на виселице!

Мерзавец громко смеялся своим шуткам, но не мог развеселить боцмана.

— Я поверю в это только тогда, когда приговор будет вынесен и мы отчалим отсюда.

— Ты остался самим собой, Балт!

— Скажи мне, Мод, никто никогда не видел тебя в трактире «Великий старик»?..

— Никто, никогда... Да там жил вовсе и не Мод, а некто Нед Пат, который ничуть на меня не похож. Да ты и представить себе не можешь, каков я с бородой, прекрасной рыжеватой бородой до самых глаз. К тому же я приходил туда только ночевать, когда все уже спали, и уходил до свету.

— А ты еще не съехал оттуда?

— Нет еще, пожалуй, стоит подождать несколько дней. Ведь если бы я уехал сразу после ареста братьев, это вызвало бы подозрения.

— Главное, Мод, чтобы тебя в конце концов не узнали... — Да было б тебе известно, боцман, что даже Сэкстон, Кейл и Брайс, встречая меня на улице в бороде, так и не сообразили, что это я. Да ты и сам не узнал бы меня, боцман Балт!

Прошло больше двадцати дней. Ранним утром пятнадцатого февраля трехмачтовый английский корабль «Гордон» из Сиднея бросил якорь в порту Хобарта. Он привез почту на имя Хаукинса. Это было письмо от Зигера:

«Порт-Праслин, 22 января.

Дорогой друг!

Пользуюсь оказией, чтобы написать вам. Прежде всего прошу вас передать миссис Хаукинс мой горячий привет и передать миссис Джибсон

и ее сыну, что я и мадам Зигер искренне разделяем их горе.

Мистер Гамбург — в Кераваре, я — в Новом Мекленбурге тщательно занимались поисками убийц, но, увы, бесполезно. Нам не удалось найти ни бумаг, ни денег капитана Джибсона, что наводит на мысль, что преступление, возможно, не было совершено туземцами, ибо такая крупная сумма, появившись она в обращении, не могла бы остаться незамеченной. Но вот небольшая новость. Вчера, случайно, в лесу Керавары, вблизи тропинки, которая вела к дому Гамбурга, там, где было совершено преступление, служащий фактории подобрал медное кольцо, которое, должно быть, выскочило из рукоятки кинжала в момент удара в сердце нашего друга. Посылаю его вам, потому, что самого орудия убийства нам найти не удалось.

Я еще раз прошу передать наши самые теплые чувства друзьям. Как только мне удастся узнать что-нибудь, я немедленно сообщу вам.

С уважением ваш Р. Зигер».

Кольцо оказалось от кинжала, найденного у братьев Кип. — Когда это новое свидетельство преступления было получено, Нат Джибсон пришел к судовладельцу и сказал:

— И теперь, мистер Хаукинс, вы еще сомневаетесь в виновности этих негодяев?

Вместо ответа Хаукинс опустил голову.

Глава VI

Приговор

Расследование подходило к концу. Братья были допрошены. И хотя они отрицали свою вину, что могли они противопоставить вещественным доказательствам их причастности к преступлению? О письме мистера Зигера и о новой улке было известно уже всему городу. Теперь никто не сомневался в том, каков будет приговор. Но чем ближе было слушание дела, тем беспокойнее становилось у мистера Хаукинса на душе. Воспоминания одно за другим всплывали в памяти. Как эти два человека, к которым он испытывал столь искренние чувства, могли совершить столь чудовищное преступление? Его сознание и сердце не могли с этим согласиться. Слишком много темных пятен, необъяснимых фактов, может быть не объясненных... Но все это были лишь моральные доводы, а вещественные вставали перед ним непреодолимой стеной. Делиться своими мыслями с Натом Джибсоном он избегал.

Однажды он попробовал было высказать свои соображения миссис Джибсон, но молчание, последовавшее затем, свидетельствовало о том, что бедная женщина еще не могла найти в себе силы думать о чем-нибудь, кроме своего несчастья. Миссис Хаукинс разделяла сомнения мужа, но она была, пожалуй, единственным человеком во всем городе, кто, как и он, не верил в виновность братьев. Общество Хобарта, и без того настроенное против них, беспрестанно подогревалось еще различными газетными публикациями.

Слушание дела началось семнадцатого февраля. В тот день улицы перед городской тюрьмой и перед зданием суда были заполнены народом. Как только обвиняемых вывели из тюрьмы, из толпы раздались выкрики и требования наказать убийц. Братья едва успели пожать друг другу руки, как были разделены полицейскими, которые конвоировали их до зала суда. Когда они вошли в него, там уже не было ни одного свободного места, люди даже стояли вдоль стен.

Как только Карл и Питер Кип заняли свои места на скамье подсудимых, председатель суда, согласно английским законам, обратился к ним с вопросом: признают ли они себя виновными или нет?

— Не виновны! — ответили обвиняемые в один голос, а затем по просьбе судьи повторили свои показания. В сундуке, который они

перенесли с затонувшего корабля, было немного белья и одежды, утверждали они. Что касается кинжала, то они не нашли его на «Вильгельмине» и не понимают, как он к ним попал. На сообщение Балта о том, что в сундуке лежали деньги покойного капитана, братья ответили, что либо боцман ошибался, либо лгал.

— С какой целью? — спросил председатель.

— С целью погубить нас, — ответил Карл, — и отомстить! — Его слова были встречены неодобрительным гулом толпы.

Братья Кип не отрицали того, что у них был кинжал, купленный когда-то в Амбоине, но были уверены, что он пропал во время кораблекрушения. Они утверждали, что ни один из них не приносил его на борт «Джеймса Кука», и не понимали, как он оказался в их чемодане. Питер Кип заметил, что таких кинжалов много и что редко какой туземец не имеет его. Может быть, орудием убийства был вовсе не наш кинжал, ведь они все похожи. Этот ответ вновь вызвал ропот возмущения, ибо все уже знали о кольце, найденном на месте убийства.

Питер Кип вновь поднялся со своего места.

— Брат и я стали жертвами необъяснимых обстоятельств! Как могли мы убить капитана Джибсона, человека, которому обязаны жизнью?! Подобное обвинение столь же гнусно, сколь ложно, и мы не будем больше отвечать на подобные обвинения!

Его заявление и уверенный тон, казалось, смутили публику, но не могли уже повлиять на ход дела. Если братья Кип отказываются отвечать на поставленные вопросы, значит, им нечего сказать в свое оправдание.

Но оставалась слабая надежда: никто никогда не видел кинжала на борту корабля, что следовало даже из показаний Балта.

И Питер Кип снова взял слово.

— Кто видел у нас этот кинжал? Никто! Никогда!.. Он был найден во время обыска, но это значит, что его положили туда без нашего ведома и в наше отсутствие!

И в этот момент произошло самое неожиданное. В качестве свидетеля был вызван юнга Джим.

— Джим, — сказал ему председатель суда, ты должен говорить только то, что знаешь и в чем совершенно уверен.

— Да, господин председатель, — ответил Джим, ища взглядом глаза Хаукинса.

Судовладелец заметил это и понял, что речь идет о чем-то очень важном, о чем Джим не смел никому сказать раньше. Еще минуту Джим смущенно молчал, но председатель подбодрил его, и он сказал:

— Этот кинжал, я его видел!

Мальчику показали кинжал.

— Это тот кинжал? — спросил присяжный.

— Да, я его узнал.

— И ты утверждаешь, что видел его на борту брига?

— Да...

— Где?

— В каюте господ Кип...

— Когда?..

— Во время первой стоянки в Порт-Праслине!

И Джим рассказал, как он увидел в каюте кинжал, как подержал его в руках и положил на место.

Эти показания мальчика произвели страшное впечатление на всех. Какие могли быть теперь сомнения в виновности братьев Кип? Они утверждали, что никогда не приносили кинжал на корабль, а юнга видел его в их каюте и он же был найден в их сундуке!

— Было ли кольцо на рукоятке, когда ты держал кинжал? — спросил присяжный.

— Да, все было на месте...

Следовательно, кольцо рукоятки отлетело в тот момент, когда убийцы боролись с капитаном Джибсоном, раз оно было найдено в лесу на месте убийства.

На заявление Джима ответить было нечем, и обвиняемые молчали.

Это поколебало даже Хаукинса. Тут слова попросил Нат Джибсон. Он хотел привлечь внимание судей к одному факту, о котором здесь не упоминалось.

— Господа судьи, господа присяжные, вам известно, что во время плавания между Новой Зеландией и архипелагом Бисмарка на широте Луизиады бриг атаковали папуасы. Все встали на защиту корабля. Так вот в самый разгар борьбы раздался выстрел, и пуля просвистела над головой капитана Джибсона! Господа, до сегодняшнего дня я склонен был считать, что это объяснялось полной темнотой и пылом борьбы. Но сегодня я думаю иначе. Считаю этот выстрел неудавшимся покушением на жизнь моего отца, ибо его гибель уже была предрешена теми, кто потом осуществил ее.

Ужаснувшись этому новому обвинению, Карл Кип выпрямился и с пылающим взором крикнул дрожащим от гнева голосом:

— Нат Джибсон, да как вы смее!

Карл был вне себя, но брат, взяв его за руку, заставил его сесть и, рыдая, опустил рядом.

Слово взял обвинитель. Он заявил, что по сведениям, полученным из Гронингена, торговому дому Кип грозило разорение, напомнил, что во время кораблекрушения Карл и Питер Кип потеряли все, что у них было. И нарисовал картину преступления: когда Гарри Джибсон направился к мистеру Гамбургу, братья уже сошли с корабля. Они подстерегли его в лесу, напали на него и оттащили от тропинки. Затем ограбили его, и, когда вернулись на судно, никто ни в чем не мог их заподозрить. А на следующий день они не побоялись присоединиться к траурному кортежу и смешать свои слезы со слезами сына!

Обвинитель требовал безжалостного отношения к преступникам и настаивал на смертном приговоре.

Оставалось выслушать адвоката. Он не нарушил своего долга, но могли ли он рассчитывать на успех! Адвокат говорил о прошлом своих клиентов, о их честной жизни, порядочности, которую отмечали все, кто с ними встречался. Да, безусловно торговый дом в Гронингене не процветал, да, они все потеряли во время кораблекрушения, но из-за столь ничтожной суммы, в две тысячи пиастров (и заметьте, в сундуке были найдены далеко не все деньги), пойти на убийство своего спасителя?! Нет, это невероятно! Братья безусловно стали жертвой какого-то необъяснимого стечения обстоятельств. Есть некоторые сомнения, которые должны свидетельствовать в их пользу. Слушание кончилось. Присяжные удалились на совещание.

Нат Джибсон, охватив голову руками, остался на месте свидетеля. Мистер Хаукинс стоял в стороне, сердце его разрывалось от боли при взгляде на скамью подсудимых, куда сейчас вернутся братья, чтобы выслушать обвинительный приговор. К нему подошел юнга Джим и спросил дрожащим голосом:

— Мистер Хаукинс, я ведь, правда, не мог дать других показаний?

— Ты не мог по-другому, дитя мое!

Однако совещание затягивалось...

Может быть, виновность не была абсолютно доказанной?! Может быть, будут учтены смягчающие обстоятельства?.. Через тридцать пять минут судьи вошли в зал заседания. Наступила мертвая тишина. Карл и Питер стоя ждали оглашения приговора. Наконец председатель суда объявил:

Преступление квалифицировано как преднамеренное убийство. Карл и Питер Кип приговариваются к смертной казни.

Где-то раздались аплодисменты. С мукой взглянув друг на друга, братья раскрыли объятия и крепко обнялись.

Глава VII

В ожидании казни

Итак, братья Кип не могли больше рассчитывать на справедливость судей: им вынесли приговор, не приняв во внимание их заслуг. Ни одно смягчающее обстоятельство, выдвинутое защитой, не было принято во внимание. Никакие другие соображения и доводы не могли противостоять «вещественным доказательствам», умело сфабрикованным Вэном Модом и подтвержденным юнгой Джимом.

Приговор вполне удовлетворил население Хобарта. К ненависти, которую испытывали люди к убийцам Гарри Джибсона, примешивался еще и англосаксонский национализм. Убили англичанина, а убийцами были иностранцы, голландцы. О какой жалости могла тут идти речь? Никто из публики, ни одна из многочисленных газет Тасмании не подняла свой голос в защиту обвиняемых и не потребовала пересмотра приговора. Тем более, можно ли упрекать сына убитого капитана в том, что за завесой горя и возмущения он не видел всей несправедливости приговора. Он так долго страдал от того, что негодяи не найдены и не наказаны, что сразу поверил в неоспоримость улик, выдвинутых против голландцев. Поверил, что братья ответили подлым убийством на участие, которое принял в них отец. Поэтому, возвратившись домой после оглашения приговора, он воскликнул дрожащим от волнения голосом:

— Мама, негодяи заплатят жизнью за гибель отца, и он будет отомщен!

— Господь да сжалится над ними! — прошептала миссис Джибсон.

Совсем иной была реакция Хаукинса. Он сказал жене только одно слово:

— Приговорены...

— Приговорены?

— К смертной казни, несчастные люди. Да будет воля Господня над человеческим правосудием!

— Ты все еще сомневаешься, мой друг?

— Сомневаюсь!

Движимый не столько разумом, сколько чувствами, Хаукинс отказывался верить в виновность братьев. Причины... причины преступления не могли найти объяснения. Он отбрасывал мысль о том, что братья могли пойти на убийство ради двух тысяч пиастров. Несмотря на

смертный приговор и видимую объективность присяжных, мистер Хаукинс не сдавался.

Обычно в подобных делах мнения расходятся: одни уверены в виновности осужденных, другие — наоборот. Но в этом случае все были едины. Надежды на пересмотр дела в пользу братьев Кип почти не было. Хаукинс не сомневался, что все будут против него. Но это его несколько не обескураживало. Он знал, как часто время исправляло самые страшные человеческие ошибки. Правда, времени могло и не хватить. Кассационная жалоба^[145] осужденных будет скорее всего отклонена. И тогда приговор будет приведен в исполнение во второй половине марта, ровно через месяц.

А казни этой ждали с нетерпением. Толпа всегда жестока, и жители Хобарта не составляли исключения. В день казни они соберутся во дворе тюрьмы и будут ждать, когда приговор будет приведен в исполнение.

А пока Карл и Питер Кип томились в камере смертников. Эти последние дни перед казнью они могли, по крайней мере, вместе предаваться воспоминаниям о прошлом и быть все время рядом. Правда, стража не оставляла их ни днем, ни ночью, и что бы они ни говорили друг другу, третье лицо, жестокое и безжалостное, всегда было между ними. Карл Кип не уставал возмущаться чудовищной несправедливостью происшедшего, Питер, оставаясь верным себе, не роптал на судьбу. Он не испытывал никаких иллюзий в отношении кассационной жалобы, в то время как Карл в глубине души не переставал надеяться на то, что правда все-таки выйдет наружу, и они избегут страшного конца.

Очень часто братья мысленно возвращались в прошлое, вспоминая счастливые дни своей жизни и те, с которых начались все их несчастья. Вновь и вновь они перебирали в памяти подробности кораблекрушения, как плыли они ночью, борясь с океанской волной, как им, уже выбившимся из сил, попала клетка от кур, за которую они уцепились, как страшно бурлила вода вокруг рифов и как им удалось попасть в проход между рифами и они подплыли к берегу острова... Ах, может быть, было бы лучше, если бы капитан Джибсон не заметил их сигналов, если бы «Джеймс Кук» не пришел тогда к ним на помощь! Они бы погибли на этом острове от холода и голода, но это не была бы постыдная смерть на виселице, смерть убийц и негодяев!

— Питер, — восклицал Карл, — если бы наш честный отец был жив и увидел бы свое имя опозоренным, это убило бы его!

— Неужели ты думаешь, что он поверил бы в нашу виновность?..

— Нет, брат... никогда!

Потом они говорили о тех, с кем их свела судьба в последнее время.

Но приближался день и час, когда приговор должен быть приведен в исполнение. Мистер Хаукинс, которого постоянно преследовала мысль о невинности братьев, все это время думал, как их спасти.

Губернатор Тасмании его превосходительство сэр Эдвард Карриган был добрым знакомым мистера Хаукинса. Тот знал его как человека здравого ума и весьма справедливого начальника. Утром двадцать пятого февраля мистер Хаукинс направился в резиденцию Карригана. Сам его превосходительство внимательно следил за процессом и нисколько не сомневался в виновности братьев. Каково же было его удивление, когда он услышал мнение Хаукинса.

— Я вижу, дорогой мистер Хаукинс, что во время плавания вы прониклись глубоким уважением к Карлу и Питеру Кип, — проговорил он, с интересом рассматривая собеседника.

— Не сомневаюсь в том, что это порядочные люди. Увы, я не могу представить никаких вещественных доказательств, их нет у меня и, может быть, никогда не будет. Но ничто в ходе расследования, ни одно свидетельское показание не убедило меня и не заставило усомниться в невинности этих несчастных. И ваше превосходительство может легко видеть, что все обвинение сводится к показаниям боцмана, человека весьма подозрительного! Он движим ненавистью и местью, я же подозреваю какого-нибудь туземца с острова Керавара...

— Но есть и еще одно свидетельство, мой дорогой мистер Хаукинс!

— Свидетельство юнги не вызывает у меня сомнений. Конечно, мальчик видел кинжал в каюте братьев Кип, но был ли он орудием убийства, или это страшное совпадение?

— Однако все эти свидетельства убедительны, и разве не следует принять их во внимание, дорогой мой Хаукинс?..

— Разумеется, сэр, на них и базируется заключение присяжных. Все прошлое этих людей свидетельствует в их пользу.

Заявление мистера Хаукинса произвело большое впечатление на губернатора Тасмании, ибо он знал коммерсанта как человека прямого и честного. После короткого молчания сэр Эдвард Карриган сказал:

Я понимаю, дорогой Хаукинс, всю ценность вашего свидетельства. Но чего вы ждете от меня?

— Чтобы вы вмешались, хотя бы для того, чтобы спасти жизнь этих несчастных.

— Вмешаться? Вы же прекрасно знаете, что единственное возможное вмешательство — это кассационная жалоба и что, как вам известно, она была своевременно подана.

— Ваше превосходительство, у меня, к сожалению, нет никаких иллюзий на этот счет. Процесс проходил в полном соответствии с законом, нет никаких оснований для отмены приговора.

Губернатор Тасмании молчал, понимая, что Хаукинс прав.

— Кассация будет отклонена, и тогда, ваше превосходительство, только вы можете спасти жизнь этих несчастных.

— Вы просите, чтобы я объявил о помиловании?

Да, попросите об этом королеву. Вы можете направить прошение на имя генерального атторнея, ^[146] чтобы смертный приговор был отменен или хотя бы отсрочен. И тогда я проведу новые расследования. Я вернусь в Керавару, вновь обращусь к Гамбургу и Зигеру. И мы найдем истинных виновных, не жалея ни времени, ни денег! Если я с такой страстью настаиваю на этом, ваше превосходительство, то лишь потому, что мной движет желание избавить наше правосудие от необходимости отвечать за гибель невиновных!

В конце концов мистер Хаукинс убедил его превосходительство в необходимости исправить ошибку правосудия. Эдвард Карриган направил ее величеству королеве официальную телеграмму с просьбой о помиловании.

Седьмого марта слух о том, что просьба братьев Кип отвергнута, распространился по городу. Никто этому не удивился. Население Хобарта предвкушало скорую казнь, а известно, что подобные зрелища вызывают у англикан и латинян ^[147] нездоровое любопытство.

И хотя по английским законам казнь через повешенье не происходит в публичных местах, но лишь в присутствии официальных лиц, тем не менее в день, когда была назначена казнь, большое множество любопытных окружило тюрьму, чтобы увидеть, как будет вывешен черный флаг, означающий приведение приговора в исполнение.

Разумеется, в этой толпе были Вэн Мод, Флиг Балт, Лэн Кэннон и его дружки.

Боцман и его сообщники хотели убедиться собственными глазами в том, что приговор совершен! И тогда уж к этому делу никто никогда не вернется. Тогда можно будет для начала «закатиться» в «Свежую рыбу» и превратить украденные пиастры в виски и джин.

Но проходили часы, толпа начала уже скучать. Черный флаг все не вывешивали. С наступлением темноты разочарованная публика разошлась по домам.

Прошло еще несколько дней, в городе очень удивлялись, что приговор

все еще не приведен в исполнение. Больше всех, конечно, беспокоились боцман Балт и Вэн Мод. И уже присматривали себе судно, чтобы покинуть город.

Двадцать пятого марта пришла депеша из Лондона на имя его превосходительства. Ее величество королева английская заменила смертный приговор вечной каторгой.

Глава VIII

Порт-Артур

Через месяц после описанных событий на каторгу Порт-Артура были доставлены два человека, которых тут же развели по разным баракам, а на следующий день вместе с другими такими же каторжниками выгнали на работу. С тех пор ежедневно они шли каждый в свою сторону, сопровождаемые ругательствами и ударами, шли среди воров и бандитов, которых Великобритания высылает в свои заморские колонии. Они уходили утром и возвращались вечером, падая от усталости и страдая от грубой пищи. Вернувшись в барак, они падали на лагерную койку и пытались забыться несколькими часами сна. На следующий день продолжали это страшное существование, избавлением от которого могла быть только смерть, и они уже ждали ее. Это были братья Кип.

Первую каторжную колонию на территории Австралии и Океании Великобритания учредила в Ботани-Бей, на восточном берегу материка, названном Новым Южным Уэльсом. Боясь, как бы французы не опередили ее в создании подобного учреждения в Тасмании, она поспешила опередить их. В середине 1803 года Джон Бовин, отплыв из Сиднея с одним полком колониальной армии, высадился на острове Тасмания в двадцати милях от устья реки Деруэнт в местечке Рисдон. Он привез с собой около двухсот переселенцев, через год их число достигло уже четырехсот. Командование гарнизоном осуществлял лейтенант-полковник Коллинз. Еще через год Коллинз начал строительство Хобарта на другом берегу реки. Небольшая река наполняла пресной водой бухту Сюлива-Кейв, в которой могли стоять даже большие суда. Новый город стал быстро развиваться, и в числе гражданских построек первой была возведена тюрьма, окруженная каменной стеной.

Население острова состояло из свободных людей, то есть поселенцев, прибывших сюда из Соединенного Королевства, бывших заключенных и, наконец, заключенных. Последние делились на три основные категории: приговоренные за самые тяжкие преступления, которые находились в тюрьме и использовались на каторжных работах, в основном на прокладке дорог; осужденные за небольшие нарушения (у английских судей тяжелая рука), которым позволялось поступать в услужение к переселенцам бесплатно, но при условии нормального жилья, питания и обязательного

посещения церкви по воскресеньям; осужденные, которые благодаря хорошему поведению имели право работать за плату, некоторые из них в конце концов добивались богатства и свободы.

По свидетельству Дюмон-Дюрвиля, прибывшего в Тасманию в 1840 году, наказания распределялись следующим образом: приговор к вращению мельничного колеса в течение небольшого времени и каторжные дорожные работы, причем узники скованы попарно цепью. Кроме тюрьмы Хобарта, в Тасмании была и другая, о которой стоит сказать подробнее.

От перешейка, который связывает полуострова Форестье и Тасман, до мыса Пилар примерно шесть миль, и именно в этой маленькой бухте южного берега администрация построила Порт-Артур. Полуостров Тасман покрыт густыми лесами, богатыми смолой, необходимой в кораблестроении, и деревьями с крепкой древесиной, похожей на тиковое дерево.^[148] Эти вековые деревья легко узнать по гигантским стволам, совершенно прямым и гладким, — крона располагается на самой вершине. Маленький городок Порт-Артур расположен амфитеатром, на холме, в глубине бухты. Его порт прекрасно оснащен, и корабли, укрывшиеся в нем от сильного северо-западного ветра, находятся здесь в полной безопасности. Но в основном они заходят сюда только в связи с нуждами тюрьмы.

В то время население Порт-Артура составляли служащие, констебли и два пехотных полка. Все они заняты были обслуживанием каторги. Начальник, капитан Скиртл, занимал удобный дом на вершине холма, откуда открывался прекрасный вид на море. Сама каторга имела два отделения. Первое предназначалось для несовершеннолетних преступников — сотен детей в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет. Они жили в бараках и работали в мастерских. Здесь пытались перевоспитать их трудом и наставлениями. Но для непокорных всегда наготове был кнут. Из этих детей часто выходили потом хорошие рабочие, сапожники, плотники, столяры. Отбывшие свой срок частью оставались на острове, частью возвращались в Европу. Первые не забывали полученных уроков, а вот вторые забывали их полностью. Вновь встав на путь преступлений, они, если не кончали на виселице, возвращались в ту же тюрьму, но уже во взрослое отделение, и некоторые навсегда.

Взрослое отделение Порт-Артура насчитывало примерно восемьсот человек. Они представляли форменное отребье английской нации, существа, опустившиеся на самое дно жизни. На совести каждого были и кражи и убийства. При новом задержании им неминуемо грозила смертная казнь. Поэтому в Порт-Артуре были приняты все меры против бегства

каторжников. Морем можно было бежать, если удавалось достать лодку или сесть на корабль. Но это было почти исключено, ибо каторжников крайне редко использовали на работах в порту, но и тогда за ними очень строго следили.

Следует заметить, что заключенные здесь, как и на острове Норфолк, не содержались под стражей. Именно потому, что побег здесь был невозможен. Убегая в леса, заключенные обрекали себя на жизнь, еще худшую, чем на каторге. Многие умирали от истощения. К тому же здесь каждые два часа менялся караул, который день и ночь прочесывал лес. А на перешейке Орла, соединяющем полуостров Тасман с полуостровом Форестье, на перешейке, не больше сотни шагов в ширину (в самом узком месте), администрация поставила столбы с привязанными к ним сторожевыми псами, которых при тюрьме воспитывалось около полусотни. Первый, кто попыбует пройти, будет разорван. Кажется, что в подобных обстоятельствах заключенные должны отказаться от всякой попытки бегства. Таков был Порт-Артур, предназначенный для самых неисправимых преступников. Именно туда и были доставлены Карл и Питер Кип.

Начальник Порт-Артура капитан Скиртл, человек лет пятидесяти, был очень энергичный и безжалостный, когда этого требовали обстоятельства, но справедливый и даже снисходительный к тем, кто этого заслуживал. Он строго наказывал заключенных за ослушание. И в то же время не терпел злоупотреблений со стороны своих подчиненных. Капитан Скиртл жил в Порт-Артуре со своей сорокалетней женой Айрис, четырнадцатилетним сыном Вильямом и двенадцатилетней дочкой Бэлли. Семья жила на вилле и не соприкасалась с миром заключенных. Капитан же весь день находился в колонии.

В тот день, когда в Порт-Артур были доставлены Карл и Питер, капитан объезжал территорию исправительной колонии с ежемесячной инспекцией. Проверив отделение несовершеннолетних и наказав провинившихся, мистер Скиртл направился к взрослым, где ему были представлены братья Кип. Он прекрасно знал подробности их процесса и считал, что хоть смертная казнь и отменена волею королевы, все равно тяжесть преступления такова, что преступники не могут рассчитывать даже на малейшее снисхождение. И был изумлен, когда Карл Кип, ответив на все вопросы, заявил:

— Людской суд осудил нас, господин комендант, но в убийстве капитана Джибсона мы не виновны!

Братья взялись за руки, как прежде на суде, но это было в последний

раз. Их развели по разным баракам, согласно приказу. Они не могли даже говорить друг с другом.

Заключенные Порт-Артура не были скованы цепью попарно, как это делается в других странах. К чести Великобритании, эта пытка, больше моральная, чем физическая, не применяется в английских исправительных колониях. Но цепь длиной в три фута сковывала ноги заключенного так, что ему приходилось поднимать ее до самого пояса, чтобы иметь возможность двигаться. Это мучение испытали и братья Кип, в течение долгих месяцев работая на прокладке дорог, которые должны были пересечь весь полуостров. После работы они возвращались в бараки, где в каждом спало по сорок человек. Только по воскресеньям могли они рассчитывать на радость встречи в маленькой методистской церкви.^[149] Да и там церковное песнопение смешивалось со звоном цепей. Но страшнее всего была для Карла мысль, что брат его не выдержит непосильного для него труда.

Он сам обладал железным здоровьем и недюжинной силой, хотя тюремного рациона ему было недостаточно: три четверти фунта^[150] свежего мяса, полфунта хлеба и столько же картошки. Но Питер, более слабого сложения, не погибнет ли он от такой работы? После тропической жары, будучи одеты лишь в лохмотья каторжников, они страдали от ледяного ветра и мокрого снега. Работали под плетью надсмотрщиков, никакого отдыха, кроме коротких перерывов на еду, малейшее неповиновение влекло за собой наказания, и весьма жестокие. Карл порой был близок к мысли о побеге.

Совсем иначе относился к своему положению Питер. Он подчинялся ему, надеясь на случай, который когда-нибудь докажет их невиновность. Он принимал эту каторжную жизнь, и хоть не обладал здоровьем и силой брата, но его убежденность и истинная вера в Бога помогали ему переносить лишения. Он только боялся за Карла, который не мог и не умел смириться. Он не опасался, что Карл предпримет попытку к бегству; ведь брат не мог бы оставить его одного. Но он может сорваться и выйти из повиновения... А его, Питера, не будет рядом, чтобы успокоить Карла. Это так мучило его, что однажды он обратился к капитану с просьбой разрешить ему хоть изредка бывать вместе с братом.

Капитан Скиртл внимательно выслушал Питера Кипа, глядя на него не без интереса. То ли потому, что каторжники редко принадлежат к той социальной группе, к которой принадлежали братья Кип, то ли он знал, что Хаукинс продолжает попытки оправдать братьев. И все же для мистера

Скиртла братья Кип были преступниками, приговоренными за убийство. Может быть, позже он и даст такое разрешение, но пока еще время не пришло. Задыхаясь от рыданий, но понимая, что настаивать бесполезно, Питер Кип вернулся к своей тачке.

Прошло около шести месяцев. Приближался конец зимы. Как тяжела она была для несчастных братьев! И могло ли теперь что-нибудь изменить их судьбу?

Пятнадцатого сентября мистер Скиртл собрался совершить прогулку по лесу с семьей. Доехав до перешейка, они вышли из экипажа там, где заключенные рыли ирригационный канал. Капитан решил заодно осмотреть этот участок работы. Закончив осмотр, мистер Скиртл направился к экипажу, как вдруг из леса послышались голоса и лай собак. И тут один из псов сорвался с цепи и бросился на шум в глубину леса. Стражники кинулись за ним. Послышались выстрелы.

Внезапно пес — весь в пене — выскочил на опушку и со страшным рычанием бросился на сына капитана. В одно мгновение он повалил мальчика и готов был схватить его за горло.

Мистер Скиртл в несколько прыжков оказался рядом с сыном, но мощным движением руки кто-то оттолкнул его. Еще через мгновение мальчик был в безопасности, а собака бросилась на каторжника и вцепилась ему в левую руку. Со всей силы он вонзил в нее железный прут, который держал в правой руке, и упал рядом с окровавленным телом собаки.

Это был Карл Кип. Он работал в нескольких шагах и, услышав крики констеблей, кинулся на помощь.

Комендант сразу узнал человека, из руки которого хлестала кровь. Он хотел подойти, чтобы поблагодарить его и оказать ему первую помощь, но его опередил Питер Кип. Увидев брата, лежащего рядом с убитым псом, он, подхватив свою цепь, побежал к нему.

Напрасно стража пыталась их разделить. Мадам Скиртл и ее сын умоляли капитана о пощаде к своему спасителю. Капитан отдал распоряжение оставить братьев рядом. И вот впервые за семь долгих месяцев разлуки, несчастий и отчаяния, Карл и Питер плакали в объятиях друг друга.

Глава IX

Вместе

Карла Кипа посадили в карету капитана и отправили в госпиталь, а Вильям в первом сердечном порыве бросился к ногам отца и рыдая воскликнул:

— Помилуй его, отец... помилуй его!

Мать присоединилась к мальчику, и вдвоем они умоляли капитана, как будто он мог что-нибудь сделать, как будто он был вправе освободить Карла Кипа.

Да и можно ли было забыть, за какое преступление братья были приговорены к вечной каторге в Порт-Артуре?

Один из них, рискуя жизнью, спас мальчика, но разве при этом он перестал быть убийцей Гарри Джибсона?

Как бы ни был прекрасен этот самоотверженный поступок, разве мог он искупить столь страшную вину?

— Друг мой, — обратилась жена к мистеру Скиртлу, когда он вернулся из госпиталя, — что мы можем сделать для этого несчастного?..

— Ничего, — ответил капитан, — кроме разве рекомендации хорошего отношения к нему со стороны администрации, да и некоторое послабление в режиме, например, освобождения от особо тяжелых работ.

— Стало быть, необходимо сегодня же сообщить его превосходительству о том, что произошло.

— Он узнает об этом сегодня же вечером, но речь может идти лишь о смягчении режима, а отнюдь не об уменьшении срока, ведь им и так дарована жизнь...

— И я не устаю благодарить за это Господа, иначе... страшно подумать, что могло произойти с нашим сыном!

— Друг мой, ответил капитан, — не сомневайся, я сделаю все возможное, чтобы отблагодарить Карла Кипа. К тому же с самого первого дня поведение обоих братьев было совершенно безупречным, они ни разу не подвергались никаким наказаниям. Может быть, мне удастся добиться разрешения администрации на то, чтобы не посылать их на тяжелые работы, а использовать в тюремных канцеляриях. Это будет для них большим облегчением. Но тебе ведь известно, за какое страшное преступление их осудили, и на основании каких вещественных

доказательств...

— О, мой друг, — воскликнула миссис Скиртл, — но как может человек, способный, рискуя собой, спасти ребенка, быть убийцей?

— Увы, на этот счет нет никаких сомнений, ибо братьям Кип не удалось доказать свою невиновность.

— Однако тебе известно мнение мистера Хаукинса по этому поводу...

— Да, но этот прекрасный человек основывается на своих воспоминаниях, и даже он ничего не смог для них сделать.

— Во всяком случае, друг мой, продолжала миссис Скиртл, — я прошу тебя о милости, которая зависит только от тебя и в которой ты мне не откажешь.

— Эта милость возможна, я уже приказал, чтобы братья больше не были разлучены.

— Да, надеюсь, ты меня понял! Я прошу, чтобы с сегодняшнего дня Питер Кип мог быть рядом с братом и заботиться о нем.

— Обещаю.

— Я бы хотела навестить несчастного и удостовериться, что он ни в чем не нуждается.

Прошло три недели. Рана Карла зарубцевалась, и братья были переведены на внутренние работы в помещении тюрьмы. В один из дней группу заключенных, по обыкновению, вывели на прогулку в тюремный двор. Среди них находились Карл и Питер Кип. Они шагали друг за другом и могли разговаривать. В своих беседах они вновь и вновь возвращались к тому, как могла произойти с ними эта страшная беда.

Всякий раз, когда старший отчаивался, не надеясь на то, что правда когда-нибудь станет известна, младший повторял: «Терять надежду — значит терять Господа! Раз нам была дарована жизнь, значит, Провидение хочет, чтобы убийц в конце концов нашли».

— Да услышит тебя небо! Питер, как я завидую твоей вере! Но кто же все-таки убийцы капитана Джибсона? Очевидно, туземцы Керавары или какого-то другого острова? И как их можно найти, рассеянных по огромной территории?

— Конечно, это будет нелегко, — соглашался Питер. — Ну и пусть! — Он не терял веры.

— Почему мы думаем, — сказал он однажды, — что убийцы именно туземцы?

Карл схватил брата за руки.

— Что ты хочешь сказать? Ты подозреваешь кого-то из арендаторов, служащих фактории...

— Нет, брат! Нет!

— Тогда кого? Матросы? Там стояло много других кораблей!

— Но там был и бриг «Джеймс Кук», — ответил Питер.

— «Джеймс Кук»?!

И тогда Питер поделился с братом подозрениями, которые уже давно его преследовали. Разве мало было на борту подозрительных лиц, которых завербовали в Данидине, людей, выступивших во время мятежа на стороне Флига Балта? Разве, например, Лэн Кэннон не знал, что капитан взял с собой не только бумаги, но и две тысячи пиастров, когда пошел к Гамбургу? В тот день они как раз сошли на берег. Разве не мог он совершить и убийство и ограбление?

Карл молча слушал брата. Очень многое внезапно открылось ему. Ему никогда не приходило в голову ничего подобного.

— Но допустим, убил кто-то из матросов, но ведь капитан был убит кинжалом...

— Да, Карл, и притом нашим. Это совершенно очевидно, ведь кольцо от рукоятки было найдено в лесу Керавары!

— Но как кинжал мог попасть в руки убийц?

— Его у нас украли, Карл! И именно тогда, когда мы осматривали затонувшую «Вильгельмину».

— Украден кем?

— Кем-то из матросов, кто был с нами на корабле.

— А ты помнишь, кто именно был с нами?

— Довольно смутно. Нат Джибсон, а вот кто из матросов...

— А был ли с нами боцман?

— Нет, брат, почти наверняка... нет.

— А Лэн Кэннон?

— Да, мне кажется, я его там видел. Ну да, он или кто-то другой мог войти в нашу каюту и увидеть там кинжал, которого мы не заметили. Когда мысль об убийстве созрела в умах негодяев, они решили им воспользоваться, а потом опять положили в наш сундук.

— Но мы бы его там увидели, Питер!

— Он попал туда перед самым судом!

— Это похоже на правду, Питер, но как доказать, что кинжал был украден на корабле, а потом подброшен к нам. Это приводит меня в отчаяние!

Тем временем, по ходатайству капитана Скиртла, администрация Соединенного Королевства разрешила использовать братьев Кип в тюремной канцелярии. И хотя после рабочего дня они должны были

возвращаться в ужасающую тесноту каторжного барака, все равно это было для них большим облегчением. Их новое положение немедленно вызвало зависть их товарищей по бараку, и лишь недюжинная сила Карла в какой-то мере останавливала тех от открытой расправы. Тем более что братья уже были не одни. Среди разношерстного населения колонии выделялись двое ирландцев. Они всегда держались вместе, не смешиваясь с остальной братией, и благодаря своей исключительной физической силе умели заставить себя уважать. Они, как и братья Кип, не выглядели обычными каторжниками, и однажды, увидев, что орда человек в двадцать приготовилась напасть на братьев, немедленно встали на их сторону. Нападающие замешкались, и пока к ним подтягивались другие заключенные, подросла стража и разогнала всех по баракам. Через день, когда братья вновь увидели ирландцев во дворе тюрьмы — те подвозили кирпич для строительства нового флигеля, — они подошли к ним, чтобы поблагодарить их за помощь. Ирландцы, люди резкие и малоразговорчивые, на этот раз были еще более холодны, чем обычно. Один из них только коротко бросил, что исполнил долг, не более, другой вовсе не взглянул на братьев. И оба на протянутые руки не ответили рукопожатием.

Когда братья остались одни, Карл воскликнул:

— Я не знаю, за что осуждены эти двое, но безусловно не за убийство, ибо они отказались пожать руку убийцам, каковыми нас считают! Гнев душил его: — Мы убийцы! И нет способа доказать нашу невиновность!

— Не теряй надежду, Карл, придет день, и правда восторжествует!

В марте 1887 года исполнился ровно год с тех пор, как братья были сосланы в Порт-Артур. На что еще, кроме смягчения режима, могли они рассчитывать? И как бы ни верил в Провидение Питер Кип, а страх навсегда остаться жертвой юридической ошибки никогда не покидал их. И все-таки они вовсе не были забыты. Миссис Скиртл не переставала интересоваться судьбой братьев, желая, насколько возможно, облегчить их участь. После бесконечных разговоров о них с Хаукинсами во время своих поездок в Хобарт она все больше сомневалась в их виновности, и вещественные доказательства уже не казались ей столь убедительными. Да и могла ли она забыть, чем обязана Карлу Кипу? Добрая женщина постоянно думала о несчастных и в конце концов добилась для них права на отдельную камеру.

Мистер Хаукинс не прекращал своих поисков. Он постоянно переписывался с Зигером и Гамбургом, требуя новых поисков и расследований. Если не туземцы совершили убийство, может быть, следует

подозревать еще кого-то рабочих фактории, матросов с других судов. Так постепенно мистер Хаукинс пришел к мысли о возможности искать виновных в экипаже «Джеймса Кука». Он тоже думал о Лэне Кэнноне, о Флиге Балте, но это были лишь предположения, которые он не мог подтвердить.

Однажды он почувствовал непреодолимое желание поехать в Порт-Артур, чтобы повидаться с Карлом и Питером Кип. Девятнадцатого марта, крайне удивленные неожиданным вызовом, братья предстали перед комендантом. Войдя в его кабинет, они увидели мистера Хаукинса. Первым движением Карла было броситься к нему, но Питер удержал его. Мистер Хаукинс тоже не двигался, и арестанты остались стоять молча и неподвижно, ожидая, когда с ними заговорят.

Мистер Скиртл стоял в стороне с бесстрастным видом, желая дать мистеру Хаукинсу полную свободу действий.

— Господа... — наконец начал судовладелец.

Для братьев это слово прозвучало как дружеская поддержка: в течение последнего года обращением к ним служили исключительно их каторжные номера.

— Господа Кип, я приехал в Порт-Артур, чтобы поговорить с вами о предмете, интересующем вас.

Братья затаили дыхание, ожидая услышать новости с Керавары. Увы, они ошиблись. Никаких доказательств их невиновности не было обнаружено. Мистер Хаукинс продолжал:

— Речь идет о вашем торговом доме в Гронингене. Я вошел в контакт с некоторыми торговцами, их мнение о вас весьма положительно.

— Мы не виновны! — воскликнул Карл Кип, не желая больше поддерживать светский тон беседы.

— Но, продолжал мистер Хаукинс, который тоже едва сдерживался, вы ведь не имели возможности привести ваши дела в порядок. Ваше отсутствие не пошло им на пользу. И я взялся за это...

— Мистер Хаукинс, как благодарить вас, это еще одно доброе дело, которое прибавилось к стольким другим! — воскликнул Питер.

— Я должен сказать вам, что товары были проданы за хорошую цену. Все закончилось в вашу пользу.

На лице Питера отразилось удовлетворение, ибо даже в ужасной жизни каторжника он не переставал думать о том, что банкротство их торгового дома бросит тень на честное имя отца! И вот мистер Хаукинс сообщал им, что все счета оплачены и их интересы соблюдены. И тут снова заговорил Карл Кип:

— Мистер Хаукинс, мы даже не знаем, как благодарить вас! Но не мы виновны в том, что дела были запущены. И мы не виновны в преступлении, за которое осуждены! Мы не убийцы капитана Джибсона!

И как когда-то перед судьями, братья взяли за руки и призвали небо в свидетели.

Мистер Скиртл пристально смотрел на них и не мог не чувствовать уважения к обоим. И тогда мистер Хаукинс, оставив свой тон делового человека, воскликнул:

— Нет! Я никогда не верил в виновность братьев Кип! И не поверю, но, к несчастью, никаких доказательств пока нет. След убийц напрасно искали среди туземцев! Но никто не теряет надежды на то, что удастся добиться пересмотра дела.

Пересмотр! Это слово впервые было произнесено при двух осужденных, которые уже не надеялись его услышать... Смогут ли новые судьи найти новые доказательства?

Они рассказали мистеру Хаукинсу о своих предположениях. Да! Капитан Джибсон был убит кинжалом, взятым в их комнате. Но они не находили его на затонувшем судне и, выходит, не могли принести его на борт «Джеймса Кука». Если Джим видел кинжал в их каюте, значит, туда его принес кто-то другой, тот же, кто положил в их сундук деньги. Этот другой и был убийцей капитана Джибсона!

Теперь все подозрения падали на кого-то из матросов брига. Только один из них мог найти кинжал на «Вильгельмине», один из тех, кто был вместе с ними на затонувшем судне.

— Был ли там Флиг Балт? — воскликнул Хаукинс.

— Нет, ответил Питер, — память мне не изменяет, он оставался на бриге.

— Да, пожалуй, — вспоминал судовладелец, он не покидал судно...

— А кто же был с нами в лодке?.. — вновь спросил Карл. — Может быть, Лэн Кэннон?

— Лэн Кэннон, кажется, нес вахту, — неуверенно ответил Хаукинс. — Итак, в лодке гребли Хоббс и Виклей...

— Но эти двое вне подозрений.

— Да, — подтвердил Хаукинс, — но кто же третий? Третьим был Вэн Мод!

Глава X

Фении [\[151\]](#)

В 1867 году была создана тайная организация «Ирландское революционное братство». Ее члены, ирландские революционеры — фении, поставили перед собой цель освободить Ирландию от гнета Великобритании.

Еще два века тому назад католики Зеленого острова, как называют Ирландию, подверглись преследованиям. Тогда солдаты Кромвеля хотели навязать ирландскому народу свои реформы. Ирландцы, оставаясь верными своей религии и политическим убеждениям, начали сопротивление. Прошли годы, положение ирландцев не улучшилось, грубый нажим Англии чувствовался все сильнее. В конце XVIII века, в 1798 году, разразилось восстание, которое было подавлено. Это привело к роспуску ирландского парламента, защищавшего принципы независимости Ирландии. Но в 1829 году появился ее новый защитник, имя которого быстро облетело весь мир. О'Коннел заседал в палате общин. [\[152\]](#) Там раздался его голос против английской жестокости, голос в поддержку пяти миллионов католиков, составлявших три пятых населения Ирландии.

О'Коннел умер в 1847 году, так и не закончив начатого дела. Через двадцать лет после его кончины Соединенное Королевство вновь оказалось под угрозой восстания, и на сей раз не в Ирландии, а в самой Англии, в Манчестере. Над городом взвилось знамя фениев. Это восстание, как и первое, было подавлено, и столь же жестоко. Его вождей Аллена, Келли, Дири, Ласкина, Горльда — схватили; первых трех приговорили к смертной казни. Тогда же были арестованы и еще два лидера сопротивления — Барке и Кэзи. Их заключили в тюрьму Клеркенуэл. Однако соратники не покинули их. Стремясь освободить товарищей, они взорвали тюремные стены. Во время взрыва пострадало около сорока человек, были убиты и ранены.

Барке бежать не удалось, его приговорили к пятнадцати годам каторжных работ. Семеро фениев были арестованы: Уильям и Тимоти Десмонд, Инглиш, О'Киффи, Майкл Барет и одна женщина — Анна Джастис. На суде их защищал знаменитый Брайт, который перед тем отстаивал в парламенте права Ирландии. Однако усилия адвоката пропали даром. В апреле 1868 года смертный приговор был вынесен

двадцатилетнему Майклу Барету.

Взрыв в Клеркенуэле изменил отношение британского общества к движению фениев. Преследования его сторонников продолжались.

Но благодаря энергии Брайна и его выступлениям в палате лордов^[153] и палате общин был принят билль^[154] 1869 года. Этот билль объявил о равных правах католической и англиканской церквей. Вскоре вступил в силу закон о землепользовании, разработанный в духе справедливости, подтверждавший название Соединенного Королевства, включающего в себя Англию, Шотландию и Ирландию.

Полиция, однако, не унималась, и фениев безжалостно преследовали. Было раскрыто много заговоров, последовали аресты и депортации. После попытки восстания в Дублине в 1879 году было арестовано значительное число членов тайных организаций. Среди них оказались О'Брайн и Маккарти, Суд был суров и приговорил их к вечной каторге. Так они попали в Порт-Артур. Как выразился французский мореплаватель Дюмон-Дюрвиль, «приговоры, которые были вынесены ворами и фальшивомонетчикам оказались недостаточно строгими для политзаключенных. Они оказались недостойны жить среди себе подобных и были обречены на жизнь среди убийц и неисправимых разбойников».

Вот уже восемь долгих лет отбывали каторгу ирландцы О'Брайн и Маккарти, они стойко сносили всю жестокость каторжного режима. На родине О'Брайн служил начальником цеха на фабрике в Дублине. Маккарти был портовым рабочим. Оба отличались редкой энергией, но оба понимали, что вернуть себе свободу они смогут только лишь при содействии извне. Тем временем фениев уже давно искали способы вырвать своих братьев из оков. Так в конце 1867 года О'Брайн и Маккарти получили предупреждение о том, что такая попытка будет сделана друзьями из Сан-Франциско.

Дело в том, что среди констеблей был ирландец, который ради спасения своих товарищей поступил охранником в Порт-Артур. Среди фениев такая солидарность не является редкостью. Разве не сбежали из Австралии шестеро политзаключенных благодаря четко организованной эстафете, благодаря передачи их от товарища товарищу, разве, в конце концов, не поднялись они на борт «Каталпа», который вступил в бой с полицейским судном и все-таки доставил беглецов в Америку?

Вот уже восемнадцать месяцев служил ирландец Фарнам констеблем, добился, чтобы его назначили охранником в барак, где размещались его соотечественники. Не сразу поверили О'Брайн и Маккарти, что перед ними не провокатор, не так просто было Фарнаму добиться их доверия. Но все

это уже осталось позади, когда охранник-ирландец получил известие от братьев по борьбе о подготовке побега, о чем вскоре смог предупредить О'Брайна и Маккарти.

Карл и Питер Кип, начав работать в тюремной канцелярии, вскоре узнали историю двух ирландцев из документов, которые теперь проходили через их руки.

— Теперь ты понимаешь, почему они отказались пожать нам руку? — сказал Карл, закрывая папку с делом Маккарти.

— Я прекрасно их понимаю, — ответил Питер, — мы ведь для них убийцы, которым тюрьмой заменили виселицу!

Прошел уже год, как из Сан-Франциско пришло известие об организации побега, когда наконец Фарнам мог передать заключенным следующее сообщение: через две недели пароход «Иллинойс» пойдет из Сан-Франциско на Тасманию. Он бросит якорь в Хобарте и будет ждать благоприятных условий, чтобы подойти к полуострову. О дне и месте ирландцев предупредят.

Эту радостную весть принес Фарнаму человек, который подошел к нему, когда Фарнам был в увольнении. Человек этот назвал охранника по имени и сказал свое Уолтер. Фарнам знал, что это пароль, и выслушал незнакомца.

Можно себе представить радость ирландцев при подобном сообщении. В этих широтах апрель не отличается сильными волнениями океана. Две недели, сказал Уолтер, и пароход будет здесь!.. А что такое эти две недели после восьми лет, проведенных в аду Порт-Артура! Оставалось ждать и действовать по обстоятельствам.

Прибытие «Иллинойса», по мнению Фарнама, не может вызвать подозрений. Он бросит якорь в Хобарте, как обычный корабль, а когда вновь выйдет в открытое море, морские власти ни о чем не заподозрят.

Прошло две недели. Уолтер больше не появлялся. В каком волнении жили ирландцы все эти дни! Когда их подразделение работало на берегу, как жадно вглядывались они в океан, пока грубый голос начальника охраны не напоминал им о работе.

В тот день большая часть заключенных была направлена на рубку леса в пяти милях южнее тюрьмы. Там администрация намеревалась возвести ферму — всего в полумиле от берега. Братья Кип тоже находились на вырубке, следя за тем, чтобы место постройки точно соответствовало плану, разработанному в канцелярии. Около сотни заключенных шли под командой двадцати констеблей и командира. Как обычно, каторжники прикрепляли ножную цепь к поясу, чтобы можно было двигаться.

Как только человеческое стадо достигло того места, где должна была располагаться ферма, началась работа. Карл и Питер Кип под присмотром охранника делали насечки на деревьях, которые подлежали рубке. Начинало холодать. Дул сильный ветер, и к резкому запаху хвои примешивался запах моря. Слышался гул прибоя о прибрежные скалы, над которыми летали морские птицы.

Вот уже несколько месяцев, как вступила в действие дорога между Порт-Артуром и той частью полуострова, где находилась колония; дорога довольно оживленная, так как она использовалась разными земледельческими хозяйствами. Здесь часто останавливались прохожие, глядя на работу заключенных — разумеется, на расстоянии. Среди этих прохожих О'Брайн и Маккарти заметили человека, который несколько раз прошел по дороге туда и обратно. Уолтер? Они его не знали, но Фарнам сразу узнал и, боясь совершить неосторожный шаг, не терял его из виду. Наконец Уолтер вынул руку из кармана, сорвал с дерева листок и, покрутив его, небрежно бросил под дерево.

Все это не ускользнуло от внимания Фарнама, ибо при первой встрече с Уолтером он был предупрежден, что, если не удастся встретиться лично, то Уолтер бросит под дерево записку, завернутую в древесный лист.

Фарнам, не выпуская из виду дерево, под которое был брошен листок, лихорадочно прикидывал, как к нему подойти. Его беспокоило, что кто-нибудь заметит, что в лист дерева завернута записка. Тогда ее сейчас же передадут начальнику охраны. Будет немедленно поднята тревога и установлена особая слежка как внутри, так и вокруг тюрьмы. Заключенных не будут выпускать из бараков. Когда «Иллинойс» спустит лодку за двумя беглецами, никого не будет на берегу. И, прождав напрасно несколько часов, корабль уйдет в море.

Солнце садилось. Приближалось время окончания работ. Если Фарнаму не удастся поднять записку сегодня, завтра будет поздно. Ветер унесет и листок и записку.

Последние лучи солнца исчезали за горизонтом, когда Фарнам, делая вид, что ему хочется размяться, отошел на несколько шагов в том направлении, где лежала записка. Потоптавшись немного, он с беззаботным видом двинулся дальше. Никто не обратил на него внимания. Вот он подошел к дереву, наклонился, среди сухих листьев был один зеленый листок смятый, разорванный, тот, в который был завернут маленький клочок бумаги.

Но его там не оказалось... Когда Фарнам вернулся к своему отряду, О'Брайн и Маккарти все поняли без слов.

Глава XI

Записка

Записка, подброшенная Уолтером, попала к братьям Кип.

Пока заключенные валили лес, Карл и Питер маркировали деревья согласно плану строительства. Под одним из них Питер вдруг заметил свернутый зеленый листок, из которого высывалась бумага. Он поднял листок, развернул его и прочел записку.

«Послезавтра, 5 мая, всем троим подойти к мысу Сент-Джеймс, на восточном берегу бухты Сторм, куда будет прислана лодка. Если погода не позволит кораблю сняться с якоря в Хобарте и войти в бухту, ждать его появления с заката до восхода солнца.

Да хранит Господь Ирландию и да поможет Он вашим американским друзьям!»

Прочтя, он быстро оглянулся и, убедившись, что никто его не видел, спрятал бумагу в карман.

Когда Карл подошел к Питеру, он сказал:

— Готовится побег! Но речь идет не о ворах и убийцах, а, по-видимому, о двух ирландцах, которым друзья подготовили побег! Правда, их только двое, а в записке говорится о троих.

— Но кто же третий?

— Третий, — задумчиво проговорил Питер, может быть тот, кто доставил записку. Это может быть тот самый человек, которого мы заметили, когда он ходил взад и вперед по дороге... Он, видимо, искал возможности передать им записку.

Тут братья заметили, что ирландцы перебросились несколькими словами со стражником. Мелькнула догадка — это констебль Фарнам, ведь он тоже ирландец...

Да! Конечно, готовился побег ирландцев, двух политзаключенных и констебля Фарнама!.. Он, по-видимому, и должен создать условия для побега пятого мая, то есть через тридцать шесть часов. Туда, в бухту Сент-Джеймс, придет лодка, спущенная с корабля. Если сильное волнение не позволит судну сняться с якоря в Хобарте, нужно будет ждать до следующего дня или дольше.

— Брат, — заметил Питер, — ты забыл, что никто из них не знает того, что ты только что сказал!..

— Да, Питер, но их надо предупредить! И они будут предупреждены!

— Завтра, Карл, мы должны найти возможность передать им записку.

— Послушай, — тихо сказал Карл, — а почему бы и нам не убежать с ними?

Питер Кип ждал этого вопроса. Он и сам об этом думал, не взвешивая пока все «за» и «против». Но ведь для фениев они были преступниками, и помочь их бегству значило освободить убийц капитана Джибсона. Кроме того, имели ли они право бежать теперь, когда мистер Хаукинс старается добиться пересмотра их дела? Да, но ведь это он верил в будущее, а Карл, разве он разделял его надежду? Нет, он не хотел и не мог ждать столь сомнительной и далекой реабилитации.

Наконец Питер заговорил:

— Послушай меня, брат, вот что я думаю. Даже если они поверят, что мы не донесли коменданту, что за оградой лагеря их не ждет засада и с благодарностью примут от нас записку, все равно ведь они считают нас убийцами! Ну хорошо, допустим, побег удастся, и мы окажемся на свободе, но будет ли это свобода в настоящем смысле слова? Нам придется скрываться под чужими именами, а наши приметы станут известны в полициях всего мира, и мы будем жить под угрозой быть пойманными. Когда я думаю о подобном существовании, я спрашиваю себя, не лучше ли остаться на каторге, ждать и надеяться, что наша невиновность будет доказана.

Карл Кип молчал. Страшная борьба происходила в его душе. Он признавал разумность доводов Питера. Их жизнь, даже если побег удастся, будет ужасной! Но отказаться от единственного шанса получить свободу было не так легко. Наконец Карл оставил колебания. Он согласился с братом. Да, для всех, даже для Хаукинса, их побег будет означать признание вины.

На следующий день О'Брайн, Маккарти и Фарнам каждую минуту были готовы к тому, что за ними придет офицер. Было воскресенье, день, когда заключенных не посылали на работы. Согласно распорядку они шли к обедне, а после службы могли остаться некоторое время во дворе. Когда прозвонил церковный колокол, ирландцы немного успокоились: если до сих пор их не отвели на допрос, значит, капитан о записке пока не знал. Возможно даже, ее просто унесло ветром.

Тем временем Карл и Питер Кип выжидали момент, чтобы подойти к ирландцам. Они надеялись, что смогут передать записку, когда служба

кончится и заключенные выйдут во двор. Но пастырь еще не кончил проповедь, когда начался ливень. Выйдя из церкви, ирландцы вместе со всеми заключенными, спасаясь от проливного дождя, бегом устремились на завтрак. После завтрака все столпились в помещении, не торопясь под дождь. Ни Карл, ни Питер не могли подойти к ирландцам из-за толпившихся рядом людей и охранников, которым в помещении легче было наблюдать за арестантами. Обоих сверлила мысль о том, что завтра лодка уже будет ждать беглецов в бухте Сент-Джеймс.

Как добраться до бухты, братья Кип прекрасно знали и мысленно представляли себе, как завтра незадолго до наступления темноты и окончания работ Фарнам под каким-либо предлогом отойдет с ирландцами к краю опушки. Никто ничего не заподозрит, ибо каторжане будут под охраной констебля. А потом, когда все тронутся в обратный путь, никто, может быть, и не заметит отсутствия трех ирландцев. Правда, если не повезет и начальник охраны заметит их отсутствие, он немедленно даст сигнал тревоги. Но в потемках и в густом лесу найти следы беглецов будет не просто.

Когда колонна вернется в тюрьму и охрана обнаружит побег, тревога будет объявлена по всему полуострову. Но так как берег находится всего в полумиле от опушки, беглецы успеют уже добраться до мыса. Лодка уже будет ждать их, и достаточно нескольких ударов весла, чтобы подойти к «Иллинойсу». Понадобится, правда, еще целая ночь, чтобы судну выйти из бухты, но на рассвете они уже будут далеко в открытом море.

Оставалось только предупредить ирландцев, иначе завтра будет поздно. Впрочем, можно попытаться еще завтра утром, во время рубки леса, когда они будут маркировать деревья.

К шести часам вечера, после дождливого дня, тучи рассеялись, и заключенные вышли во двор, чтобы немного подышать перед тем, как их запрут в душных бараках. Карл и Питер вышли вместе со всеми.

Там и тут группами стояли заключенные. О чем они говорили? О прошлом? Зачем? О настоящем, но что они могли изменить?.. Они говорили о будущем! О будущем... что они там видели?.. Карл и Питер незаметно наблюдали за ирландцами. Недалеко от них прохаживался охранник Фарнам. Пока он был рядом, братья не решались подойти к ирландцам, ибо их предположение о его причастности к побегу оставалось пока только предположением.

А время шло. Вдруг начальник охраны окликнул Фарнама, и охранник удалился. Ирландцы, не в силах справиться с волнением, тоже сделали несколько шагов к воротам. И остановились в темном углу, где их никто не

видел и не слышал. Питер Кип быстрым шагом подошел к ирландцам и быстрым движением взял О'Брайна за руку. Тот инстинктивно отдернул руку и вдруг почувствовал, что в ладони у него листок бумаги. Питер тихо сказал:

— Вчера я подобрал записку под деревом. Никто ничего не знает, кроме меня и брата. У вас еще есть время.

О'Брайн все понял, но медлил с ответом. И тогда Карл Кип, встав между ним и Маккарти, сказал:

— Мы не убийцы, господа, и, как видите, не предатели!

Глава XII

Мыс Сент-Джеймс

На следующий день около семи вечера три ракеты взвились над высокой тюремной оградой. За ними последовали три пушечных выстрела. Это был сигнал тревоги. Весь полуостров Тасман узнал о побеге каторжан. Посты были связаны между собой патрульной службой, констебли с собаками на поводках прочесывали лес. Все меры были приняты к тому, чтобы помешать беглецам уйти с полуострова.

К тому же на море поднялось волнение, и на бегство морским путем нельзя было рассчитывать. Ни один корабль не рискнул бы приблизиться к берегу. Итак, поскольку единственным местом, где могли укрыться беглецы, оставался лес, никто не сомневался, что скоро они будут пойманы и возвращены на каторгу. Сильный юго-западный ветер гнал огромные волны.

Отсутствие двух заключенных заметили только на вечерней перекличке. Когда колонна возвращалась в лагерь, никто еще не знал, что она недосчитывает трех человек, включая охранника Фарнама.

Впрочем, когда побег обнаружился, никому не пришло в голову, какую роль мог сыграть в этом охранник. Капитан Скиртл и начальник охраны не сомневались, что ирландцы избавились от него, чтобы он не помешал им бежать.

Бегство О'Брайна и Маккарти вызвало зависть у всех обитателей лагерных бараков. Его обсуждали на всех нарах, несмотря на усталость и сон. Успели ли они скрыться с полуострова? А может быть, спрятались в лесу, ожидая помощи извне? О чем говорили в бараках, о том же говорили и братья Кип в своей камере. Но только они знали то, чего никто не знал. Лодка должна была подобрать беглецов на мысе Сент-Джеймс. Смогла ли она причалить?

— Нет, невозможно! — утверждал Карл Кип. — При таком ветре даже пароход не рискнет подойти близко к берегу!

— И что же, — заметил Питер Кип, — эти несчастные должны будут провести всю ночь на мысе?

— Ночь и следующий день, Питер, дожидаясь следующей ночи. А кто знает, утихнет ли ветер за одни сутки?

В долгие часы ночи ни один из братьев не сомкнул глаз. Пока

штормовой ветер бил в окно их камеры, они все время прислушивались, не раздастся ли шум шагов, не приведут ли констебли несчастных, пойманных и возвращенных в тюрьму?

А бегство осуществлялось так.

Около шести часов вечера, когда лес уже погружался в сумерки, а отряды каторжан готовились строиться в колонны, Фарнам подошел к ирландцам и что-то им тихо сказал. Потом все трое отошли к краю опушки и остановились у дерева, которое надо было срубить. Начальник охраны ничуть не обеспокоился, видя, что заключенные пошли под охраной. Они и остались у этого дерева до тех пор, пока не началось построение. Никто не заметил, что ни один из троих не присоединился к колонне.

Воспользовавшись темнотой, беглецы смогли скрыться в чаще, стараясь не выдать себя звоном цепей, которые были у них на ногах. Когда патруль прошел, беглецы осторожно двинулись, останавливаясь и прислушиваясь к малейшему шуму. Так дошли они до вершины холма, обрывавшегося к морю мысом Сент-Джеймс.

Из-за низкой облачности темнота была полной.

Около половины седьмого ирландцы внимательно осмотрели бухту. Корабля не было. Во всяком случае, так им показалось вначале, но скоро вдалеке они заметили мерцавшие огоньки и предположили, что это бортовые огни судна.

— Фарнам, — спросил Маккарти, — мы действительно в бухте Сент-Джеймс?

— Да, но я сомневаюсь, что есть возможность причалить!

Да и как смели они надеяться, когда штормовой ветер обрушивал на берег валы воды и пены! И все-таки ирландцы спустились вниз и стали у самой оконечности скалы. Это был узкий мыс, с углублениями; покрытыми водой, который тянулся на две-три сотни футов, образуя маленькую бухточку, открытую с северной стороны. Если бы лодка смогла пройти мимо скал, о которые со страшной силой бились огромные волны, то здесь можно было бы пристать к берегу.

Придя сюда, беглецы укрылись под высокой скалой. Письмо Уолтера предписывало им быть здесь, и они сюда пришли, хотя и не очень надеялись на то, что их не поймают сегодня же вечером. Тем более что их избавители предвидели возможность бури, и на этот случай предупредили в записке:

«Если погода не позволит судну выйти из Хобарта и войти в бухту ждать его появления от захода до восхода солнца».

- Поищем укрытия, — предложил О'Брайн.
- Только не удаляясь от мыса, — сказал Маккарти.
- Есть такое укрытие, — заявил Фарнам.

В прошедшую ночь он уже побывал на этом диком и пустынном берегу, разыскивая какое-нибудь углубление в скале, где можно будет укрыться в ожидании лодки. Фарнам нашел такое место и оставил там немного еды — хлеб, консервы, купленные в Порт-Артуре, и кувшин, который он наполнил в соседнем ручье. Однако в полной темноте, под порывами ветра найти эту расщелину оказалось не просто. Беглецы прошли весь берег, вглядываясь в мокрую поверхность скалы.

- Здесь, — вдруг сказал Фарнам.

И мгновенно все трое проскользнули в щель глубиной в пять-шесть футов и укрылись от бури. Продукты были на месте. Только вот не затопит ли их во время прилива?

Едва они устроились, как раздались три пушечных залпа.

- Побег обнаружен! — воскликнул Маккарти.
- Да, теперь известно, что мы сбежали!.. — добавил О'Брайн.
- Но еще не пойманы, — сказал Фарнам.
- И так просто не сдадимся! — заявил О'Брайн.

Прежде всего двум каторжникам следовало избавиться от цепи. Фарнам вынул напильник.

После усердной работы О'Брайн и Маккарти впервые за последние шесть лет оказались без этих тяжелых каторжных пут.

Тем временем стало совершенно очевидно, что этой ночью корабль не рискнет подойти к берегу. Но возбуждение беглецов было столь велико, что они все равно внимательно осматривали бухту. Несколько раз, забыв про опасность, выходили они из укрытия и вглядывались в темноту, надеясь увидеть огни корабля. Возвращаясь в убежище, они задавали себе один и тот же вопрос: обшарив окрестности тюрьмы и прочесав лес, не пойдут ли констебли на осмотр берега?

Ночь была дождливой и холодной. Беглецы страдали от холода, но со страхом ожидали прихода дня. Лай, который иногда доносился до них, говорил о том, что псы спущены с цепи. Беглецы могли надеяться только на то, что дождь помешает им взять след. После полуночи вода стала подниматься и заливать убежище. Некоторое время беглецы были по щиколотку в воде. Потом вода постепенно отступила.

Перед восходом буря стала понемногу стихать. Подул северный ветер, и бухта стала вполне доступной для судов. Появилась надежда, что море

успокоится. Когда рассвело, стало очевидно, что корабль может пройти в бухту. Оставалось дожидаться вечера.

Фарнам разделил продукты на три части, стараясь экономить на случай, если придется ждать корабля больше сорока восьми часов. Зато запасы питьевой воды можно пополнить вечером у источника.

— Попробуем порассуждать, обратился О'Брайн к своим товарищам. — Никто не знает, что из Америки пришел корабль за нами и что свидание нам назначено здесь. Итак, что можно предположить? Что мы спрятались в лесу, и, следовательно, поиски следует продолжать скорее там, чем на берегу.

— Я тоже так думаю, сказал Фарнам. Уолтера мы встретили два дня назад. Вернулся ли он в Хобарт? Если вернулся, то сказал капитану, что мы будем на мысе Сент-Джеймс вечером в понедельник.

— Наверняка, — заметил Маккарти, — ибо если бы Уолтер не вернулся в Хобарт, он сообщил бы нам об этом сегодня ночью! В такой темноте он бы прошел через патрули.

— Я тоже думаю, что Уолтер отбыл из Порт-Артура на одном из пароходов, — заявил О'Брайн. Значит, нам остается только ждать, С наступлением ночи корабль войдет в бухту.

— Да поможет нам Бог! — сказал Фарнам.

К часу дня погоня явно приблизилась. Голоса уже раздавались на холме, в сотне футов от того места, где укрылись беглецы. Вдруг послышался лай собак и голоса их хозяев!

Страшно было подумать, что собаки могут выйти на берег, где они сразу возьмут след и приведут констеблей к расщелине. А какое сопротивление могли оказать трое безоружных людей дюжине вооруженных полицейских? Они будут немедленно схвачены и отправлены обратно на каторгу. А что ждало их там... это они себе слишком хорошо представляли. Двойная цепь и темница для О'Брайна и Маккарти. Смерть Фарнаму как пособнику побега! Все трое стояли молча, буквально вжавшись в скалу. Другого убежища не было. А чтобы не возвращаться в тюрьму, им оставалось только броситься в море! Да! Все что угодно, только не попасть в руки констеблей.

Голоса слышались совершенно явственно. К словам людей примешивался лай собак.

— Сюда! Сюда! — звал один.

— Спусти собак, — отвечал другой, и прочедем берег, прежде чем возвращаться...

— Да зачем бы они сюда пришли? — ответил грубый голос, который

Фарнам сразу узнал. — Не вплавь же они спаслись... да нет, искать надо в лесу!

— Кто его знает, может, они там спрятались в какой-нибудь дыре?

Теперь слова были слышны хуже, но рычание псов приближалось. Все трое молили о счастливой случайности, которая бы спасла их... С берега их впадину не было видно. Может быть, констебли поспешат пойти по более верному следу...

Собаки свирепо лаяли, одна даже бросилась вдоль холма, но остальные за ней не последовали. Почти тут же начальник охраны отдал распоряжение вернуться на тропинку. Вскоре лай собак и голоса людей стихли. Слышен был только прибой, бьющийся о скалы.

Глава XIII

Побег

Опасность отодвинулась, но не исчезла. После того, как преследователи прочешут лес, они, безусловно, вернутся на берег.

Как уже было сказано, если побег и удавался когда-нибудь в Порт-Артуре, то всегда морем. Либо заключенным удавалось достать лодку, либо они строили плот и добирались до противоположного края бухты. Попытка пересечь перешеек еще никому никогда не удавалась. А те, кто пытался скрыться в лесах, бывали пойманы через несколько недель. Комендант все это знал, и, только когда из-за непогоды побег морем был невозможен, беглецов искали в лесах. Но теперь море успокоилось, и отряд констеблей наверняка начнет с завтрашнего утра осмотр побережья.

С какой тоской и надеждой повторяли это себе трое беглецов! Как нескончаемы казались им часы после полудня. Они все время прислушивались к малейшему шуму, казавшемуся им то лаем, то звуком шагов. Ежеминутно они ждали этих страшных зверей, готовых кинуться на них! Потом вдруг надежда возвращалась. Не вылезая из своего убежища, они пристально следили за кораблями, которые курсировали в бухте. Прошло несколько парусников, подгоняемых легким бризом. Ирландцы знали, что судно, которое стояло на рейде в Хобарте, был американский пароход «Иллинойс». Поэтому все ждали появления дыма на горизонте, дыма, который единственно мог означать приближение корабля, которого так ждали эти люди.

Но было еще слишком рано. До наступления темноты нечего было и надеяться увидеть пароход.

— Но знают ли на корабле, что нам удалось бежать? — размышлял Маккарти.

— Не сомневайтесь, ответил Фарнам. Вот уже двадцать шесть часов, как мы здесь, и новость давно известна в Хобарте. Правитель предупрежден телеграммой. Если пароход не смог выйти из порта из-за плохой погоды, то теперь он уже в пути.

— Уже пять часов, — заметил О'Брайн, — и часа через полтора мыса не станет видно. Как же капитан сможет спустить лодку?

— Я не сомневаюсь, что капитан все предусмотрел, — заметил Фарнам, или он сам, или кто-то из матросов знает побережье настолько, что

сможет и ночью...

— Дымок! — воскликнул Маккарти.

На северо-западе появилось облачко, окрашенное заходящими лучами солнца.

— Это он? «Иллинойс»? — повторял О'Брайн, который чуть не выскочил на берег, но Фарнам вовремя удержал его.

Через бухту обычно проходило много пароходов. А этот? Шел ли он к бухте или выходил в открытое море? Волнение беглецов было сильнее, чем тогда, когда констебли чуть-чуть не спустились на берег! Никогда еще мечта не казалась столь осуществимой. Пароход явно направлялся на юго-восток, к бухте. Меньше чем через полчаса они смогут увидеть его! По негустому дыму можно было сказать, что корабль не увеличивал скорость. Но «Иллинойсу» и не нужно идти на всех парах... К ночи он, похоже, окажется в нескольких кабельтовых от мыса. И тогда лодка, не рискуя быть замеченной, подойдет к берегу.

И вдруг О'Брайн вскрикнул в отчаянии:

— Это не он! Это не «Иллинойс»!

— Почему? — спросил Фарнам.

— Смотрите!

Пароход изменил направление, он маневрировал, направляясь в открытое море.

И вот после целого дня ожидания наступала ночь! Пропала надежда на то, что час освобождения близок, что скоро они будут на борту корабля. Пароход уходил от полуострова!

Итак, это был другой пароход. Американский, о котором говорил Уолтер, стоял еще на хобартском рейде. Но ведь еще есть время! Он может прийти среди ночи! Итак, они снова будут ждать.

Солнце уходило за горизонт. В это время года закатные лучи недолго освещают землю. Вскоре все должно было погрузиться во тьму. Луна находилась в последней четверти и не должна была появиться раньше трех утра. На землю опустится полная темнота.

Легкий ветерок чуть шевелил поверхность моря. В мертвой тишине беглецы слышали бы шум мотора и удары весел даже на расстоянии двух-трех миль. О'Брайн не мог больше оставаться на месте. Он осторожно пополз по песку к мысу, к мокрым камням, покрытым водорослями; был отлив, и камни на две-три сотни шагов уводили в глубь бухты.

Скоро О'Брайн также ползком вернулся к расселине и прерывающимся от волнения шепотом проговорил:

— На мыс! Мне показалось... да, лодка приближается!

— С какой стороны?

— С той. — Он показал на северо-запад. — Это было то направление, откуда должна была появиться лодка. Не теряя ни секунды, все трое покинули укрытие.

— Да, это удары весел! — сказал Фарнам, когда они приблизились к скользким камням на мысу.

— И это лодка с «Иллинойса»! — ответил О'Брайн.

Это могла быть только лодка, но напрасно беглецы искали глазами корабль. Может быть, он остановился в миле от мыса, опасаясь прибрежных скал? Надо было просто стоять на самом краю и слушать приближение лодки...

И тут сверху, с холма, раздался лай собак и голоса людей.

Появилась дюжина констеблей с овчарками. Они вернулись на берег. Беглецы поняли, что их обнаружили. Возможно, когда они бежали по берегу... Единственным шансом на спасение был скорейший приход лодки, но, увы, от них это не зависело! Да успеет ли лодка взять их раньше, чем констебли?! И посмеют ли матросы причалить, слышав шум борьбы? И хватит ли у них сил вырвать узников из рук стражи и доставить на борт корабля?!

Дрессированные на травле людей и поимке беглецов псы ринулись на берег со страшным лаем. В то же мгновение появились констебли с револьверами. Они кричали:

— Они здесь! Все трое!

— На мыс! На мыс!

— Вон подходит лодка!..

О'Брайн не ошибся, лодка подходила к берегу. Она пыталась причалить в маленькой бухточке у мыса. Констебли не сомневались, что лодка пришла за ирландцами. Вдали они увидели корабль.

К тому часу несколько отрядов заключенных, как обычно, еще находились на вырубке, откуда был виден холм. Двое каторжан, стоявших на опушке, внимательно вглядывались туда, откуда раздавался лай собак.

— Несчастные, их увидели! — воскликнул Карл Кип.

В этот момент констебли, оставив отряды заключенных, бросились к берегу. В общей суматохе братья Кип незаметно последовали за ними. Добежав до холма, они залегли и смотрели вниз, на берег.

Да, лодка приближалась, держа курс на мыс Сент-Джеймс.

— Не успеют! — сказал Карл Кип.

— Несчастные, их сейчас схватят, — добавил Питер.

— Неужели мы не сможем им помочь?

Едва услышав эти слова, Карл схватил брата за руку:

— Иди за мной!

Через минуту оба были на берегу.

Лодка уже подошла к маленькой бухточке на мысе. Несмотря на то, что офицер видел констеблей, он и не подумал остановиться, прекрасно понимая, что ирландцы уже второй день ждут его здесь. Матросы налегли на весла, они выбивались из сил, чтобы опередить констеблей.

Когда они причалили, было уже поздно. Беглецов схватили и вели к холму.

По приказу командира матросы, вооруженные кинжалами и револьверами, бросились им вдогонку. Вспыхнула ожесточенная схватка. Восемь американцев да трое ирландцев против двух десятков констеблей, не считая собак. А те, пожалуй, еще опаснее стражников. Поэтому первые выстрелы матросы направили на овчарок. Два пса упали, а остальные бросились бежать, оглашая воздух страшным рычанием.

Пока шел этот бой, беглецов волокли к холму. Как вдруг два человека преградили путь конвоирам. Карл и Питер бросились на стражников и освободили ирландцев.

Снова раздались выстрелы, упали раненые и с той и с другой стороны. И все же победа американцев была сомнительна. А если они не отобьют ирландцев, то не только беглецы, но и сами матросы станут узниками Порт-Артура за организацию побега.

К счастью, шум выстрелов и лай собак слышали и на корабле. Капитан подошел на два кабельтовых и спустил на воду вторую лодку с дюжиной матросов. В считанные минуты лодка подошла к мысу, и положение сразу изменилось.

Констебли отступили, унося раненых. Карл и Пит еще стояли на берегу, когда офицер и матросы вместе с ирландцами сели в лодку и отчалили. О'Брайн увидел их и крикнул офицеру:

— Они спасли нас!

Братья не успели опомниться, как по знаку офицера матросы затащили их во вторую лодку.

Скоро «Иллинойс» вышел из бухты, обогнув мыс, и с наступлением ночи уже шел на всех парах по Тихому океану.

Глава XIV

Последствия дела

Вот уже несколько месяцев, как в Хобарте вновь заговорили о деле Кип.

Не то чтобы в умах произошли изменения, не то чтобы публика поверила в то, что братья Кип не были убийцами капитана Джибсона, нет! Знали только, что мистер Хаукинс уверен в их невиновности. Теперь уже ни для кого не было секретом, что судовладелец продолжал расследование, что он не прекращал действовать в пользу братьев, обращаясь к губернатору Тасмании, его превосходительству сэру Эдварду Карригану, который охотно его выслушивал. И хотя уже раздавались голоса: «А что, если мистер Хаукинс прав?», все-таки виновность братьев не вызвала сомнений для большинства горожан. И дело это давно уж было бы забыто, если бы судовладелец не ходатайствовал о его пересмотре.

Надо сказать, что посещение Порт-Артура только усилило уверенность мистера Хаукинса. Его беседы с комендантом лагеря о поведении братьев в тюрьме, самоотверженный поступок Карла, благодаря которому их режим был смягчен, достоинство, с которым они держались во время разговора, их неослабное желание найти истинных преступников — все это лишь убеждало Хаукинса в собственной правоте. Да и не мог он забыть первую встречу с потерпевшими кораблекрушение, их поведение во время нападения папуасов и, наконец, то, что своим спасением во время бури и бунта под руководством Флига Балта корабль был обязан Карлу Кипу! Нет, ничто не сможет его поколебать! Если даже он будет единственным, кто в это верит. Он раскроет эту тайну и спасет невинных людей из порт-артурской тюрьмы.

Миссис Хаукинс разделяла взгляды мужа и все время подбадривала его, не обращая внимания не только на общественное мнение, но и на позицию Ната Джибсона, который был совершенно убежден в виновности братьев Кип. Как ни уважал он судовладельца, как ни считался с ним, но все же отдавал предпочтение фактам, а не рассуждениям, основанным на моральных соображениях. Поэтому, когда Хаукинс высказал ему свои соображения в отношении Флига Балта и Вэна Мода, Нат сказал только:

— Мистер Хаукинс, деньги и оружие, которым отец был убит, все нашли в сундуке братьев Кип. Стало быть, надо доказать, что Флиг Балт и

Вэн Мод их туда положили, а это недоказуемо.

— Кто знает, мой бедный Нат, кто знает?

Как ни пытался мистер Хаукинс, ему так и не удалось убедить молодого человека, ибо не было у него главной улики против Вэна Моды. Он так и не доказал, что тот навещался в трактир, где жили братья. А ведь мистер Хаукинс много раз беседовал с трактирщиком. Но тот не помнил даже, была ли занята соседняя комната, когда братья Кип жили у него. Никто никогда не видел Вэна Моды в этом трактире.

Таково было состояние умов, и таковы были шаги, предпринимаемые мистером Хаукинсом с такой настойчивостью, которая напоминала навязчивую идею. И вот утром седьмого мая неожиданная новость распространилась по городу.

Начальник Порт-Артура сообщал телеграммой, что из Порт-Артура совершен побег. Двое политзаключенных и один констебль, их соотечественник, совершили побег при помощи американского парохода, присланного их друзьями. В то же время два других каторжника, воспользовавшись суматохой, бежали вместе с ними. Эти двое были уголовные преступники — голландцы Карл и Питер Кип.

Братьев, конечно, узнали, когда во время схватки они прибежали на помощь ирландцам. Но кто мог поверить, что они не были в сговоре с фениями при организации побега? Нет, это казалось невероятным. Именно так расценили происшедшее констебли и сам комендант лагеря, о чем он и сообщил в своем рапорте. Рапорт немедленно направили его превосходительству Эдварду Карригану.

Не описать эффект, произведенный этой новостью в Хобарте и во всей Тасмании. Мистер Хаукинс узнал о ней одним из первых. Когда на приеме у его превосходительства он прочитал депешу, она выпала у него из рук. Когда к нему вернулся дар речи, он воскликнул:

— Они... да! Я их понимаю... я понимаю, что они хотели получить свободу. Друзья пришли им на помощь... они подготовили этот побег... более того, я это одобряю!

— Что вы такое говорите, дорогой Хаукинс, вы забыли, что речь идет о врагах Англии!

— Да, это правда, это правда, я не должен был говорить этого в вашем присутствии. Но фении, будучи политзаключенными, не могли ожидать никакого помилования! Они пожизненно были отправлены в Порт-Артур, в то время как Карл и Питер Кип... Нет, они не могли присоединиться к этому побегу! Может быть, это ошибка?

— Нет, это совершенно точно.

— Но ведь Карл и Питер Кип знают о том, что я предпринимаю для пересмотра дела! Что ваше превосходительство интересуется ими, что я посвятил всего себя этому делу!

— Разумеется, мой дорогой Хаукинс, но они, видимо, решили, что вам ничего не удастся, а тут представилась возможность побега.

— Но фении, очевидно, тоже не считали их уголовными преступниками. Они никогда не протянули бы руки убийцам. И капитан американского корабля не взял бы на борт убийц капитана Джибсона!

— Я, право, не знаю, как это объяснить, — ответил его превосходительство. Может быть, мы позже узнаем что-нибудь... Но что совершенно определенно, так это то, что братья Кип бежали из Порт-Артура, и вам незачем больше ими заниматься, дорогой Хаукинс.

— Наоборот...

— Даже после побега вы еще верите в их невиновность?..

— Абсолютно, — ответил Хаукинс непоколебимо. — Да, я понимаю... вы скажете, что я сумасшедший, что я отказываюсь принять очевидное, что этот побег есть формальное доказательство их вины, что они не могли рассчитывать на пересмотр дела, потому что виновны, что они предпочли бежать, как только представился случай...

— В самом деле, очень сложно интерпретировать иначе поведение ваших протеже.

— Так вот нет, нет и нет! Этот побег не признание. В этом есть нечто, что может проясниться в будущем. Я думаю, что они были вывезены помимо своей воли.

— В это никто никогда не поверит.

— Пусть никто, кроме меня! Мне этого достаточно, я не отступлюсь. Да и как я могу забыть, месье, состояние этих несчастных людей, когда я был в Порт-Артуре. Доверие Питера, их вера в мои действия. Как забыть их поведение на «Джеймсе Куке», самоотверженный поступок Карла в тюрьме. Я не оставлю их, и правда всплывет! Нет! Тысячу раз нет! Карл и Питер Кип не проливали крови капитана Джибсона! Они не убийцы!

Сэр Эдвард Карриган больше не настаивал, да и не хотелось ему огорчать Хаукинса. И он завершил встречу, коротко рассказав, как произошел побег.

— Из полученного мной донесения я знаю, что американский пароход «Иллинойс», остановка которого в порту не имела никаких объяснений, встал на рейде. Совершенно очевидно, что раз он снялся с якоря вчера утром, то он и подобрал беглецов в условленном месте. Он, разумеется, привез их в Америку. Там двое фениев и их сообщник как

политзаключенные находятся в полной безопасности, ибо старые традиции ставят их вне международных правил. Но положение двух голландцев совершенно иное. Они уголовники, следовательно, как только будут обнаружены, их немедленно доставят в Порт-Артур, откуда во второй раз им уже не выбраться.

— При условии, ваше превосходительство, что я не смогу до того найти настоящих преступников!

Что можно было возразить против столь предвзятого мнения?..

По логике вещей, прав был сэр Карриган, но Хаукинс отказывался с этим согласиться. Таково было общее мнение. Защитников братьев Кип становилось все меньше, и в конце концов остался всего один. Бегство восстановило людей против них. Всем стало ясно, что они не надеялись на пересмотр дела, и как только представилась возможность бежать, они ею воспользовались. Таковы были последствия этого побега, который обернулся против братьев, став доказательством их виновности.

Понимая, как Хаукинс истолковывает все случившееся, Нат Джибсон вовсе избегал разговоров на эту тему. Но он не мог привыкнуть к мысли, что убийцы его отца сбежали из Порт-Артура, что политзаключенные взяли их в свою компанию и что Америка согласилась предоставить им убежище. Правила выдачи преступников помогут вернуть их в Порт-Артур, где они со всей строгостью заплатят за свое преступление.

Прошло двадцать дней, но об «Иллинойсе» не было никаких вестей. Ни один корабль не встретил его в Тихом океане. В какой порт направлялся этот пароход, куда он высадит преступников никто не знал этого.

Двадцать пятого мая в Хобарт пожаловали господин и госпожа Зигер, которых здесь давно ждали. Они прибыли на борту немецкого парохода «Фауст». Как и прежде, Зигеры заехали прямо к Хаукинсам, где им уже была приготовлена комната, а затем нанесли визит вдове капитана. Нат Джибсон и его мать очень рады были приезду Зигеров. И конечно, речь вновь шла о трагедии на Кераваре. Зигеры ничего не знали о бегстве братьев Кип. Но когда узнали, то реакция была той же самой: значит, суд не ошибся, приговорив их. Однако мистер Хаукинс вновь начал разговор о всех загадочных обстоятельствах покушения:

— Но, честно говоря, дорогой мой Зигер, когда вы узнали, что братья были осуждены как убийцы, вы смогли этому поверить?..

— Конечно нет, мой друг. Это было невероятным! Они всегда казались мне настолько же умными, насколько и честными, казались людьми, которые испытывали глубокую признательность к капитану Джибсону и к вам. Да нет, никогда я не мог подумать, что они виновны.

— А если они и были невиновны? — спросил Хаукинс, глядя прямо в глаза Зигеру.

— Неужели вы еще сомневаетесь в этом?..

— Я убежден, что они не преступники, хотя у меня пока нет доказательств!

После столь категоричного заявления Зигер сказал:

— Послушайте, дорогой мой Хаукинс, Гамбург на Кераваре и я в Порт-Праслине, мы расследовали самые малейшие детали, мы не пропустили ни одного племени, не собрав информацию. Нигде, в том числе и на Новой Британии, ни один из туземцев не может быть заподозрен в убийстве капитана Джибсона.

— А я и не говорю, мой милый Зигер, что преступление совершили туземцы, но оно не было совершено и братьями Кип...

— А кем же? Поселенцами? Матросами?

— Да, матросами.

— Какого же корабля? В то время в порту Керавары стояли всего три корабля, и ни одного — в Порт-Праслине.

— Был... один.

— Какой?

— «Джеймс Кук»...

— Что! Вы подозреваете, что кто-то из ваших людей убийцы?

— Да, Зигер, и именно те, кто нашел на обломках затонувшей «Вильгельмины» оружие, которым и воспользовались. Те самые, кто потом подсунил это оружие в дорожный сундук братьев Кип, а потом и деньги Джибсона.

— Да разве были в составе экипажа люди, способные на такое?

— Были, и в частности из тех, кого боцман Балт набрал в Данидине и кто начал бунт против нового капитана.

— И один из них был убийцей?

— Нет, я обвиняю в этом убийстве Флига Балта.

— Боцмана?..

— Да. Того, кого я назначил командовать бригом и который мог его погубить своим неумением, если бы не вмешательство Карла Кипа. И у него, конечно, был сообщник. Вэн Мод.

Мистер Зигер был очень взволнован. Он спросил, есть ли какие-либо вещественные доказательства? Или это лишь предположения, ничем не подтвержденные? Из всего сказанного выходит, что преступление готовилось заранее.

А ведь если Флиг Балт и хотел отомстить Карлу Кипу, то лишь после

того, как тот подавил бунт на борту.

Это был неоспоримый довод, и Хаукинс уже думал о нем, но отбрасывал его всякий раз, не найдя объяснения.

— Мой дорогой Зигер, — продолжал Хаукинс, когда Флиг Балт и Вэн Мод задумали преступление, кинжал братьев был уже у них, и тогда им пришла в голову мысль воспользоваться им, чтобы потом можно было свалить вину на владельца. Вам не кажется это возможным? У меня просто в этом нет никаких сомнений. К несчастью, — добавил он, — Флиг Балт и Вэн Мод уже больше года, как исчезли из Хобарта. У меня не было времени проследить за ними и получить неопровержимые доказательства, которые привели бы к пересмотру дела. Их невозможно найти.

— Я их видел!

— Видели? — воскликнул Хаукинс, схватив за руки друга.

— Конечно, Флиг Балт и Вэн Мод и остальные матросы с «Джеймса Кука»... я видел их.

— Где?

— В Порт-Праслине.

— Когда?

— Три месяца тому назад.

— И они еще там?..

— Нет, они нанялись на немецкий трехмачтовик «Кайзер» и после двухнедельной стоянки ушли из Порт-Праслина...

— Куда?..

— К Соломоновым островам, но с тех пор я ничего о них не слышал.

Итак, Флиг Балт, Вэн Мод, Лэн Кэннон и их друзья нашли себе судно... в каком порту? Неизвестно... Но зато известно, что они теперь в экипаже «Кайзера» и что этот трехмачтовый корабль несколько недель тому назад стоял в Порт-Праслине. Зигер заметил; что, если они действительно убийцы капитана, они должны были бы побояться возвращения туда, где совершили преступление. А теперь они ушли в тот опасный район, куда раньше, без сомнения, хотели увести наш корабль.

Как теперь обнаружить их следы на судне, название которого они наверняка изменили? Как поймать их? Ведь их отсутствие делало невозможным пересмотр дела братьев Кип.

В это время газеты сообщили о приходе «Иллинойса» в порт Сан-Франциско. Это произошло тридцатого мая, три недели спустя после того, как он взял на борт беглецов. На американской земле фении были встречены с энтузиазмом. Газеты с восторгом писали об их удачном побеге, прославляя тех, кто готовил его.

И тут все заметили, что голландцы исчезли сразу после высадки.

Спрятались ли они в Сан-Франциско, чтобы не попасть в руки американской полиции? Или ушли в глубь материка? Как знать? И теперь, если речь пойдет о выдаче преступников властям Соединенного Королевства, их непросто будет найти.

Эта информация лишь утвердила обвинителей в их мнении. Даже мистер Хаукинс прекратил свои действия. Зачем? Ведь если братья останутся в Америке... Все замолчали о драме в Кераваре, как вдруг двадцать пятого июня город облетела новость, которой никто не хотел верить.

Карл и Питер Кип, вернувшись в Хобарт, были вновь посажены в городскую тюрьму.

Глава XV

Новое событие

Нет! Это, должно быть, один из тех ложных слухов, которые возникают неизвестно откуда и которые здравый смысл немедленно отвергает. Возможно ли, чтобы братья Кип, не использовав такой прекрасный шанс обрести свободу, вернулись в Тасманию? Они, убийцы капитана Джибсона, снова вернулись сюда? Ну разве что корабль, на борту которого они находились, вынужден был бросить якорь в Хобарте... Вот тогда их обнаружили, арестовали и посадили в тюрьму в ожидании отправки на каторгу, откуда уж теперь им никогда не убежать! Нельзя же, в самом деле, предположить, что они вернулись сами! Как бы то ни было, но братья вновь находились в тюрьме Хобарта. И никто, в сущности, не знал, при каких обстоятельствах они туда попали.

Это казалось невероятным всем, кроме одного человека, который сразу дал самое верное объяснение. Он один, не столько умом, сколько сердцем понял причину странного и неожиданного возвращения беглецов.

— Да никуда они не бежали! — воскликнул Хаукинс. — Они были вывезены из Порт-Артура! Да! И они сознательно возвратились, по доброй воле... вернулись, потому, что они не виновны, потому, что они хотят, чтобы это стало очевидным для всех!

Это была правда.

Весь путь от Порт-Артура до Сан-Франциско Карл и Питер Кип сокрушались о том, что их вынужденный побег перечеркнул всякую возможность пересмотра их дела. Ирландцы, которые теперь ни минуты не сомневались в их невиновности, в ответ приводили им свои доводы. Они считали, что, вступив в бой с констеблями, братья уже навредили себе с пересмотром дела, и единственным выходом было взять их на борт корабля. Могли ли ирландцы не попытаться отблагодарить братьев за их благородный поступок?

Ко времени их прибытия в Америку требования из Великобритании о выдаче преступников еще не поступило. Высадившись в Сан-Франциско, Карл и Питер Кип распрощались с ирландцами, согласившись взять займы несколько сот долларов. С этого дня никто больше не видел братьев Кип на улицах Сан-Франциско. Они переехали в Сан-Диего, к американской границе, и поселились в скромной гостинице. С тех пор они только ждали

случая сесть на пароход, направлявшийся к Австралийскому материку, стремясь как можно скорее вернуться в Хобарт и сдать в руки того самого правосудия, которое их так несправедливо осудило! И если бегство могло быть расценено как признание вины, то возвращение свидетельствовало перед всем миром о невиновности. Нет, они не хотели жить на чужбине, покрытые позором ложного обвинения, в постоянном страхе быть узванными и пойманными. Они хотели только одного: восстановить свою честь, свою репутацию. Были минуты, когда Карла охватывали сомнения: быть на свободе и отказаться от нее! Вновь довериться суду людей, явно настроенных против них! Но сомнения отступали перед доводами брата.

Итак, они жили в Калифорнии и искали возможности отправиться в Тасманию. Им повезло. Пароход «Стандарт» стоял в порту Сан-Диего под погрузкой, готовясь к отплытию в Хобарт. Он набирал пассажиров разных классов. Братья Кип взяли билеты третьего класса. На следующий день они под вымышленными именами поднялись на борт судна. Пароход взял курс на запад. После продолжительного плавания он обогнул Порт-Артур и бросил якорь в Хобарте. Братья Кип сошли на берег.

Как только мистер Хаукинс узнал об этом, он немедленно направился в тюрьму, двери которой были для него открыты. И вот он уже в камере братьев.

— Мистер Хаукинс, — сказал Питер, — уж вас-то, надеюсь, не удивляет наше возвращение, вы уже давно знаете правду и никогда не считали нас виноватыми. Но необходимо, чтобы эта правда стала очевидной для всех, вот почему мы снова в Хобарте.

Мистер Хаукинс был так взволнован, что слезы текли у него из глаз, он едва нашел слова:

— Да, господа, да, это прекрасно, благородно, то, что вы сделали!

И вот вновь все трое обдумывают все происшедшее. Братья узнали, что компания Вэна Мода нанялась на «Кайзера» и направилась к Соломоновым островам. И кто знает, не завладели ли они уже судном и не занимаются ли разбоем в той части Тихого океана? И где тогда их найти?

— Но, если даже мы и сможем найти их и они предстанут перед судом, — вздохнул Питер, какие доказательства мы представим?

— Нам поверят! — воскликнул Карл. — Нам поверят хотя бы потому, что мы вернулись, чтобы доказать свою невиновность!

— Может быть, но какие нужны аргументы, чтобы добиться пересмотра дела?

Расставшись с братьями, Хаукинс попросил аудиенцию у сэра Эдварда Карригана. Без долгих объяснений губернатор обещал сделать все от него

зависящее, чтобы исправить эту юридическую ошибку. Он постарается добиться пересмотра дела. Но если бы удалось поймать Флига Балта, Вэна Мода и их сообщников, это бы значительно продвинуло дело!

Вскоре был назначен следователь по уголовным делам, которому вменялось провести расследование, допросить приговоренных, вновь получить свидетельские показания. Кто знает, вдруг обнаружится новая подробность совершенного преступления, которая позволит начать пересмотр дела?

Принимая во внимание, что следствие могло затянуться из-за удаленности места преступления и отсутствия подозреваемых лиц — боцмана и его сообщников, — братьям смягчили режим заключения, посещения были не ограничены. Этим, разумеется, воспользовались почтенные Хаукинс и Зигер, которые поддерживали братьев в их тяжелом состоянии духа.

О деле по убийству капитана Джибсона сообщили лорду генеральному атторнею Соединенного Королевства. Был отдан приказ о розыске «Кайзера» вблизи Новой Гвинеи, архипелага Бисмарка и Соломоновых островов. Со своей стороны немецкое правительство тоже включилось в поиск, опасаясь, что судно могло попасть в руки пиратов.

Новое расследование дела началось с вопросов к Карлу и Питеру. Следователя интересовало, была ли занята комната по соседству с ними, когда они жили в трактире «Великий старик». Но братья ничего не могли сказать, так как уходили утром и возвращались поздно вечером. Следователь вместе с мистером Хаукинсом пошел на постоянный двор и увидел, что комната, которую занимали братья Кип, имеет общий балкон с другой комнатой. Но хозяин не помнил, жил ли в ней кто-нибудь в то время. Между тем хозяин «Свежей рыбы» подтвердил, что Вэн Мод и остальные снимали у него комнату до ареста братьев Кип.

Прошел месяц, как заключенные находились в тюрьме Хобарта, а расследование не приносило никаких результатов. Для пересмотра дела по-прежнему не было никаких оснований. Несмотря на свою уверенность в невиновности братьев Кип, мистеру Хаукинсу невыносимо было сознавать свое полное бессилие! Что уж говорить о Карле, все чаще впадавшем в такое отчаяние, что даже Питер не мог помешать этому. Временами Карл терял самообладание настолько, что начинал упрекать брата в том, что тот уговорил его вернуться, чтобы вновь предстать перед судом, который уже их однажды приговорил к казни.

— А ведь может и теперь приговорить! — воскликнул однажды Карл.

— Нет, брат, нет! Господь не допустит этого!

— Он же допустил, что нас приговорили к смерти как убийц и опозорили наше честное имя!

— Верь, бедный мой брат! Верь!

Питер Кип не мог сказать ничего другого. Но его вера была непоколебима так же, как и уверенность Хаукинса в их невиновности.

К этому времени мистер Зигер стал собираться в обратный путь. Он искал пароход под английским или немецким флагом, который бы доставил его в Порт-Праслин. Эти несколько недель обе семьи провели почти не расставаясь. Все надеялись на хороший исход дела. К ним часто присоединялась миссис Джибсон, которая тоже страдала оттого, что дело так затягивалось. А просьба о пересмотре все еще не могла быть удовлетворена. Новая информация, полученная из Голландии, лишь подтвердила то, что было известно и раньше. На родине прекрасно знали семью Кип, и те, кто вначале поверил в их виновность, теперь, после их возвращения, не сомневался в юридической ошибке. Однако это не являлось веским аргументом для пересмотра дела. Что касается «Кайзера», то о нем так и не поступило никаких сведений. Мистер Хаукинс с ужасом думал о том что если власти прекратят расследование, то приговор будет подтвержден и братьев вновь доставят в Порт-Артур откуда их сможет освободить лишь королевская милость.

— Лучше смерть, чем возвращение на каторгу, — говорил Карл.

— Но и позорная милость не лучше, — ответил Питер.

Отъезд супругов Зигер был назначен на пятое августа. Перед возвращением в Порт-Праслин мистер Зигер попросил сделать ему увеличенный снимок убитого капитана. Мистер Хаукинс согласился и принялся за дело. По его замыслу, на новом, увеличенном позитиве должно быть запечатлено только лицо капитана Джибсона. Нечего и говорить, что его лаборатория была оборудована по последнему слову техники. Итак, он взял негатив, сделанный на Кераваре, вставил пластинку в увеличитель и начал работать, стараясь получить возможно больший размер отпечатка. Вскоре работа была завершена, и новую фотографию вставили в раму. После полудня мистер Зигер и Нат Джибсон пришли по приглашению Хаукинса к нему в мастерскую.

Трудно описать их волнение, когда они оказались перед портретом мертвого капитана Джибсона, который глядел на них со снимка широко открытыми глазами. Его лицо, с выражением смертной тоски было таким же, как в момент убийства, в тот самый момент, когда его широко открытые глаза смотрели на убийц.

Нат Джибсон подошел к подставке, задыхаясь от рыданий, и

наклонился, чтобы поцеловать фотографию отца...

Вдруг он остановился, взял портрет и поднес его прямо к глазам. Что он там увидел? Его лицо исказилось болью. Он побледнел как смерть. Казалось, он хочет что-то сказать и не может... Наконец он повернулся, схватил со стола сильную лупу, одну из тех, которыми фотографы пользуются при ретуши. И стал смотреть через нее на фотографию...

— Они. Они. Убийцы моего отца! — вдруг закричал он.

Глава XVI

Заключение

Уже довольно давно любопытные опыты офтальмологов^[155] доказали, что предметы, которые отражаются в зрачке глаза, могут там оставаться бесконечно долго. Орган зрения содержит определенное вещество, которое позволяет зрачку фиксировать отражение предмета.

В тот миг, когда капитан умирал, его последний взгляд, полный ужаса и тоски, был направлен на убийц, и их лица запечатлелись в его зрачке. Когда мистер Хаукинс фотографировал жертву, на пленке запечатлелись малейшие детали. Если бы догадались взять лупу и посмотреть самые первые фотографии, можно было сразу увидеть лица убийц, так же, как сейчас.

Теперь и Хаукинс с Зигером ясно увидели эти лица. Наконец появилась улика, совершенно неопровержимая чтобы начать пересмотр дела!

— Несчастные! — повторял теперь Нат Джибсон, думая о заключенных в тюрьму братьях Кип. — Пока вы верили в их невиновность и пытались их спасти... хотели сделать это, я...

— Но в результате ты их спас, Нат! Ну да, ты! Ты увидел то, что никто из нас, возможно, не заметил бы, — говорил ему Хаукинс.

Как только сэр Эдвард Карриган был посвящен в курс дела, он распорядился начать новый процесс по делу об убийстве капитана Джибсона. Как распространилась эта весть по городу? Откуда она пошла? Кто первый рассказал об открытии Ната Джибсона, сделанном в мастерской мистера Хаукинса? Неизвестно. Но новость стала известна еще до того, как мистер Хаукинс пришел в тюрьму. Огромная шумная толпа стояла у ее ворот.

Братья Кип в своей камере слышали крики, шум и свои имена. Они подошли к зарешеченному окну, которое выходило во двор, но из него невозможно было ничего увидеть. В волнении и тревоге они напрягали слух и зрение, стараясь понять, что случилось. Тут в коридоре раздались шаги, и дверь камеры распахнулась.

На пороге стоял Нат Джибсон вместе с Хаукинсом и Зигером. Юноша низко поклонился, протягивая к братьям руки.

— Карл, Питер, простите меня!

Братья ничего не понимали. Сын капитана Джибсона молил их о прощении...

— У нас есть доказательства вашей невиновности! — воскликнули все трое.

— А я, как я мог поверить! — сказал Нат Джибсон, падая в объятия Карла Кипа.

Пересмотр дела был чисто формальным. Теперь не составляло труда восстановить все детали: кинжал принадлежал братьям Кип, нашел его Вэн Мод и принес на борт брига. Этим же кинжалом и воспользовались убийцы с тем, чтобы потом можно было свалить вину на пассажиров корабля. Они же и подбросили кинжал в каюту, чтобы его увидел там юнга Джим...

Газеты Хобарта сообщили обо всех подробностях, что сразу повернуло общественное мнение в пользу братьев. Через два дня началось слушание дела по пересмотру ранее принятого решения. Во время процесса народу собралось еще больше, чем в первый раз. Жаль, конечно, что некоторые свидетели отсутствовали, те, которые со свидетельской скамьи сразу пересели бы на скамью подсудимых. Суд продолжался менее часа. Он закончился полной реабилитацией Карла и Питера.

Друзья тут же предложили им свои услуги. Если бы Карл Кип захотел командовать кораблем, он мог получить его прямо здесь, в Хобарте. Если бы Питер Кип намеревался заняться торговыми делами, ему готовы были прийти на помощь очень многие. В конце концов договорились, что, как только «Джеймс Кук» будет приведен в порядок, Карл Кип поднимется на его борт в качестве капитана.

А чтобы закончить эту историю, следует добавить, что суду стало известно о судне, совершавшем набеги в районе Соломоновых островов и Новых Гебрид. Когда он наконец был атакован и захвачен английским судном, а пираты дрались, как люди, которых в случае поражения ждет виселица, то выяснилось, что разбойничий корабль и есть пропавший «Кайзер». Многие из бандитов были убиты, в том числе Флиг Балт и Лэн Кэннон. Что же до Вэна Мода, то ему удалось скрыться на одном из островов архипелага, и никто не знает, что стало с ним потом.

Такова развязка этого знаменитого дела, которое наделало столько шума и было известно под именем «Дело братьев Кип».

Конец

--

Jules Verne "Les Freres Kip", (1902)

Перевод А. Соломоновой

*Ист.: Жюль Верн "Братья Кип. Воздушная деревня",
16 том Собрания сочинений, М.: Ладомир, 1994 г. (с.5-206)*

notes

Примечания

В феврале 1840 года в Ваитанги был подписан договор между вождями маори и представителями британской короны, по которому на Новую Зеландию распространялась власть императорского правительства. В 1907 году Новая Зеландия стала доминионом (самоуправляющейся колонией) Великобритании. В настоящее время Новая Зеландия — полностью независимое государство, признающее правящим монархом королеву Елизавету II, которую в стране представляет генерал-губернатор.

Золото в Новой Зеландии было обнаружено в 1852 году (россыпи Хаураки на Северном острове); вскоре были открыты месторождения и на Южном острове (Отаго, Нельсон, Уэстленд). Эти месторождения выработаны еще в прошлом веке. В общем итоге они дали 364 тонны благородного металла, пик добычи пришелся на 1866 год (23 тонны).

В современной русской транскрипции туземные (маорийские) названия островов передаются иначе: Те-Ика-а-Мауи (Рыба Мауи) — для Северного острова, Те-Вака-а-Мауи (Лодка Мауи) — для Южного.

Маори — полинезийская народность, коренное население Новой Зеландии.

Фарватер — часть водного пространства, достаточно глубокая для прохода судов и свободная от навигационных опасностей.

Джин — можжевеловая водка, виски — хлебная водка.

Гарсон — официант, служка.

Кок — корабельный повар.

Претти Герл — красивая девочка (англ.).

Полубак — надстройка в носовой части судна.

Кэп (англ. cap, сокр. от captain) — фамильярное название капитана судна.

Каботаж — судоходство вблизи берегов вблизи побережья.

Жибе — виселица.

Пинта — британская мера жидкости (равна 0,57 л).

Узел — единица измерения скорости морских судов, соответствующая одной морской миле (1852 м) в час.

Копра — ядро кокосового ореха; используется для изготовления кокосового масла.

Перламутр — внутренний, обладающий радужным блеском слой раковины моллюсков, состоящий из углекислого кальция (арагонита) и органических веществ; используется при изготовлении украшений и пуговиц.

Пиастр — серебряная испанская и мексиканская монета; в XIX — XX веках была также денежной единицей Французского Индокитая.

Тали — приспособление из нескольких блоков с продернутой через них снастью, служащей для обеспечения работы по подъему тяжестей и парусов, выбирания шкотов и др.

Гафель — специальная рея, укрепленная наклонно в верхней части мачты (сзади нее) и поднимаемая вверх по мачте; на парусных судах служит для крепления косого паруса.

Марсель — прямой четырехугольный парус, устанавливаемый на мачтах вторым снизу. На многомачтовых судах различают верхний и нижний марсель (соответственно — третий и второй снизу).

Тринкет — французское название треугольных парусов, ставящихся перед мачтой.

Фок — нижний четырехугольный парус на передней мачте корабля (фокмачте).

Брам — стеньга — стеньгой называется рангоутное дерево, наращиваемое на мачту судна; продолжением стеньги вверх, или вторым наращением мачты, является брам-стеньга.

Марсовая служба — работы по расписанию на площадках в верхней части мачт (марсах), заключающиеся в управлении парусами.

Шкоты — снасти для управления парусами.

Рубка — закрытое помещение на верхней палубе или выше нее, имеющее различное предназначение. Здесь имеются в виду рулевая (ходовая) или штурманская рубки.

Кабельтов — морская единица измерения расстояния, соответствующая одной десятой морской мили, то есть 185,2 метра.

Аркада — ряд одинаковых арок, конструктивная деталь архитектурного оформления здания.

Острова Снэрс находятся за сотни миль от условной границы Индийского океана, за которую принимают меридиан мыса Южного (на Тасмании). В современной науке утверждается понятие о Южном океане, к которому относятся акватории приантарктических морей. В этом случае южная граница Индийского океана определяется линией мыс Игольный (Африка) — мыс Луин (Юго-Западная Австралия).

Фут — английская мера длины, равная 30,4 см.

«Куди» видимо, речь идет о высоких хвойных деревьях каури (*Agathis australis*), широко распространенных на островах Новой Зеландии.

Каикатеа — дерево *Podocarpus dactyloides*, которое европейские колонисты прозвали белой сосной.

«Пой» — новозеландский поп (Prothemadera novaeselandiae), называемый также птицей-священником — за черное оперение тела и белую шею.

Форштевень — передняя вертикальная или наклонная часть корпуса, образующая носовую оконечность корабля и служащая продолжением его киля.

Баррель — английская мера жидкости, имеющая различное значение; здесь соответствует 163,6 л.

Бизань — нижний парус на кормовой мачте корабля (бизань-мачте).

Лисели — паруса, употребляющиеся в помощь прямым при попутном ветре и ставящиеся по сторонам этих парусов на особых рангоутных деревьях.

Релинги — ограда, перила на корабле.

Нактоуз — плотно прикрепленный к палубе деревянный шкафчик, в котором размещаются компас и магниты, препятствующие искажению показаний магнитной стрелки.

Кубрик — жилое помещение для судовой команды.

«Литл Герл — маленькая девочка (англ.).

Брамсель — прямой парус, поднимаемый на брам-стенге над марселем. Фор-брамсель поднимается на фок-мачте; грот-брамсель — на грот-мачте.

Кливер — косой треугольный парус, устанавливаемый впереди фок-мачты.

Травить шкоты — немного ослабить («перепустить») шкоты.

Траверз — направление, перпендикулярное продольной оси корабля.

Камбуз — судовая кухня.

Галс — положение судна относительно ветра.

По переписи 1991 года, население Новой Зеландии составляет 3,4 млн. человек, в том числе 326 тысяч живут в Веллингтоне.

Черри — здесь: вишневая наливка.

Секстан (секстант) — ручной астрономический угломерный инструмент для измерения высоты светил, а также горизонтальных углов между земными ориентирами.

По переписи 1991 года, численность маори составляет 431 тыс. человек (12,9 % населения Новой Зеландии).

Миссионерство — распространение христианской религии среди коренного населения некоторых стран (чаще всего язычников, идолопоклонников).

Кинг-Кантри — район в центральной части Северного острова.

Зарифить паруса — уменьшить площадь парусов.

Общая площадь всех островов, входящих в Новую Зеландию, составляет около 270 тысяч кв. км, тогда как площадь Британских островов превышает 315 тысяч кв. км.

Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии —
официальное название британской монархии.

Неточность автора: упомянутые в тексте города расположены в горах, вдали от побережья.

Порт Окленд располагался в XIX веке на восточном побережье Северного острова. Между тем герои Ж. Верна следуют вдоль западного побережья, где подходы к окрестностям Окленда в бухте Манукау-Харбор сильно затруднены мелями.

Рейд — водное пространство перед входом в порт или гавань, используемое для якорной стоянки и перегрузки судов, свободное от подводных опасностей и достаточно защищенное от ветра и волнения.

Водоизмещение судна — объемная характеристика морского судна, численно равная объему вытесняемой этим судном воды при полной загрузке его.

Новая Голландия — старое название Австралии, употреблявшееся до середины XIX века.

Амбоина (совр. Амбон) — порт на одноименном острове в море Банда.

Лье — старинная французская мера длины; на суше была равна 4,44 км; существовало также километрическое лье, приравненное к 4 км.

Араукария — род хвойных деревьев, широко распространенных в Океании.

Депортированные лица — изгнанные, высланные из какой-либо страны люди (депортация является одной из мер наказания).

Буасо — старинная французская мера зерна и сыпучих тел; составляла около 13 л, но в конце XIX века обычно приравнивалась либо к 10, либо к 20 л.

Банка — морское мелководье; коралловая банка — отмель над коралловым рифом.

Морские блюдечки — брюхоногие моллюски (Астаеа).

Сольфатара — место выхода сернистых газов и паров воды через трещины и канальчики на склонах вулкана и стенках кратера.

Штаг — судовая снасть, удерживающая мачту или стеньгу спереди и располагающаяся в диаметральной плоскости судна; белый огонь поднимается на штате и включается при стоянке на якоре.

Луайоте (англ. Лаялти) — принадлежащий Франции архипелаг мелких островов восточнее Новой Каледонии, в тропической зоне Тихого океана.

Тропик Козерога — иное название южного тропика.

Канаки (полинез. kanaka) — туземное население островов западной части Тихого океана: Новая Каледония, Новые Гебриды.

Самый южный остров в группе Луайоте сейчас носит название Маре.

Ямс — группа растений рода диоскорея, распространенных в тропических и субтропических странах. Съедобные корни ямса используют в пищу подобно картофелю. У некоторых видов клубни достигают до 1,5 м в длину и до 50 кг веса.

Таро — тропическое растение *Colocasia* из семейства ароидных, культивируемое из-за его питательных корней; используется подобно картофелю.

Гибискус — род растений семейства мальвовых, распространенный преимущественно в тропиках; к этому роду относится около 250 видов деревьев, кустарников и однолетних трав. Для всех растений этого рода характерны крупные, ярко окрашенные цветы.

Цирк — горная котловина в форме амфитеатра, замыкающая ледниковую долину.

Пассаты — постоянные по направлению ветры, дующие в тропиках.

Северный архипелаг — так автор называет архипелаг Бисмарка.

Дрейф — снос корабля с линии его курса под влиянием ветра или течения.

Бом-брам-стенга — рангоутное дерево, третье наращение мачты.

Полуют — надстройка на корме судна, утопленная в корпус на половину своей высоты.

Фал — снасть для подъема рей, гафелей, парусов и т. д.

Гик — рангоутное дерево, одним концом прикрепляемое к нижней части мачты.

Стрингер — в данном случае имеется в виду бортовой стрингер, то есть продольная связь бортового перекрытия, идущая горизонтально по бортам.

Луизиада — архипелаг, состоящий из мелких островков и коралловых рифов и являющийся продолжением Новой Гвинеи в юго-восточном направлении.

Батавия — тогдашний административный центр Нидерландской Ост-Индии, ныне — Джакарта, столица Индонезии.

Новый Ганновер — тогдашнее название острова Лавангай, расположенного к северо-западу от Новой Ирландии.

Саго — крупа, получаемая из крахмала саговых пальм.

Латания — род пальм с веерной кроной, родиной которых являются острова западной части Индийского океана.

Вяхирь — крупный лесной голубь.

Калао (*Buceros bicornis*) — птица из семейства ракшеобразных, отряда птиц-носорогов; на ее клюве имеются два роговых отростка, за что она и прозвана «носорогом»; распространена в Индии, Индокитае, на Малаккском полуострове.

Эльдорадо — сказочная страна, богатая золотом и драгоценными камнями, будто бы расположенная в северной части Южноамериканского континента. Европейские исследователи потратили несколько столетий на ее поиски. В переносном смысле — страна исключительного изобилия и процветания.

Жюль Верн здесь не точен: климат экваториального пояса не знает смены сезонов умеренных широт, поэтому сравнение с маем «северных широт» неверно.

Балансир — имеется в виду противовес, прикреплявшийся к полинезийским лодкам для придания им большей остойчивости.

Орнитология — раздел зоологии; наука, занимающаяся изучением птиц.

99

Соответствует примерно 32° по шкале Цельсия.

Ванты — снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются с боков мачты, и их продолжения — стеньги и брам-стеньги.

Бом-брамсель — прямой парус, ставящийся на бом-брам-стеннге.

Протекторат — форма колониальной зависимости, характеризующаяся сохранением в подчиненной стране внешних признаков государственности.

Конвенция — международное соглашение по какому-либо специальному вопросу.

Йорк — на самом деле остров называется Дьюк-оф-Йорк, то есть остров Герцога Йоркского.

Тевтоны — германское племя, воевавшее с римлянами и уничтоженное ими. В новое время слово используется в переносном смысле: воинственные немцы.

На самом деле пролив Дампир отделяет Новую Британию от острова Рук (Умбои).

На современных морских крупномасштабных картах (например, в «Морском атласе») этот залив называется бухтой Картрэ.

Нижний фор-марсель — второй снизу парус на передней мачте корабля.

Мыс Сент-Джордж, южная оконечность Новой Ирландии.

110

Около 31° по Цельсию.

Лоция — руководство для судоводителей, содержащее подробное описание того или иного водного бассейна с точки зрения плавания по нему.

Морская сажень — мера измерений на море; 182 см.

Бетель — смесь пряных и острых на вкус листьев кустарника Piper betli семейства перечных с кусочками семян арековой пальмы и с небольшим количеством извести.

Арековая пальма — вид пальм (другие названия: пальма-катеху, бетелевая пальма), тонкое стройное дерево высотой обычно в 12–18 м и с кроной на самой верхушке; ее семена («орехи»), содержащие алкалоиды, являются составной частью бетеля, а также применяются в медицине и ветеринарии.

Панданус — род тропических древесных растений с длинными, узкими, большей частью зазубренными по краям листьями и дополнительными («ходульными») корнями на стволе.

Барингтон (англ. *barringtonia*) — род красиво цветущих деревьев, распространенных в Индии, Австралии, Америке и Африке.

Баньян — название двух видов очень крупных деревьев из семейства фикус, специфической особенностью которых являются развивающиеся из ветвей воздушные корни, поддерживающие мощную крону.

Калофиллум — тропический род, включающий в себя как деревья, так и кустарники; всего известно около 60 видов; в Океании распространен *Calophyllum inophyllum*, смола и кора которого обладают лекарственными свойствами, в частности, используются для зарубцевания ран и лечения язв.

Ротанговые пальмы (малайск. rotan — лиана) — пальмы тропической Азии с тонким и длинным, лазящим при помощи шипов стеблем.

Саговые пальмы — несколько видов пальм, из сердцевины ствола которых добывают богатый крахмалом продукт — саго.

Панкратиум (панкратий — *Pancratium*) — род растений семейства амариллисовых; многолетние луковичные травы с линейными (или ремневидными) листьями и безлистным цветоносным стеблем; отличается крупными белыми цветками в зонтиковидном соцветии.

Батат (*Ipomea batatus*, сладкий картофель) — вид съедобных тропических и субтропических корнеплодов.

Двуутробки, или сумчатые крысы семейство сумчатых
млекопитающих, то же, что опоссумы.

Папу — имеется в виду черный какаду, или расмолос (*Microglossus aterrimus*), отличающийся громким, хриплым голосом.

Никобарский голубь (*Coloenas nicobarica*) — один из самых великолепных представителей голубиных птиц; распространен на Новой Гвинее и окружающих ее островах; живет исключительно на земле.

Конхиолог — ученый, специализирующийся в конхиологии, разделе зоологии, изучающем раковины (главным образом моллюсков).

Ракушковые ракообразные (Ostracoda) — подкласс ракообразных, преимущественно мелкие рачки, снабженные двустворчатой раковиной.

Скараба (фр. scarabe) — другое название рода пифия (*Pythia*), улиток из семейства Ellobiidae, одного из самых примитивных семейств брюхоногих моллюсков.

Морские собачки (Blenniidae) — семейство собачковых рыб; многие из морских собачек способны покидать отливные лужи и передвигаться по суше ползком и прыжками.

Фактория — торговое поселение европейских купцов в колониях.

Тамтам — барабан с деревянными щитками вместо кожи, распространенный у многих первобытных народов.

Амулет — оберег; предмет, которому приписывается способность предохранять людей от болезней и несчастий всякого рода; носится на теле.

Сталактиты — натечные известковые образования, свешивающиеся в виде сосулек с потолка пещер.

Этнология (в отечественной номенклатуре — этнография) — отрасль исторической науки, изучающая состав, происхождение, разделение и культурно-исторические взаимоотношения народов мира, их материальную и духовную культуру, особенности быта.

Англиканская церковь — разновидность реформированной католической церкви, распространенная в Англии и ее бывших колониях. Догмы этой церкви занимают как бы промежуточное положение между католицизмом и протестантством. Официальным главой англиканской церкви является британский монарх.

Макира — этот остров известен под европейским названием Сан-Кристобаль; в настоящее время он входит в провинцию Макира независимого государства Соломоновы Острова.

137

Около сорока градусов по Цельсию.

Ватерлиния — здесь: маркировка на борту судна, соответствующая его осадке при полной загрузке.

Бакштаг — снасть для крепления с боков рангоутных деревьев.

Стаксель — треугольный парус, который ставится либо перед фок-мачтой, либо между фок- и грот-мачтами.

Рея — деревянный брус, прикрепленный к мачте или стене горизонтально палубе и перпендикулярно к диаметральной (продольной) плоскости корабля.

Фор-марсель — второй снизу прямоугольный парус на передней мачте корабля (фок-мачте).

Констебль — полицейский.

Фунт стерлингов — денежная единица Великобритании.

Кассационная жалоба — прошение суду вышестоящей инстанции о пересмотре и отмене решения суда низшей инстанции вследствие нарушения законов или несоблюдения правил судопроизводства.

Генеральный атторней — в английской системе правосудия должности прокурора соответствует пост атторнея; генеральный атторней — высший чиновник органов юстиции, член кабинета министров.

Англикане — приверженцы англиканской церкви; латиняне — католики (поскольку языком богослужения католической церкви является латинский).

Тиковое дерево — порода деревьев с очень твердой древесиной, распространенная в Южной Азии.

Методистская церковь — одно из направлений протестантской церкви, возникшее в Англии в XVIII веке, одной из отличительных черт которого было требование точного (методичного) выполнения церковных обрядов и предписаний.

150

Фунт — английская мера веса; соответствует 453,6 грамма.

Фении (др. — ирл. *fiann* — легендарная боевая дружина) — революционная организация ирландских республиканцев, действовавшая во второй половине XIX- начале XX века; основной ее целью являлось установление независимой Ирландской республики. Основана в 1858 году, в США, в среде ирландских эмигрантов.

Палата общин — нижняя палата британского парламента, депутаты которой избираются населением.

Палата лордов — высшая палата британского парламента, члены которой назначаются правящим монархом; членство в палате лордов является пожизненным.

Билль — принятый парламентом закон.

Офтальмология — раздел медицины, изучающий строение, функции и болезни глаза, методы лечения и предупреждения этих болезней.